

заметить, что ещё на рубеже 1960–1970-х гг. исследователям при рассмотрении зодчества второй половины XIII–XIV в. пришлось оперировать лишь памятниками Новгорода и Москвы второй половины XIV в., а также единичными изученными к этому времени памятниками тверского зодчества. В дальнейшем П.А. Раппопорту удалось значительно расширить географические границы общей картины развития архитектуры этого периода путём привлечения памятников Юго-Западной и Западной Руси [767]. Позднее И.В. Антипов провёл очень важную и объёмную работу по сведению всех имеющихся на тот момент данных о сооружениях второй половины XIII–первой трети XIV в. в своём каталоге «Древнерусская архитектура второй половины XIII–первой трети XIV в.» [768]. Однако первые памятники Северо-Восточной Руси, возведённые после монгольского нашествия, в 1280-х гг., продолжали оставаться «белым пятном». Открытие руин Борисоглебской церкви в Ростове и Спасо-Преображенского собора в Твери позволило, наконец, сдвинуть проблему возобновления строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII в. с мёртвой точки. И хотя эти открытия поставили много новых вопросов, которые пока ещё не имеют решения, есть все основания считать, что дальнейшие архитектурно-археологические исследования в этом направлении рано или поздно приведут к тому, что этот «тёмный период» в истории древнерусского зодчества будет со временем проясняться и займёт своё место в общей картине истории русской архитектуры.

О.М. Иоанниисян

Архитектура Твери и Москвы

Строительство в Твери до середины XIV века

Послемонгольские десятилетия Твери

Развитие Твери, Москвы и всей Руси, наблюдавшееся в первой трети XIII в., прервал в 1237–1238 гг. зимний поход Бату-хана. Пали главные северо-восточные города: Владимир, Суздаль, Переяславль Залесский, Ростов, Тверь, Москва, Дмитров, Ярославль, Галич Мерьский, Городец [769] и, видимо, Юрьев Польский [770], а в 1239 г. — Муром, Гороховец [771] и Ярополч [772], а также Нижний Новгород (в летописи войны не упомянут) [773].

Прямых известий о штурме Твери нет, но тогда, видимо, погиб один из сыновей Ярослава Всеволодовича [774], возможно, присланный для укрепления обороны, — так же как в Москве окажется воевода Филипп Нанка с младенцем-князем Владимиром Юрьевичем. Возможно, эти рассылки

младших князей в год монгольского нашествия не случайны и обозначают не только важность «малых городов» как крепостей, но их потенциал как будущих удельных столиц.

Важно, что уже во второй половине XIII—начале XIV в. недавно стёртые с лица земли Тверь, Москва, Коломна переживут подъём, а затем и расцвет. С первых же десятилетий правления монголов они вступят в конкуренцию за право быть «великими княжениями» Северо-Восточной Руси. Понятие великого княжения — родом из домонгольской Руси. Так стремились называться, подчёркивая независимый и общерусский характер своего правления, владимирские князья, начиная с Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1177–1212) [775]. Но южнорусские летописи всегда именовали их только «великими князьями суздальскими» [776].

Смысл термина меняется с признанием вассалитета по отношению к Орде. Князья Суздальской земли теряли право на независимую внешнюю политику и были обязаны платить татарский «выход». Сбор этой дани осуществлялся старейшим князем, получавшим ярлык на «великое княжение Владимирское» и право доставлять её непосредственно хану [777]. Ярослав, брат Юрия Всеволодовича, став после ухода Батия князем Владимирским, получил в 1243 г. в его ставке первый ярлык и статус старшего между князьями [778]. Вскоре (1246) Ярослав погиб в Каракоруме, и великим князем Владимирским стал его брат Святослав [779].

Именно при этом странном и ещё не устоявшемся, непривычном новом порядке явился на свет первые тверские князья и возникла возможность возвышения города: в домонгольское время ни своего князя, ни каменного собора Тверь не имела, оставаясь одной из крепостей в составе удельного княжества Переяславского. Теперь, в 1247 г., Тверь стала уделом, и её собственный князь Ярослав Ярославич положил начало местной династии.

Тверское княжество образовалось раньше Московского. Но и появление Московского было не за горами: после княжеской усабицы (1248–1252) Святослава и Ярославичей [780] великим князем Владимирским стал Александр Ярославич Невский (1252–1263). Он выделил самому младшему сыну Даниилу из состава родового Переяславского княжества новый удел, видимо, тоже самый младший — Москву. Двухлетний князь был слишком мал, и от его имени управляли тиуны Ярослава Ярославича Тверского. Но уже в 1270-е гг. Московское княжество выступил на историческую сцену [781].

В летописании середины XIII в. Тверь совершенно незаметна: её владелец Ярослав

[767] *Раппопорт*, 1993. С. 109–121.

[768] *Антипов*, 2000.

[769] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 459–464; НЛД, 1950. С. 75–76.

[770] *Кучкин*, 1984. С. 108.

[771] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 470.

[772] *Седова*, 1978. С. 127.

[773] Северные города (Белоозеро, Кострома, Молога, Унжа, Устюг) и западный Зубцов, вероятно, уцелели. Центральные города (Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль) разорены и позднее — в 1252, 1281, 1293 гг.

[774] НЛД, 1950. С. 76.

[775] *Пресняков*, 1998. С. 47; *Поптэ*, 1996. С. 481; *Феннел*, 1989. С. 40.

[776] *Горский*, 2004. С. 150.

[777] Формально — дважды в год, весной и осенью. «Выход» собирали со всех уделов, входивших в великое княжение, и с Новгорода.

[778] «Буди ты старей всем князем в Русском языке» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 470). См.: *Насонов*, 1940; *Насонов*, 1951 (в 2002 г. оба исследования А.Н.Насонова были переизданы в одной книге: *Насонов*, 2002).

[779] «Посади по городом, яко бе им отец оурядиль Ярославль» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 471).

[780] *Насонов*, 2002.

С. 239–241; *Кучкин*, 1984. С. 111.

[781] *Кучкин*, 1984. С. 119; *Горский*, 2000.

[782] *Клюз*, 1994. С. 62–65.

[783] Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 404; НЛД, 1950. С. 89, 321; *Приселков*, 2002. С. 331.

[784] См.: *Мальгин*, 1998. С. 46; *Мальгин*, 2003. С. 94–95.

[785] Впрочем, в то время в княжествах Северо-Восточной Руси было мало городов, обычно один (8 случаев), реже два или три (6 случаев) (*Кучкин*, 1990/1. С. 73).

[786] *Егоров*, 1985. С. 200–201; *Горский*, 1995. С. 34.

[787] Это при том, что борьба идёт между родственниками, пусть и не слишком близкими.

[788] *Пресняков*, 1998.

С. 87–103; *Мальгин*, 1995.

С. 329; *Горский*, 2004.

[789] 1305–1317 гг. — Михаил Ярославич Тверской, 1317–1322 гг. — Юрий Данилович Московский, 1322–1325 гг. — Дмитрий Михайлович Тверской, 1326–1327 гг. — Александр Михайлович Тверской.

[790] *Клюз*, 1994. С. 99–121; ДДГ, 1950. С. 34. № 12.

[791] С конца 1330–1340-х гг., не желая чрезмерного возвышения одного княжества, Орда поднимала статус некоторых княжеств, в том числе Твери, до «великих княжений» — но в рамках их собственных границ (см.: *Насонов*, 1940. С. 101; *Клюз*, 1994. С. 158; *Горский*, 2000. С. 107–112; *Горский*, 2006. С. 10. О Нижнем Новгороде и Рязани: *Пресняков*, 1998. С. 162).

[792] «Появление летописных сводов означало появление таких письменных исторических произведений, которые содержали опыт средневекового построения государства, народа или народов, опыт построения и истолкования исторического процесса, как его понимали современники» (*Насонов*, 1969. С. 12–13).

[793] При этом они оставались вассальными правителями Орды: чеканка монеты, и то в виде местного варианта ордынских денег, начнётся в Твери только в самом конце XIV—XV в., а в Москве на несколько десятилетий раньше, во второй половине XIV в.

Ярославич, став в 1265 г. великим князем Владимирским, то воюет за Новгород с немцами, то ездит в Орду [782]. Но его останки вернутся домой в зиму 1271/1272 г. и будут похоронены в Твери, в деревянной церкви Св. Козьмы и Демьяна [783]. В средневековом правосознании место погребения играло важную роль, так что отказ от захоронения в Успенском соборе стольного города Владимира — явный знак, что удельная Тверь мыслится как столица княжества [784].

Наследник тверского стола Святослав Ярославич Тверской (1271/1272–1282/1285) и его двоюродный брат Даниил Московский вступают в политические отношения если не как равные, то близкие по статусу: как князья самостоятельных княжеств, борющихся за великое княжение. Но Тверь на первых порах, несомненно, опережает Москву. Она резко шагнёт из числа рядовых крепостей в Переяславском уделе [785] на уровень столицы. Её первый удельный князь через 20 лет правления получит Владимирское княжение и заложит основы тверской династии, давшей Руси ряд очень ярких правителей, причём Михаил Ярославич в 1304 г. станет великим князем Владимирским уже как князь Тверской.

В 1280–1290-е гг. Тверь и Москва пока остаются союзниками: оба княжества полагаются на поддержку Ногай, хозяина западной части улуса Джучи [786], в борьбе с князем Переяславским и великим князем Владимирским (1294–1304 гг.) Андреем Александровичем, державшим сторону ханов Поволжья. Но в первые годы XIV в. ситуация изменилась: погиб Ногай (1300 г.), умерли Даниил Александрович (1303 г.) и великий князь Андрей Александрович (1304 г.), а Орда вновь пережила период расцвета при хане Узбеке (1312–1341).

С начала XIV в. конфликт Твери и Москвы, стремительно развившихся новообразованных княжеств, за первенство на Северо-Востоке стал неизбежным. Борьба за ярлык на великое княжение велась всеми средствами, известными политикам средневековья: в ход шли интриги в Орде, оговоры и убийства, война и подкуп [787], привлечение на свою сторону деятелей Церкви. События разворачивались и на Руси, и в Орде. Обе стороны вели себя исключительно жёстко. В результате интриг московского князя в Орде был казнён Михаил Ярославич Тверской (1318 г.), в отместку его сын Дмитрий Михайлович убил Юрия Даниловича Московского (1325 г.), за что сам был казнён (1326 г.) [788]. Решающего перевеса добиться не удалось ни одной из сторон, но до 1327 г. ярлык на великое княжение в основном держала тверская династия [789]. Знаменитое восстание в Твери 15 августа 1327 г. против посла Чолхана и карательный поход татар

на Тверь при участии Ивана Даниловича Калиты и Александра Васильевича Суздальского изменили течение дел, укрепив позиции Москвы: с 1328 г. ярлык на великое княжение, с очень короткими перерывами, будет в руках её князей, а Дмитрий Донской в духовной 1389 г. просто передаст великое княжение наследникам как «отчину» [790]. Под управление Москвы будут переходить всё новые и новые территории, Тверь же так и останется в рамках своих земель, со статусом «Великого княжества Тверского» [791].

Молодые династии, тверская и московская, состязались не только в политике и на полях сражений, боролись не только за поддержку Церкви и ханское благоволение. С конца XIII—начала XIV в. они, получив новые финансовые возможности, активно использовали все традиционные средства повышения статуса. Возводили каменные храмы, расписывали их, наполняли иконами, драгоценными сосудами и книгами. Начали вести собственные летописи, создавать великокняжеские своды и иные литературные произведения [792], развивать художественные ремёсла. Ювелирное и оружейное дело, искусство портных и кожевников было остро необходимо для успешного правления и формирования двора, требовавшего известного блеска и комфорта [793].

Середина—вторая половина XIII в.—разделительный рубеж в культуре Северо-Востока. Его определил не только монгольский разгром, но в большой степени — изменения политической географии и условий жизни. Сошлось множество факторов: начавшееся похолодание и увлажнение климата; освоение, в результате этого, водоразделов; рассредоточение населения; кризис северного торгово-промыслового хозяйства; продолжение дробления княжеств. Археология указывает на упрощение повседневного быта, а особенно — на утрату сложных элитных технологий и статусных аксессуаров, отказ от древнерусского традиционного женского убора. Резко меняется система погребения (окончательно уходит курганный обряд). Анализ художественной среды показывает, что многое нужно было начинать сначала, но в ряде областей искусства развитие продолжалось даже в самые страшные годы нашествия, а церковный характер культуры не только сохранился, но обеспечил ей защиту и даже известную поддержку со стороны Орды.

Тверь первой заявила о своих претензиях на роль церковного центра и княжеской столицы. С 1285 г. в Лаврентьевской летописи появляются оригинальные тверские записи, а после того как в 1304 г. Михаил Ярославич Тверской стал великим князем Владимирским, возникла потребность создать великокняжеский свод, начало

которому положил «Свод 1340 г.» [794]. Михаил Ярославич выступил донатором иллюминированной Хроники Георгия Амартола [795], на одной из миниатюр которой (л. 17 об.), по сторонам от изображения Спасителя на престоле, представлены сам Михаил и его мать Ксения [796] [см. ил. 413]. Так тверскому князю было отведено место в общей мировой истории. Предполагается, что в монастырях Твери с 1310-х гг. работала группа выходцев с православного Востока—во всяком случае, известен Устав, составленный неким Фомой Сириянином в Твери и датированный составителем 1317 г.

В Твери рано, в конце 1260-х гг. (после отъезда епископа Симеона из Полоцка, в 1267 г. попавшего под власть «латинского» архиепископа Риги), возникает собственная епископская кафедра—третья на Северо-Востоке после Ростовской и Владимирской [797]. Присутствие епископа отмечено летописью впервые зимой 1271/1272 г. в связи с погребением великого князя Ярослава Ярославича, умершего на обратном пути из Орды. Симеон отвечает и хоронит князя в церкви Св. Козьмы и Демьяна [798]. В 1285 г. Симеон участвует в закладке над гробом Ярослава Ярославича, на месте деревянной церкви Козьмы и Демьяна, каменного собора Спаса Преображения, где вскоре похоронят и самого Симеона [799].

Сравнительно скоро в городе появляется ещё один каменный храм—церковь Св. Фёдора в Фёдоровском монастыре в устье Тьмаки (1323–1325) [800], вблизи кремля. Затем в строительстве Твери заметен перерыв из-за разгрома 1327 г., с возможным уходом мастеров в Москву. Строительство возобновится только во второй половине столетия.

Начало каменного строительства в Твери

Существует мнение, что первый каменный храм Твери был построен вне города, в Отроче монастыре. Об этом говорит источник конца XVII в.—«Повесть об Отроче монастыре». При археологических работах 1980–1990-х гг. под существующей монастырской церковью обнаружились остатки более ранней. Авторы исследования соотнесли их с сомнительной датой, указанной в «Повести» (1260–1270-е гг.), и даже гипотетически описали архитектурно-художественные особенности утраченного сооружения [801]. Но в условиях шаткой хронологии ранних построек Твери эти характеристики можно учитывать только в общей картине развития строительства Руси XIV–XVI вв., не опираясь на них при реконструкции зодчества второй половины XIII в.

Гораздо надёжнее сообщения источников о первом кафедральном соборе Твери—Спаса-Преображенском, построенном

в 1285–1290 гг. и полностью разобранном в 1690-е гг. при строительстве более крупного по размерам нового храма, схематично воспроизведённого уже привычный к концу XVII в. образце—Успенский собор Московского Кремля.

Историю тверского собора активно изучали, несмотря на то, что о его архитектуре ничего не было известно [802]. Проведённое в 2012–2014 гг. полное раскрытие участка собора (Л.А. Беляев, И.А. Сафарова, А.Н. Хохлов) показало, что остатки сооружений, к сожалению, сохранились плохо (см. ниже).

Постройка каменного собора в Твери стала следствием появления в городе епископской кафедры. В сообщении летописи о его строительстве прямо говорится, что он заменил деревянную церковь Космы и Дамиана [803], где, как уже говорилось, было положено в 1271 г. тело князя Ярослава Ярославича, которого отпевал первый тверской епископ Симеон [804]. В центральной и южной частях в зоне собора раскопками 2013 г. обнаружены десятки погребений, совершённых до начала каменного строительства. Их можно уверенно считать одним из первых кладбищ Твери, сложившимся, вероятно, при церкви Св. Космы и Дамиана [805]. Указание летописи на смену церкви Преображенским собором [806] позволяет думать, что храмы стояли на одном и том же месте, что подтвердили и раскопки [807]. Если так, то из деревянной церкви при начале строительства, вероятно, вынесли останки князя Ярослава Ярославича или приняли меры для сохранения его могилы [808].

Каменный кафедральный собор Твери заложили [809] в 1285 г. епископ Симеон, князь Михаил Ярославич и его мать Ксения [810]. Строили долго, около шести лет, но уже в 1288 г. в соборе пришлось провести богослужение, освятив «малым священием», хотя работы ещё продолжались: «Того же лета епископ Семеон Тферскыи свящал малым священием церковь камену на Тфери святого Спаса, еще не съвршену сущу, и служааша в неи, а мастера делаху святого Спаса» [811]. Через два столетия составители Никоновского свода попытались снабдить описание деталями, известными им по хорошо документированному освящению деревянной церкви в московском Успенском соборе (для венчания 12 ноября 1472 г. Ивана III) [812]: «Семион... свящал церковь древену во Тфери святого Спаса внутри каменья, еще не совершенне сущи болшей каменней и служаше в неи, а мастера делаху церковь Святого Спаса каменную» [813]. Однако доверять этому сообщению вряд ли возможно [814]. Проще видеть здесь экстраполяцию поздним летописцем хорошо

Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 150.

[805] Находки в могилах немногочисленны, но позволяют датировать кладбище не позднее XIII в. Неглубокие одиночные могилы традиционной для христиан ориентировки собраны в небольшие (семейные?) группы; ось устойчивая, с незначительным, но всё же заметным отклонением от оси соборов XIII и XVII вв.—видимо, это говорит о несколько иной ориентировке деревянного храма.

[806] *Ворогин*, 1945. С. 376; *Ворогин*, 1962. С. 498. Примеч. П. Посвящение церкви Н.Н.Ворогин связывал с новгородским происхождением основателей Твери. Городские соборы с таким посвящением в домонгольской Руси фактически не известны, но для посадского храма оно очень привычно: в Твери позже будут и другие престолы Космы и Дамиана. Один из древнейших храмов Московского Кремля—также Космодемьянский. Это лишает «новгородскую» гипотезу убедительности.

[807] Исторические известны и другие варианты—например, в Ярославле собор менял местоположение минимум трижды за XIII–XVII вв. Но в Твери стратиграфия, планиметрия, строительная техника и фрагменты декора убедительно свидетельствуют о развитии храма на той же площадке. Более подробный, чем в данном томе, архитектурно-археологический анализ см. в статье: *Беляев, Сафарова, Хохлов*, 2016.

[808] Возможно, деревянная церковь занимала пространство центральной апсиды каменного собора XIII в.—это единственный участок, на котором не отмечено погребений первого некрополя. «Роспись» 1669 г. архиепископа Иоасафа помещает погребение князя в юго-восточном углу собора, однако на основе столь позднего источника невозможно судить о ходе событий в XIII и последующие столетия (*Топычканов*, 2003. С. 353).

[809] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 482–483; Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 179; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 166. [810] Там же. [811] Симеоновская летопись, 1913. С. 74; Летописный сборник, именуемый

известных сообщений о московских событиях 1472 г. на Тверь XIII в. Как уже упоминалось, Симеоновская летопись указывает на «малое священие», т.е. служба совершалась на антиимнсе без освящения престола. Для этого достаточно было иметь уже покрытое сводами одно из помещений строящегося собора.

Епископ Симеон будет похоронен в заложенном при нём соборе первым, на «правой стране» [815]. Летопись подчёркивает, что собор—кафедральный, называя его «епископской церковью» и «епископъей Тферской» [816]. Окончательно собор освятил епископ Андрей, преемник Симеона, 8 ноября 1290 г., в день Архангела Михаила (тезоименитство князя Михаила Ярославича) [817]. В 1292 г., после необходимого технологического промежутка, собор рас-

писи, московской по происхождению, слышно удивление и чуть ли не осуждение подобной топорливости. Никакого объяснения летопись не предлагает. Н.Н.Ворогин полагал, что «промежуточное» освящение могло вызвать отсутствие в Твери других церквей, но эти церкви явно имелись, по крайней мере монастырские. См. о них ниже. [812] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 299; *Выголов*, 1994/2. С. 20.

[813] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 167. [814] См.: *Дмитрий, архиеп.*, 1907. С. 117; *Овсянников*, 1896. С. 4; *Ворогин*, 1962. С. 138, 408, 410 и др.

[815] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 167. То есть на южной стороне. [816] Там же. С. 168 («Священа бысть соборная церковь епископская святого Спаса Андреем, епископом Тверским...»); Симеоновская летопись, 1913. С. 82 (под 6797 г.: «... и поставлен бысть епископ Тферский святому Спасу...»; под следующим 6798 г.: «... свершена бысть на Тфери церковь камня святого Спаса и священа бысть епископъя Тферская великим священием...»).

[817] Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 406. [818] Симеоновская летопись, 1913. С. 82. [819] Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 406; Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 482–483.

писали («...иконописцы подписаша на Твери церковь камену святого Спаса...») [818].

Сведения о закладке собора содержатся во многих русских летописях [819], и в историографии утвердилось мнение, что она стала событием в жизни Владимиро-Суздальской Руси благодаря полувековому перерыву в строительстве новых каменных церквей, вызванному монгольским нашествием [820]. Однако давно отмечено, что до 1285 г. источники упоминают ряд обновлений и перестроек монументальных сооружений на Руси, которые вслед за этим вновь освящались [821]: вероятно, был закончен ремонт храма в Кидекше (1239) [822]; капитально перестроена дворцовая церковь в Ростове (1253) [823]; перекрыта кровля и настлан пол в соборе Владимира (1280-е гг.) [824]. Русь явно сохранила возможность строительства каменных зданий. Новый же тверской собор, скорее, подтверждал смещение зоны управления страной от её центра, из старых городов, в недавно считавшиеся небольшими приграничные крепости.

Трудно сказать, действительно ли посвящение собора Преображению Господню указывает на следование как образцу Перяславлю Залесскому [825], собор которого имел то же посвящение. Нельзя не отметить, что такое посвящение известно для кафедральных храмов (Спасский собор в Чернигове), а для княжеских резиденций и монастырей его можно считать характерным (Спас на Берестове, Спас во Владимире на Клязьме и др.). Такое посвящение городского собора—случай в домонгольской Руси не столь уж редкий, и в связи с ним логично вспомнить о соборе Спаса Преображения в княжеском монастыре Москвы.

С конца XIII—начала XIV в. собор становится общей усыпальницей князей и епископов Твери: сюда приходят молиться у гробов предков перед важными событиями, здесь служат поминальные молебны и венчают князей. В традиционной для ктиторских погребений южной («правой», «десной») половине храма хоронят и епископы, и князьи. Епископа Симеона положили «на правой стране», а тело князя Михаила Ярославича, привезённое из Орды через Москву в 1319 г.,—рядом с ним («на десной стране... по сторонь епископа Симиона» [826]). Н.Н.Ворогин полагал, что речь должна идти о юго-западной части храма [827], и с этим можно согласиться: от юго-западного угла обычно начиналось развитие соборных некрополей Руси [828].

Позже, однако, тверских епископов начнут хоронить в особой церкви. Епископа Андрея (ум. 1323) «принесоша ... во святый Спас, и певше над нимь, положиша его в святем Введении святыа Богородици в малой церкви» [829]. Полагают, что этот текст нужно

^[1] В 1285–1290 гг. и полностью разобранном в 1690-е гг. при строительстве более крупного по размерам нового храма, схематично воспроизведённого уже привычный к концу XVII в. образце—Успенский собор Московского Кремля

понимать как свидетельство существования соборного придела, размещённого в специальной пристройке; допускается также, что её возвёл сам епископ, определивший и посвящение престола (ранее он уже основал Введенский монастырь на р. Шоше) [830]. Позже (1353) узнаём, что «строением» епископа Фёдора «поставлен бысть крест золочен на церкви святого Спаса... та же потом на святем Дмитрии и на святем Введении» [831], т.е. в одном контексте со Спасским храмом появляются уже две церкви—можно предполагать, что придельные. Более того, в 1360 г. епископ Фёдор «подписывал малую церковь Ведение святяга Богородица» [832], и в 1367 г. погребён здесь «с владыкою с Андреем в един гроб» [833]. Больше, однако, эта церковь не упоминается как епископская усыпальница, а в последний раз названа предположительно в 1375 г., когда здесь крестили невесту князя Ивана Михайловича Марию, дочь литовского князя Кейстута [834]. Таким образом, документально во Введенской церкви фиксируются погребения только двух епископов, причём все известные факты украшения храма, предпринятые вторым из них, фиксируются между 1323 и 1367 гг. Вскоре после смерти епископа Фёдора след церкви (придельной или отдельно стоящей) исчезает.

Ещё меньше можно сказать о Дмитриевской церкви. Полагают (Н.Н. Воронин, А.М. Салимов и др.), что она служила княжеской усыпальницей, поскольку сын Михаила Ярославича, Дмитрий (1299–1325), позже погибший в Орде, носил это имя [835]. Действительно, возможно, что его отец или он сам были ктиторами храма соимённого святого. Но сама церковь упомянута только один раз, в 1353 г., в связи с позолотой глав. Ни о каких погребениях в ней не говорится.

Специально отметим, что Введенская и Дмитриевская церкви названы в летописи придельными только один раз—в сводке данных о Спасском соборе, предшествующей Повести о житии Михаила Александровича. Но это не даёт полной уверенности в том, что они были пристроены к собору или находились в одном из его компартиментов [836]. Таким образом, вид собора с двумя приделами и тремя главами с золочёными крестами, предполагаемый обычно исследователями,—это, скорее, гипотеза.

Столь же уверенно пишут о придельном характере храма Св. Александра, но этот храм упомянут только в 1395 г., когда князь Борис Михайлович Кашинский «положен бысть в церкви святого Александра» [837], а затем вновь возникает в Писцовой книге конца XVI в., где назван: «во Твери у Спаса в приделе». Прошло около двух столетий, а практика переноса престолов хорошо известна, так что невозможно уверенно судить, где находилась церковь в XIV в.

Не известно, существовала ли какая-то зависимость или преемственность между этими тремя церквями, упомянутыми на протяжении XIV в. (1323, 1353, 1360, 1367 и 1359 гг.). Тексты не позволяют понять, было ли в начале XIV в. два придела, один («малая церковь») или ни одного (все церкви были самостоятельными). Какие-то из престолов или все они могли помещаться в соборе (в диаконнике, нартексе, на хорах и т.п.) или в его пристройках, но представить главы с позолоченными крестами над отдельно стоящими храмами столь же легко. Более поздние упоминания показывают ряд приделов, в ранних текстах не встречающихся [838]. Как и другие, вероятно, ещё более поздние, они, видимо, размещались внутри собора, а не в пристройках. Все эти свидетельства совсем не помогают представить художественное решение собора в XIII–XIV вв.

Гораздо больше данных об украшении Спасского собора дают скудные пометки о постоянных вкладах епископа Фёдора. Кроме вышеуказанного позлащения крестов и росписи Введенского придела, в 1344 г. он укрыл иконы окладами («местные иконы оковав в святом Спасе») [839] и заказал для собора двое врат («сотвори двери медяны... от своего двора» [841]; в 1349 г. «подписал алтарь во святем Спасе» [842]; в 1359 г. настлал пол из поливных плиток или камня («Федор владыка Тверьский у себя в соборной церквы... намости дно мраморено») [843]. Все это позволяет представить интерьер, порталы, завершения собора к середине XIV в. как исключительно богатые и яркие. О наличии в соборе погребений свидетельствует обнаружение при его разборке каменных саркофагов (их наблюдал Н.П. Милонов [844]), но их типы, к сожалению, не описаны.

Изображения собора, восходящие к XVII в., помогают мало, они очень условны или схематичны: рисунок Пальмквиста (1674) [845]; рисунок Твери Олеария (1630-е гг.) [846]; панорама Твери из альбома Мейерберга (1661–1662 гг.) [847]; иконы XVII–XVIII вв. [848] Опираясь на них при описании собора 1280-х гг., по меньшей мере, неосторожно.

Архитектурная археология собора Спаса Преображения в Твери

Данные археологии позволяют судить о габаритах здания XIII в. и особенностях его плана [849] [ил. 306]. Сопоставляя остатки фундаментных рвов и свайные поля XVII в., можно прийти к заключению, что наос XIII столетия представлял собой не очень крупный трёхнефный, трёхапсидный, четырёхстолпный и, возможно, трёхпри-

[830] Храмовые празднества. 1903. С. 86.

[831] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 227.

[832] Рогожский летописец, 1922. Стб. 69.

[833] Там же. Стб. 83.

[834] Рогожский летописец под 6883 г.: «А на зиме того же лета о великом заговении месяца февраля в 9 день за князя за Ивана Михайловича приведоша княжну Марию из Литвы во Тферь, Кестутьеву дщерь некрещену, и крести ея того дни Еуфимии владыка в святом Воздвижении, а на завтрее венчан бысть с нею в соборной церкви Святаго Спаса владыкою Еуфимием» (Там же. Стб. 113); Тверская летопись под 6883 г.: «А на ту же осень женися князь Иван Михайлович, приведе за него Кестутьеву дщерь Микловсу и крести е владыка Еуфимей (в) Вздвижение, и нарече е(я) имя Мариа» (Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 113–114, 435). Прямо

сказано, что крещение произошло в церкви Воздвижения. Н.Н. Воронин, вслед за тверскими краеведами, считает это опиской (Воронин, 1962. С. 499. Примеч. 23). Но уверенности быть не может—многие престолы упоминаются лишь единожды, навсегда исчезая из текста. В любом случае речь идёт скорее не о приделе собора, а об отдельном храме: на следующий день тот же епископ Еуфимий венчает Марию с Иваном уже в Спасском соборе, о чём специально сказано.

[835] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 172; Дмитриев, архиеп., 1907. С. 11.

[836] Запись о погребении епископа Андрея состоит из двух сообщений: об отпевании в соборе и о погребении в церкви Введения—вполне вероятно, приделе того же собора, но необязательно. Н.Н. Воронин ссылался как на источник на Тверской Патерик, в котором автор прямо называет Дмитриевский и Введенский храмы «в пределе той же церкви»

306 Вид с юго-востока на раскопки Спасо-Преображенского собора в Твери. Фото 2013 г.

(Дмитрий, архиеп., 1907. С. 121). Но Дмитрий, конечно, следует помещённому в Никоновской летописи под 1399 г. краткому очерку истории Спасо-Преображенского собора, где Дмитриевская и Введенская церкви названы «точно так же: «в приделе той же церкви» (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 174). Чтобы довериться здесь книжнику XVI в., нужно быть уверенным, что оба придела всё ещё существовали и ему это было известно.

[837] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 157; Воронин, 1962. С. 138.

[838] Из той же Писцовой книги известно о церкви Святых Апостол «что у Спаса в приделе на владычнем дворе» (ПКГМ. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 159, 177, 254, 218). Придел Св. Михаила Ярославича Тверского упомянут в начале XVII в.

[839] Рогожский летописец, 1922. Стб. 55.

[840] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 216.

[841] Рогожский летописец, 1922. Стб. 67.

[842] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 221.

[843] Там же. С. 231; Рогожский летописец, 1922. Стб. 67.

[844] Милонов, 1935. С. 145–154.

[845] Воспр.: Салимов, 1994. С. 151.

[846] Олеарий, 1906. С. 28.

[847] Воспр.: Салимов, 1994. С. 149.

[848] Вспр.: Попов, 1993. Рис. 180–182.

[849] Все приводимые данные по раскопкам 2013–2014 гг. сугубо предварительны, так как работы ещё не закончены, анализ же накопленных материалов только начал.

[850] Для сравнения: общая длина раннего собора тверского Отроча монастыря, как бы он ни датировался, указана исследователями как 16,8–17,4 м при ширине 12–13 м. Ширина Спасского собора 1364 г. в Торжке—16–18 м (Салимов,

творный объём. Размер стороны подкупольного квадрата, если судить по ширине средней апсиды, был 4,5–4,7 м, что вводит храм в группу не самых больших, но вполне заметных церквей XII–XIII вв., среди которых и соборы городов-крепостей. Чуть меньшую сторону квадрата, около 4,4 м, имели церковь Рождества Богородицы в Боголюбове и Св. Георгия во Владимире. То же самое можно сказать о наосе собора: его длина снаружи, по центральной оси (с апсидой)—более 20 м (по подошве рва 22–23 м), ширина более 15 м (по подошве рва 16–17 м) [850] (без притворов и галерей). Так что тверской собор был несколько шире и длиннее не только двух вышеупомянутых церквей Владимира и Боголюбова, но и Георгиевского храма в Юрьеве Польском 1230–1234 гг. (13,5 и 17 м соответственно) [851]. Если принять во внимание неточность промеров по краям рвов, то план тверского собора окажется очень близким церкви в Кидекше (15×18,9 м, сторона подкупольного квадрата 4,9 м), Дмитриевскому собору Владимира (14,8×19,4 м) и собору Переслава Залеского (15,4×18,3 м). Учитывая средневековую традицию воспроизводить прежде всего «меру», это выглядит объяснимым. Храмы близких размеров встречаются, конечно, и во многих других городах. Но у нас есть основания (о них далее) сравнивать собор Твери прежде всего с памятниками Северо-Востока.

С юга от четверика Спасо-Преображенского собора тянется неширокий (около 3–3,1 м) компартимент—вероятно, галерея, восточный край которой ограничен прямой стенкой и существенно вынесен вперёд от линии восточной стены четверика [852]. Юго-восточный угол этой галереи отмечен выдающейся от неё к востоку (незначительно) и к югу (гораздо сильнее) монолитной прямоугольной платформой из тёсаных квадров известняка [ил. 307]. На западе линия стены галереи огибает южный угол четверика и продолжается к северу, образуя, возможно, род нартекса, немного более широкого, чем южная галерея (изнутри более 3,4, вероятно, близко к 4 м). Этот западный компартимент делится дополнительно внутри следами двух про-

Романов, Салимова, 2010.

[851] По-настоящему уступают всей этой группе церквей только размеры храма Покрова на Нерли: 13,5×10,3 м при подкупольном квадрате 3,5–3,1 м и с узенькой галереей в 2,5 м.

[852] Для сравнения—ширина не сохранившейся галереи Дмитриевского собора во Владимире была практически такой же.

стенков, фланкирующих, видимо, западный вход в церковь. Таким образом, здесь, скорее всего, первоначально располагался почти квадратный притвор шириной около 4,5 м. Нельзя исключить, что притвор изначально имелся и у южного входа—в основаниях фундамента здесь сохранились несколько крупных валунов, немного выступающих за линию рва (судя по другим участкам, они намеренно укладывались в точки опор), но подошва самой стены здесь разрушена. Тогда следует думать, что у северного входа притвор первоначально тоже имелся, и собор можно включить в группу традиционных для Северо-Востока Руси трёхпритворных.

Дату галереи определить трудно, но некоторые признаки, такие как большая (в сравнении со стенами четверика) глыбина заложения фундамента и выделение внутри галереи стен западного притвора (возможно, более раннего), заставляют видеть в ней пристройку, а не изначально задуманную часть здания. Следует допустить, что галерея охватывала храм с трёх сторон (её северная подошва не могла сохраниться, так как уровень естественного склона здесь существенно повышается). В таком случае общая ширина собора, включая южную и предполагаемую симметричную ей северную галерею, превысит 20 м (вероятно, 21–22 м). Это сопоставимо с указаниями источника об устройстве в 1622 г. подпорной стены, укрепившей западный фасад, длиной 10 сажен (около 21,5 м) [853]. Видимо, галерею пристроили к собору довольно быстро, в течение XIV в.—например, при обновлении обветшавшего храма князем Михаилом Александровичем.

Необходимо отметить, что южнее этой галереи в XIV–XV вв. существовала ещё одна линия кладки, шедшая вдоль всего фасада. Она начиналась от упомянутого выше

306

монолитного пилона на юго-восточном углу галереи, который обложили с востока и юга панцирем из тесаных камней на растворе с забутовкой мелким булыжником (общие размеры платформы достигли при этом 3,4 × 3 м). От угла платформы к западу эта кладка продолжалась тонкой стенкой почти без фундамента [854]. Внутренняя ширина коридора, образованного этой прикладкой (1,5–2 м), пожалуй, слишком незначительна, функционально и конструктивно неоправдана, чтобы видеть здесь ещё одну закрытую галерею. Скорее, перед нами род протяжённой и высокой паперти или даже ступенчатой террасы-цоколя с южной стороны, помогавшей нивелировать естественный склон. К ней примыкает площадка долго существовавшего крыльца, неоднократно поднимавшаяся в XVI в. по мере нарастания культурного слоя, — его прослойки позволяют строго датировать периоды между ремонтами [ил. 308].

Хотя это крыльцо, как и вся пристройка, появилось не изначально, очевидно, что оно существовало в период функционирования старого собора [855], в XV–XVI вв. Его расположение на оси входа в собор более чем вероятно. Таким образом, маркируется место входа, которое в ленте первоначального фундамента никак иначе не выражено. Его ось проходит не более чем в 2 м от края фундаментного рва восточной стены собора, которая служит своего рода ленточным фундаментом для восточной пары столбов, за которыми сразу начинается пространство алтаря.

Вторая типологическая особенность плана Спасского собора — развитие и выдвинутые к востоку апсиды [856], судя по следам фундамента, довольно плотно прижатые друг к другу [ил. 309]. Главная апсида собора имела внутри протяжённость не менее 8 м (промер по краям подошв фундаментов), а с прибавлением ширины стен апсиды и четверика — около 12 м, что составляет примерно половину всей длины храма. К сожалению, не известно расположение ни одного столба подкупольного квадрата [857]. Поперечный фундаментный ров на востоке, отсекающий фундаментные рвы апсид, может определить место восточных столбов. Следы восточных столбов конца XVII в. немного выступают вперед по отношению к фундаментному рву XIII в. Вероятно и западные столбы собора конца XIII столетия следует поместить немного восточнее следов западных столбов позднего собора.

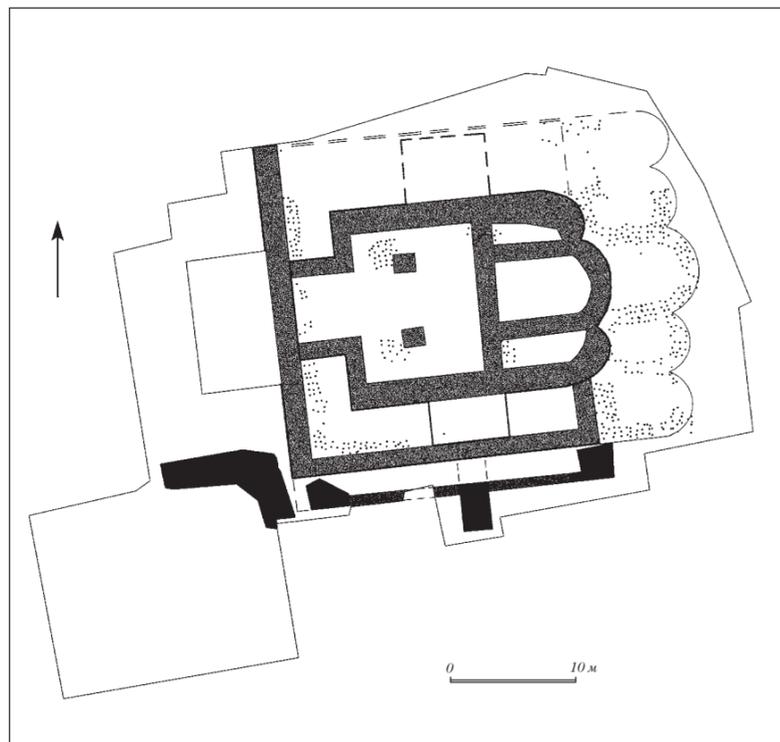
Развитые апсиды типичны для древнерусской версии «искусства около 1200 года», особенно в строительстве западных стольных городов (Смоленск, Полоцк, Гродно и другие) конца XII–XIII в. [858] Типологически объяснить такие решения позволяет

307

308

309

307 Спасо-Преображенский собор в Твери. Юго-восточный пилон южной галереи. XIII–XIV вв. Вид с юга. Фото 2014 г.

308 Спасо-Преображенский собор в Твери. Южное крыльцо. Вид с юго-востока. Фото 2014 г.

309 Спасо-Преображенский собор в Твери с конца XIII до XX в. Схема-реконструкция по результатам работ 2013–2015 гг.

сравнение с готическими храмами Европы XIII в., имеющими ясную тенденцию к развиту продолговатому алтарю. Обусловлено ли это на Руси, как было на Западе, развитием литургии и социальными потребностями горожан, или здесь следует видеть простое, традиционное для византийского зодчества копирование архитектурно-пространственных форм, — пока неясно.

При раскопках на месте разрушенного собора найдено менее десятка резных белокаменных деталей [ил. 310 а–д]. Но даже они позволяют решить вопрос об оформлении фасадов и технике, в которой был построен собор. Ещё в 1992 г. был обнаружен камень для декоративной ниши с уступчатыми краями (полочка) и полукруглым завершением, а также фрагмент камня с плетёнкой [859]. Почти все камни с резьбой, собранные в 2013–2014 гг., являются небольшими, однородными по размеру. Они делятся на два типа. Первый высекали из плотного, чуть голубоватого известняка, дающего гладкую, похожую на мрамор поверхность. Резьба в невысоком и несколько упрощённом рельефе имеет явное сходство с владимиросуздалской: на одном камне вырезано изображение птицы с высоким крылом в виде пера с выпущкой, на другом — плетёнка с перехватом. Но особенно важен довольно крупный (высотой до 30 см) фрагмент резной полуколонны, мастерски украшенной плетёным растительным орнаментом, лепестки которого завершаются головками хищных птиц.

Другая группа фрагментов представляет более сложную и сухую декоративную плетёнку в несколько уровней тёски [ил. 310 е–л]. Типологически резьба сходна и с владимиросуздалской, и с раннемосковской конца XIV — первой трети XV в. (более точно столь небольшие фрагменты характеризовать

находки при завершении работ на месте Преображенского собора ещё сохраняется.

[860] Возможно, что литологические особенности двух групп имеют значение для хронологии: геологи давно предполагают, что в домонгольское время для резьбы соборов брался белый камень нижнего мячковского горизонта, который труднее добывать, а в раннемосковский период довольствовались менее плотным, но более доступным верхним мячковским горизонтом. Литологичес-

кий анализ камней будет произведён.

[861] Напомним, что «на тверской епископской кафедре в последней четверти XIII в. были полочки выходы — бывший епископ Полоцкий Симеон, а затем сын литовского князя Гердея Андрей» (Воронин, 1962. С. 421–422). Ср.: Попов, 1979. С. 31, 32).

[862] Островский, 1982. С. 16. См. также: Ипатьевская летопись, 1908. Стб. 843–846. [863] См.: Антимова, 2000. С. 89–146 и др.; Буко, 2012. С. 26–36.

[864] Воронин, 1962. С. 147.

трудно). Камень этих деталей имеет пористую, шероховатую поверхность и скорее охристый, чем белый, цвет [860]. На резьбе этого типа сохранились следы тонкой обмазки и прокраски (камни первой группы обмазок не имеют, края резьбы чёткие и острые) [ил. 311].

Итак, собор Спаса Преображения был выстроен в технике белокаменной кладки, а в состав его декора входила владимиросуздалская по характеру резьба. По-видимому, резчики унаследовали традиции домонгольской резьбы, открыв при этом и новую линию, ведущую к раннемосковской резной орнаментике. Широко распространённая после трудов Н. Н. Воронина «северо-восточная» гипотеза подтвердилась. Это означает, что с конца 1230-х до середины 1280-х гг. мастера домонгольской резьбы продолжали работать на неизвестных нам пока храмах, сохраняя возможность готовить учеников.

Не менее важно, что в переложённых слоях, связанных с крупной перестройкой собора, вероятно, в XVI в., собрано довольно много фрагментов фресковой росписи, среди которых есть части одеяний (их острые переломы написаны резкими пробелами) и небольшой (в целом виде не крупнее 10 см) фрагмент великолепно, всего несколькими мазками вылепленного лика.

Очевидно, что кафедральный собор Твери представлял собой хотя и не слишком крупный, но изощрённый и богато украшенный первоклассной резьбой и росписью высоко профессиональных мастеров храм. Отчасти определяется и состав этих мастеров. Конечно, тверская княжеская династия имела широкий круг связей, причём в Новгороде Великом и в Западной Руси (Галицко-Волыньском и других княжествах) строительство в камне не прерывалось [861], а во второй половине XIII в. в Холме и других городах возводили храмы, крепости и, возможно, целые монастыри по заказу князя Льва Даниловича [862] и его сына Юрия Львовича [863] (см. раздел О. М. Иоаннисяна). Но следует ещё раз обратить внимание на архитектурные работы, которые шли в те же десятилетия XIII в., возможно, при опоре на старые, домонгольские кадры мастеров, во Владимире и Ростове [864]. Мы должны помнить, что собственный «романо-византийский» стиль, выработанный ими к началу второй трети XIII в., был столь оригинален и устойчив, что поиск аналогий за пределами владимиросуздалского круга, по-видимому, бесперспективен, и сходные черты в резьбе и плане тверского собора невозможно трактовать иначе, чем прямое наследование художественной традиции.

[854] Если предположить, что такая же прикладка шла и с севера (что совершенно необязательно), то общая ширина пятна собора по фундаменту достигнет очень значительной цифры в 30–32 м.

[855] Отметим, что самая южная из кладок и примыкавший к ней юго-восточный «пилон» были разобраны раньше, чем весь собор, и потому не подверглись разборке ни в 1680–1690-х гг., ни в советское время. В XVII в. о них уже прочно забыли, так что некоторые погребения его второй половины попадали прямо на кладки, прорубая их.

[856] Эта особенность как будто просматривается и у других храмов XIII–XIV вв., как ни мало мы знаем о каждом из них. [857] Их в XIX–XX вв. полностью разрушили внутренними подземными пещами, а затем, в советское время, фундаментом памятника.

[858] Беляев, 2000. С. 732–755; Беляев, 2010/2. С. 12–24.

[859] Напомним, что и ранее на берегу Волги в районе собора находили резные камни, к сожалению, оставшиеся неизданными и позже утраченные. Поэтому надежда на новые

310 а–л Спасо-Преображенский собор в Твери. Элементы резного белокаменного декора, собранные при раскопках 2014–2015 гг.
311 Спасо-Преображенский собор в Твери. Плитки пола, собранные при раскопках 2014–2015 гг.

311

Другие сведения о каменном строительстве в Твери в конце XIII–первой половине XIV века

В монастыре на острове в устье Тьмаки в 1323 г. начали строить [865] церковь Св. Фёдора Тирона, завершённую, согласно Рогожскому и Тверскому летописцу [866], в 1325 г. [867] В Воскресенской летописи и Московском летописном своде о завершении церкви сообщается с уточнением, что её создал игумен некоего тверского монастыря Иван Цареградец, причем записи предшествует новелла о богатом и учёном торговце по имени Феодор, христианине из Иерусалима, замученном 21 апреля в Болгарах, при слиянии Камы и Волги. Это породило серию остроумных догадок Н.Н. Воронина, который решился объединить и комментировать оба текста, допуская, что церковь заложил Феодор, учёный торговец из Иерусалима, в память «своего» святого, а достроил, по его смерти, друг и, возможно, компатриот, Иван [868]. Н.Н. Воронин подкрепил гипотезу сведениями о работе в Твери в 1310-х гг. ещё одного православного иноземца, Фомы Сириянина (писанный им в Твери, видимо в том же монастыре, устав датирован 1317 г.).

этот текст так, что церковь Фёдора заново поставлена там, куда переведена архимандрития. Название крепости «Любовен» содержится в «Похвальном слове инока Фомы» о Тверском князе Борисе Александровиче (ПЛДР, 1982. С. 294–299). [871] А.М. Салимов по обмерным описаниям XVIII в. (1702) и рисунку Пальмквиста предложил

реконструкцию храма как трёхапсидного, одноглавого, четырёхстолпного или бесстолпного, с очень широкой центральной апсидой (7,5 м) и четвериком 8×8 м (вариант 9,5×9,5 или 10×10 м), но вряд ли стоит опираться на столь смутные данные. [872] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 166.

Однако текст записей полон анахронизмов, и вывод Воронина о целой группе выходцев с православного Востока, подвизавшихся в Твери в 1310–1320-х гг., трудно безоговорочно принять, и он мало помогает составить представление о сооружённом храме.

При перестройке примерно через столетие (1421) храм Св. Фёдора Тирона назван старым («а ветхую разориша» [869]); ещё через поколение (1446) он уничтожен князем Борисом Александровичем при перестройке мыса-острова в крепость Любовен [870]. В 1978–1979 гг. А.Е. Леонтьев, проведя раскопки при впадении Тьмаки в Волгу, обнаружил блоки известняка (в том числе один с резьбой), завал большемерного кирпича и кладбище, включая надгробия XV–XVI вв. Самого храма не нашли, но одна кладка описана как стенная, хотя блоки камня лежат внутри стоя (впрочем, в Тверской земле известны случаи, когда части храмов ставили почти без фундамента). Реконструкция Фёдоровского собора даже на уровне плана невозможна. Источники не позволяют понять, какой именно собор описан в XVIII в. или изображён во второй половине XVII в. Э. Пальмквистом: 1320-х гг., 1410-х или еще более поздний; тем более не известны реальные результаты отражённых в текстах перестроек [871]. В этих обстоятельствах суждения о художественном облике собора остаются на уровне гаданий.

Несколько больше могли бы дать уже упомянутые выше остатки церкви в Отроче монастыре, но неясность их даты, главным основанием для которой служит литературное произведение конца XVII в., не позволяет опираться на них.

Итак, для характеристики каменного строительства в Тверском княжестве с середины XIII по середину XIV в. в нашем распоряжении всё ещё недостаточно сведений. Кроме того, нельзя ограничиваться только зданиями из камня: основную массу построек в Древней Руси составляли деревянные церкви, такие как предшественница собора Твери, и другие постройки, в том числе усадебные и монастырские. Последние маркировали пространство города, поскольку составлялись обычно при богатых усадьбах или на въездах, у дорог и на переправах. В Твери такой пример — монастырь Архангела Михаила «на брезе» Волги, на Загородском посаде. Его церковь летопись называет местом встречи тела князя Михаила Ярославича, убитого в Орде и привезённого сначала в Москву, а оттуда в 1320 г. в Тверь [872], а в 1339 г. — тела князя Александра Михайловича и его сына Фёдора, когда над ранее погребённым здесь Михаилом служак панихиду. Несомненно, церковь была построена раньше, не позднее конца XIII — начала

XIV в. А.Н. Хохлов успешно локализовал её на краю городского посада, ниже по реке. Это существенно расширяет наши представления о сакральном пространстве древней Твери и отчасти об устройстве и размере её городской территории. Но к представлениям о художественном облике построек это ничего не добавляет.

Строительство в Москве до середины XIV века

Методические проблемы истории зодчества древнейшей Москвы

Важнейшее препятствие для изучения зодчества Москвы вплоть до второй половины XIV в.—чрезвычайная скудость и ненадёжность источников. Ни одного целого сооружения, будь то церковь, дворец или крепость, до нас не дошло, а все каменные постройки эпохи Ивана Калиты и Симеона Гордого были разобраны и заново отстроены в последней четверти XV—первой трети XVI столетия в новых, совершенно иных формах. Правда, летописи обеспечивают информационный ряд для суждений о хронологии городских укреплений начиная с середины XII в. и строительстве каменных храмов в 1320–1340-х гг. Но об их облике, планах и конструкциях не сообщается почти ничего.

Архитектурно-археологических материалов крайне мало, а имеющиеся трудно интерпретировать, поскольку их нельзя признать достоверными. Начиная с 1960-х гг. при реставрационных работах отмечали встречавшиеся фрагменты кладок (фундаменты и цоколи) в кремлёвских храмах Успения, Михаила Архангела и, вероятно, Иоанна Лествичника. Кроме того, в Лапидарии Музеев Московского Кремля отложились, начиная с 1930-х гг. 24 детали (включая фрагменты) фасадного декора. Их пытались связать с Успенским собором, церковью Иоанна Лествичника, храмом Спаса Преображения на Бору и другими церквями.

Та же картина и с историей городских укреплений: системные археологические работы по ним никогда не проводились, а разрозненные наблюдения (включая широкие, но случайные раскрытия конца 1950–1960-х гг. и геологические данные об изначальном рельефе) не дают достаточного материала даже для уверенного соотношения участков деревоземляных конструкций с тем или иным периодом, не говоря уже о точном восстановлении рельефа и общем плане крепостей 149, 1457 и 1333 гг. с возможными промежуточными ремонтами.

Произведения искусства содержат ряд сюжетов, прямо связанных с летописным повествованием и житийными текстами. Это клейма житийных икон XV в. и миниатюры

исторического содержания из Лицевого летописного свода XVI в., которые в XIX в., и особенно в середине XX в., часто привлекались для реконструкции средневековой действительности [873] и облика построек эпохи Калиты. Но классик археологии А.В. Арциховский, специально занимавшийся проблемой, ещё в 1944 г. верно предупредил: «Искать в миниатюрах реальные виды древнего Новгорода или древней Москвы нельзя» [874] (это, конечно, касается и других городов).

В конце концов критический анализ этих изображений показал, что для истории строительства XIV в. опираться на них слишком рискованно, они мало информативны и, главное, ненадёжны даже в той степени, в какой можно считать надёжными изображения памятников, строившихся в эпоху создания Никоновской летописи (1530–1560-е гг.).

Таковы источники, по которым приходится судить о периоде, представляющем первый, но довольно бурный этап развития московской архитектуры. Его особенность—неожиданно быстрый расцвет строительства в камне, затем почти полное его прекращение и новое активное развитие с конца XIV столетия.

Известным препятствием для здоровой оценки произведений зодчества 1320–1340-х гг. стал «комплексный» подход, заложенный традицией XIX в. и воспринятый таким выдающимся историком архитектуры, как Н.Н. Воронин. Открывая в своём знаменитом двухтомнике раздел, посвящённый архитектуре ранней Москвы, он признал недостаток источников. Но, невзирая на это, поставил перед наукой вопрос: «...испытывало ли зодчество этой поры застой и регресс, как это казалось ряду крупных исследователей; насколько он был длителен и как возродилось строительство; каковы были пути его нового развития, подготовившего блестящий расцвет архитектуры в эпоху образования Русского централизованного государства? Если мы лишены возможности изучать многие памятники XIII—начала XIV в. лицом к лицу—в натуре, то мы обязаны собрать все косвенные данные источников, чтобы восстановить хотя бы в спорных общих чертах их облик ... или представить себе те условия, в которых шло строительство, и понять его исторический смысл» [875].

Призыв максимально использовать косвенные данные, чтобы восстановить облик памятников хотя бы и «в спорных общих чертах», в методическом отношении представляется опасным. В дальнейшем этот подход проявит себя не лучшим образом из-за смешения разнородных источников (сложность процедуры критического анализа которых, как правило, не учитывается учёными смежных специальностей). При отсутствии доброкачественных источников

[873] См.: *Воронин*, 1934. С. 58–62; *Подобедова*, 1965. С. 102–106; *Клосс*, 1980. С. 206–265; *Чёрный*, 1980. С. 19–28; *Чёрный*, 1987. С. 68–78.

[874] *Арциховский*, 1944. С. 106–108.

[875] *Воронин*, 1962. С. 132. [876] В основу очерка ранней истории города по письменным источникам положено новейшее исследование: *Кучкин*, 2015.

[877] Ипатьевская летопись, 1908. Стб. 339.

[878] «Святославъ ... еха к нему съ детятемъ своим Олгомъ в мале дружине, поима со собою Володимера Святославича. Олегъ же еха напередъ къ Гюргеви и да е пардоусть, и приеха по немъ отецъ его Святославъ. И тако любезно целовастася въ день пятокъ на Похвалоу святеи Богородици, и тако быша весели. На оутрни же день повеле Гюрги оустроити обедъ силенъ и створи честь великоу имъ. И да Святославу дары многы стъ любовию и сынови его Олгови, и Володимиру Святославичю, и може Святославле оучреди, и тако отпусти и. И обещася Гюрги сына поустити емоу, яко же и створи» (Ипатьевская летопись, 1908. Стб. 339–340).

[879] Пир могли дать и в городе, и в селе, и даже просто в поле, в шатрах—в летописях отражены все случаи. Сегодня археологи и историки (В.А. Кучкин) склонны видеть здесь село. [880] В Тверской летописи: «князь великий Юрий Володимеричъ заложи градъ Москву на устий же Неглинны, выше реки Аузы» (Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, 1863. Стб. 225). Как доказано В.А. Кучкиным, Юрий Долгорукий, действительно, мог находиться в своем княжестве и заложить крепость (*Кучкин*, 2015).

[881] Со второй половины XX в. не раз ставили под сомнение традиционную точку зрения на развитие Кремля, согласно которой его древнейшая часть—мыс Боровицкого холма у слияния р. Неглинны с Москвой-рекой. В начале

XXI в. её особенно решительно отвергла Т.Д. Панова. Местом изначальной крепости она видит участок, наиболее поднятый над зеркалом реки, вблизи Соборной площади с ранним могильником и зоной Троицких ворот. Изначальная включённость этих верхних точек в зону укреплений второй половины XII в. вероятно, тем более что к 1238 г. именно эта зона, а также наиболее удалённый от мыса и близкий к напольной площадке восточный участок, видимо, были охвачены новыми укреплениями и стали социально значимы.

Но размеры и форма крепости вызывают сомнения. Археологическое изучение кремлёвского холма дало много ярких памятников и отдельных находок XII–XIV вв. Но оно никогда не было систематическим и предлагаемым реконструкциям недостаёт надёжности. В целом картограммы раннего города и линий его укреплений сохраняют характер «художественных гипотез», в которых локальность и нерегулярность наблюдений компенсируются методом «накапливаемых допущений» и аналогов (в свою очередь недостаточности надёжных). В частности, трудно принять выделение на Боровицком мысу в середине XII в. княжеской усадьбы как отделившейся от крепости и вынос первой городской церкви с кладбищем (открыто внутри и к северу от Успенского собора) за черту крепостных стен. Такое выделение базовых элементов крайне сужает пространство крепости, до предела сжатой и не занимающей почему-то даже всей вершины холма. Само существование в Москве княжеского двора в домонгольскую эпоху, тем более его экстерриториальность по отношению к крепости, требуют неоспоримых доказательств.

Археология их пока предложить не может. Не очень убедительно выглядит и гипотеза о смене места княжеского двора трижды на протяжении столетия: с западного мыса к восточной границе, а в после-монгольское время—почти на его традиционное место. Во всяком случае, с момента, когда двор князя фиксируют источники, он помещается примерно там, где был Спасо-Преображенский монастырь и находятся поздние царские дворцы, вблизи мысовой площадки. Вероятно, следует подождать с построением обоснованной картины

исследователь рискует, стремясь к добросовестной интерпретации, нарисовать иллюзорную картину истории даже из-за мельчайших ошибок анализа, в силу отсутствия необходимой подробности или (хуже того) случайного включения в состав памятника не принадлежавшей ему детали. Именно такими казусами полна история изучения раннемосковской архитектуры.

Приходится заметить, что современное источниковедение требует от нас видеть первую задачу историка искусства в строго критическом отборе материала и обозначении границ, в которых можно чувствовать себя уверенно при его интерпретации. Нужно сделать картину архитектурного развития Москвы эпохи её первого расцвета более достоверной. Главное сейчас—очистить поле для дальнейшей работы и усовершенствовать её инструменты. Эти задачи мы ставим перед собой, признавая, что время стилистического и других форм анализа, присущих искусствознанию, придёт только тогда, когда будет создан надёжный и представительный корпус натуральных свидетельств.

Все сказанное в методическом отношении верно и для изучения раннего зодчества Твери, процесс изучения которого типологически совершенно аналогичен исследованиям раннемосковской архитектуры. Это объяснимо схожим состоянием информативной базы и общностью научного подхода. Историю архитектуры Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. до сих пор, как правило, разрабатывала единая, сравнительно небольшая группа исследователей, опиравшаяся на единую методику.

Первое столетие истории Москвы: исторический очерк

При отсутствии самих памятников зодчества сведения о них в письменных источниках приобретают особое значение. Для истории искусства важна и та природная, социально-историческая, планировочная среда, в которой проходит формирование первых памятников монументальной архитектуры. Таким образом, ранняя история и раннее искусство Московского княжества связаны неразрывно [876].

Впервые Москву упоминает Ипатьевская летопись 1420-х гг. (в основе которой киевский свод 1198 г.), рассказывая о встрече здесь в 1147 г. союзников: суздальского князя

жизни на Боровицком холме в XII—первой четверти XIV в. Тем не менее собранные непротиворечивые данные археологии дают убедительную картину быстрого роста пограничного города, административного

и производственного центра, где накапливают и перерабатывают продукцию и где живут распоряджающиеся ими группы, заказывавшие или приобретавшие иным способом статусные ценности. [882] *Панова*, 2013.

Юрия Владимировича Долгорукого, новгород-северского князя Святослава Ольговича и его сына, рязанского князя Владимира Святославича. Последний должен был из Лобьнска (на устье р. Протвы) прийти «въ Московъ» [877], т.е. в определённый населённый пункт или район. Этот эпизод большой войны черниговских Ольговичей и киевско-перемышльских Мономаховичей, в которую вмешался Юрий Долгорукий, был связан с потребностью изгнанного из своего княжества Святослава Ольговича опереться на союзника, князя Юрия, который получал в его лице хороший инструмент для вмешательства в южные дела. Святослав прибыл 4 апреля с малочисленной дружиной, малолетним младшим сыном и с присоединившимся к ним старшим сыном, князем Рязанским Владимиром. Юрий встретил Святослава и Владимира, одарил и обнадёжил дальнейшей военной помощью [878], которую не замедлил подать. В результате положение Ольговичей улучшилось, а Юрий Долгорукий смог в 1149 г. захватить Киев.

Выбор Москвы как места встречи трёх союзников понятен: она лежит достаточно близко ко всем трём княжествам. Но что это было—урочище, село, «город» (крепость) или иное владение князя Юрия—всё ещё не решённый вопрос, обсуждаемый по крайней мере с конца XIX в. [879]

Важно, что к Москве сходятся земли пяти русских средневековых государств—Рязани, Чернигова, Новгорода, Смоленска и Суздаля. От этого беспокойного, далёкого порубежья Суздальского княжества близко до союзных рязанских и новгород-северских земель: район Коломны примерно в 100 км, а владения Чернигова, крепости Лобьнск и Колтеск (до 1146 г.) ещё ближе. Но рядом и владения соперников, Великого Новгорода и Смоленска: чуть больше 100 км от новгородского Волока Ламского и почти столько же до района Можайска. Недаром в 1156 г., т.е. вскоре после первого упоминания Москвы, летопись ясно пишет о строительстве здесь крепости всё тем же Юрием Долгоруком [880].

Крепость Москва появилась там, где с тех пор и стоит, выше устья р. Яузы, на впадении в Москву реки Неглинны, на удобном и высоком (25 м) Боровицком холме. С трёх сторон её ограждали речные обрывы, а развитие шло к востоку, по ровному плато водораздела. Крепость поставили в самой высокой точке холма. Это «типовая» древнерусская крепость довольно значительных (более 3 га) размеров, возможно, перестроенная уже в конце XII в. [881] Крепость 1156 г. вмещала церковь с кладбищем, дворы воинов, мастерские (сапожную, косторезную, кузницу) [882]. Культурный слой начал откладываться здесь раньше, но не намного—

в первой половине столетия. Зная размеры среднего городского двора на одну семью (400 кв. м) можно предположить, что в крепости жило несколько сотен (200–400) человек [883].

Снова упомянута Москва как пункт на границе при описании борьбы за наследие Андрея Боголюбского в 1174–1175 гг. Сюда попадёт по пути из Чернигова к Владимиру сын Юрия Долгорукого, Михалка, которому бояре предписали немного задержаться «на Моськви» [884]. Он же с другими князьями привёл помощь из Чернигова: Владимир Святославич и Юрьевичи дошли «до Кучкова [885], рекше до Москвы», а затем двинулись на Ярополка «изъ Моськве… к Володимерю», но разминулись с противником [886]. Сюда же прибыли жёны Михалки и Всеволода из Чернигова, которых сопроводил до Москвы Олег Святославич, отправившийся в черниговскую волость Лопасню. Позже, в 1176 г., Москву и её сёла жжёт Глеб Рязанский [887].

Видимо, в 1170-х гг. Москва—единственный укреплённый пункт на юго-западной границе Владимирского княжества по пути и из Чернигова, и из Рязани. «Московляне» составляют ополчение, готовое защищать свои усадьбы и сёла. При этом их город окружён глухими лесами, где могли разминуться два войска.

С начала XIII в. и до прихода монголов Москва—самый близкий к Оке стратегический узел и военный лагерь на юго-западе Владимирского княжества, единственный административный центр в обширных землях, которые позже станут ядром княжества.

В 1207 г. сын Всеволода Большое Гнездо, Константин, собрав обширное войско для похода на Чернигов, «поиде скоро, доспевь со всеми силами, и дождался отца на Москве» [888]. В 1209 г. рязанцы «начаста воевати… около Москвы» и грабить «села около Москвы» [889], восточнее города, причём очень далеко от него (примерно в 100 км). После смерти Всеволода Большое Гнездо (1212), его второй сын Юрий получил великое княжество Владимирское, но сыновья вступили в борьбу за права наследия, и в 1213 г. один из них, Владимир, не удовлетворённый своей отчиной, «еха в Москву» [890] и захватил её [891]. На следующий год он «поиде съ москвичи и съ дружиною своею къ Дмитрову, къ Ярославлю городу, брата своего», хотя и неудачно, после чего вернулся и «седе на Моськве», но под угрозой окончательного разгрома ушёл из неё, так как князь Юрий «поиде къ Моськве на Володимира, испросивъ помочь у Костянтина и Ярослава, и пришедь, оседе Москву, свои ему городъ» [892]. Тем не менее этот важный центр не стал самостоятельным кня-

жеством. С 1213 г. Москва исчезает из источников на четверть века.

В 1238 г. вместе с ратью, присланной великим князем Юрием Всеволодовичем из Владимира, полками рязанского князя Романа Ингворовича и пронского отчича Всеволода Кир-Михайловича москвичи встретили татар под Коломной, причём «москвичи же побегоша, ничего же не видевшє» [893]. Двигаясь на Владимир от Коломны, татары взяли Москву, убив воеводу Филиппа Нянка и захватив в плен сына великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, княжича Владимира [894]. Свидетельством этого события, возможно, стали два невостребованных клада, подтвердившие высокий статус города [895].

Нашествие монголо-татар опустошило княжеские центры Волго-Окского междуречья Владимир, Суздаль, Ростов. Жители из особенно густо населённых областей Суздальского Ополя отхлынули на окраины, в том числе в Москву. Сюда же переселялись жители западнорусских княжеств—Полоцка, Чернигова, Смоленска. Окраинные крепости начали расти, ускорилось и сложение самостоятельного Московского княжества.

В первые десятилетия монголо-татарского господства над Русью Москва оставалась частью великого княжества Владимирского [896]. Только Александр Невский, как великий князь владимирский, выделил её во владение сыну Даниилу [897]. Первое достоверное свидетельство о княжении Даниила Александровича связано с походом новгородцев против Дмитрия Александровича, князя Переславля Залесского, в 1283 г. [898] С этого времени Даниил—важная фигура в княжеских союзах. После того как в 1293 г. его город разгромили ордынские войска хана Тудана (Дюденя) и Андрея Городецкого [899], Даниил встал во главе московско-переславско-гверской коалиции против князя Андрея, опиравшейся на хана Ногая. В конце 1296 г. Даниил на время получил стол Новгорода Великого. После гибели в 1300 г. хана Ногая Тверь вышла из союза, но Даниил, разбив рязанского князя Константина Романовича, присоединил соседнюю Коломну с волостями [900], а затем (конец 1302 г.) и Переяславль, ранее принадлежавший владимирским князьям.

Активную политику Даниила Александровича (ум. 5 марта 1303 [901]), использовавшую возросший военный и экономический потенциал княжества, продолжил старший сын Юрий, жёсткий и честолюбивый. Он тут же отнял у Смоленска Можайск, а осенью 1304 г. отправился в Орду за ханским ярлыком на Владимирское княжество. Но перекупить его не смог—великим князем стал Михаил Ярославич Тверской, осаждавший Москву осенью 1305 г. В августе 1307 г.

исследования до сих пор не появилось в печати.

[896] Сообщение о гибели в 1248 г. в сражении с литовцами на р. Протве младшего брата Александра Невского Михаила, который назван «Московским», слишком сомнительно с точки зрения критики источников, чтобы опираться на него (*Кучкин*, 1984. С. 117–118).

[897] *Кучкин*, 1995. С. 93–95.

[898] «…идоша новгородци на Дмитриа к Переяславлю, и Святослав со тферици, и Данило Олександрович с москви» (НЛ, 1950. С. 325).

[899] «…взяша Москву всю и в берестяных грамотах: «шьль ти есьмъ Кучькъву» (*Янин, Зализняк*, 1994. № 3. С. 8. Грамота № 723. *Янин, Зализняк*, 2000. С. 20).

По мнению В.А.Кучкина, это название появилось позже возникновения самого города, во второй половине XII в., как производное от имени княжеского управителя, а не владельца. Кучково поле—главное посевное и выгонное поле первых жителей Москвы (*Кучкин*, 2015).

[886] «Москвляни же, слышавше, оже идеть на не Ярополкъ, и възвратившися въспяят, блюдуче домовъ своиохъ» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 375; Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 600–601).

[887] «Приха на Московь и поже городъ весь и села» (Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 382).

[888] Там же. Стб. 430.

[889] Там же. Стб. 434;

Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 107).

[890] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 437.

[891] «…он же пришед затвориси в неи» (Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 109.) Или: «…не хотя княжити въ Гюргеве, и бежа на Волокъ, а с Волока на Москву и седе ту въ брата своего городе въ Гюргеове» (Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей), 1995. С. 130).

[892] Там же. С. 130–131.

[893] НЛ, 1950. С. 75, 287.

Примеч. 2.

[894] Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 1927. Стб. 461.

[895] *Панова*, 2013. С. 123. Общие сведения о кладе публиковались неоднократно, но специального

Москва потеряла Переяславль и стол Новгорода Великого [902], но Коломна и Можайск контролировали течение р. Москвы, открывая путь в Смоленск и Литву, а по Оке—в ордынские степи, Сарай, Тану (Азов) и Крым.

Юрий Данилович погиб 21 ноября 1325 г. в Орде от руки тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи, мстившего за казнённого в 1318 г. отца, Михаила Ярославича. Так начался период вражды Москвы с Тверью, занявший почти два столетия.

Исключительные политические успехи, достигнутые при Иване Даниловиче Калите, были подготовлены его отцом и братом. Калита оказался искусным политиком, применявшим и дипломатию, и военную (в том числе татарскую) силу. В 1328 г. он помог хану Узбеку подавить антитатарское восстание в Твери и вскоре стал великим князем Владимирским. Летописец недаром записал знаменитую фразу о том, что с обретением Калитой великокняжеского стола «бысть оттоле тишина велика на 40 летъ, и престаша погани воевать Русскую землю и закалати христианъ и отдохнуша и упочинуша христиане отъвеликия истомы и многыя тягости и отъ насилия татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли» [903]: Москва перестала быть объектом татарских разгромов.

Многолюдное и богатееющее княжество направило значительные средства на организацию церковной жизни, церковное строительство, оформление государственного быта, обеспечение для московской династии места в письменной истории. Собственное летописание, княжеское и митрополичье, здесь вели с конца 1320—начала 1330-х гг. Начиная с Ивана Калиты, московские князья тщательно сохраняли свои духовные грамоты и тексты договоров с другими князьями (зачаток государственного архива). В 1327 г. появилось первое собственное агиографическое сочинение—Житие митрополита Петра [904].

Наконец, началось и храмостроительство. До 1326 г. летописи не пишут о возведении в Москве храмов, но они, разумеется, были. Одно из свидетельств—записи о погребениях князей. Согласно «Книге степенной царского родословия» начала 1560-х гг., князя Даниила в 1303 г. похоронили в основанном им монастыре [905] или (более вероятно) «въ церкви Св. Михаила на Моськве» [906] (согласно Троицкой летописи 1420-х гг. [907]

и Рогожскому летописцу (свод 1411 г.) [908]). Там же лежал (по одной из летописных версий) убитый в 1325 г. в Орде Юрий Данилович [909].

Данилов монастырь, видимо, действительно основал князь Даниил [910]. Приданный ему статус архимандритии [911], т. е. резиденции выборного главы настоятелей московских монастырей, митрополичьего наместника Москвы, сохранялся до 1330 г., когда Иван Калита перевёл архимандритию в Кремль в свой монастырь, к церкви Спаса Преображения. Эта церковь упомянута в конце 1318—начале 1319 г., когда в Москву из Орды привезли останки казнённого по приказу хана Узбека тверского князя Михаила Ярославича: гроб с его телом несколько месяцев стоял (или был погребён—это не ясно) «въ церкви святого Спаса в монастыри» [912]. Вероятно, это церковь Спасо-Преображенского монастыря—следовательно, уже существовавшего.

Нет оснований полагать, что при Даниле и Юрии в Москве уже стояли каменные храмы. Церкви Данилова и Спасского на Бору монастырей, церковь Михаила Архангела и Дмитрия Солунского (сх. ниже) были, видимо, деревянными—как и иные церкви, не названные в источниках, но фиксируемые археологически.

Закладку нового, Успенского собора московская летопись отмечает как важное событие, подчёркивая, что это первый каменный храм: 4 августа 1326 г. «заложена бысть первая церковь камена на Моськве на площади, во имя святыа Богородица, честнаго ея Успения, пресвященнымъ Петромъ митрополитомъ и благовернымъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ» [913].

Это событие произошло вскоре после смерти Юрия Даниловича и восшествия на московский стол его брата князя Ивана Даниловича (Калиты). В закладке первого каменного храма Москвы участвует и глава русской церкви митрополит Пётр—союзник московского князя Юрия Даниловича и давний недруг тверского князя Михаила Ярославича. Тот не раз пытался избавиться от ставленника Константинопольского патриархата, а в результате митрополит покинул Владимир и переселился в Москву, где «на площади», на месте прежде стоявшего здесь храма [914], начал строительство своей церкви, главного храма Московского княжества. В недостроенном Успенском соборе была заложена для него гробница, где митрополита и похоронили ещё в ходе строительства (умер в ночь с 20 на 21 декабря 1326 г.). Собор достроили, согласно завещанию митрополита, сам Иван Калита и старейшина града, московский тысяцкий Протасий [915], а освятил ростовский епископ Прохор [916] в канун Успения 14 августа 1327 г.

как «на пустыре», «в пустом месте»—но присутствие раннего кладбища с иной ориентировкой могил говорит о противоположном. На участке, служившем городской площадью, стоял деревянный храм с некро-

полем—такое сочетание типично для средневековья. [915] Краткая редакция жития митрополита Петра, 2001. С. 30–31. [916] Рогожский летописец, 1922. Стб. 44 (Под 6835 годом).

Так на страницах московской летописи впервые возникает предстатель со стороны заказчика, приставник над мастерами, т. е. организатор строительства. В данном случае это тысяцкий Протасий из рода Воронцовых и Вельяминовых, известный первой редакции Жития митрополита Петра 1327 г. [917] и Житию Сергия Радонежского Епифания Премудрого 1418 г. [918] Тысяцкий—боярин, представляющий князя в его отсутствие, но не военный, как часто считают, а скорее администратор, которому поручают хозяйственные заботы: раздачу средств для поминания в церквях, присмотр за владениями митрополичьего дома («прочая дома церковныя приказа»), переселения людей в хозяйстве князя, и в том числе дела строительства.

Строительная деятельность Ивана Калиты продолжилась в конце 1320-х—начале 1330-х гг. В 1329 г. в Кремле возвели две каменные церкви: Иоанна Лествичника и Поклонения веригам апостола Петра. Строительство первой длилось 102 дня (21 мая—1 сентября), а второй—ещё меньше, 61 день (13 августа—14 октября) [919]. Правда, церковь Поклонения веригам апостола Петра была приделом митрополичьего Успенского собора в память основателя, митрополита Петра, а церковь Иоанна Лествичника—небольшим одноглавым храмом [920]. Весной 1330 г. началось строительство каменной церкви Спаса Преображения в кремлёвском Спасском монастыре, рядом с двором Ивана Калиты в Кремле, и вскоре (в 1332 г.) здесь похоронили постриженную в черницы и принявшую монашескую схиму первую жену Ивана Калиты, Елену [921]. В 1333 г. Иван Калита «созда церковь камену на Москве во имя святаго архангела Михаила», т. е. Архангельский собор. Его построили за один сезон, и хотя летописное известие 1344 г. отмечает «величество церкви тоя» [922], она не могла быть особенно большой.

В Москве, видимо, появились свои зодчие и местное производство строительных материалов. Мастера безостановочно трудились восемь сезонов, с 1326 по 1333 г., построив ряд, очевидно, скромных одноглавых каменных храмов, которые, однако, образовали определённое единство и составили вместе с дворами князя и митрополита, а также городской площадью своего рода ансамбль в сердце Кремля.

Завершили строительство Ивана Калиты новые деревянные стены Кремля, постройка которых была начата 25 ноября 1339 г. и кончена «тое же зимы на весну въ великое говение» [923] (28 февраля—15 апреля 1340 г.), так что князь успел их увидеть готовыми (ум. 31 марта 1340). Кремль времён Ивана Калиты по размеру был меньше современного, крепостные стены стояли

на вершине кремлёвского холма, а не по его подошве, но периметр был протяжённым, не менее километра.

Город окружала плотная сеть пригородов (посадов) и сёл, иначе жители не могли бы обеспечить такое строительство. Показатель роста численности городского населения и уплотнения застройки—сообщения о множестве пожаров, в которых погибало значительное количество деревянных церквей [924]. По данным археологии, Москва росла на восток (район будущего Китай-города), отчасти на запад (Занеглименье) и через р. Язу, от её устья [925]. Видимо, торг занял значительную часть Москвы (в 1330-е гг. существуют городские налоги, зависящие от развития торговли: осьминичье, тамга, мыт).

Историография московской архитектуры: поиск художественной традиции

Изучение истории монументального строительства от монгольского нашествия до середины XIV в. в Северо-Восточной Руси и отдельно в Москве изначально включало несколько направлений. Коренной историко-культурной проблемой всегда считалось определение архитектурной традиции, к которой принадлежали мастера. Очевидно, что решить её можно только путём натурального изучения памятников, их остатков, изображений или, по крайней мере, их описаний и упоминаний в летописных текстах. Поиск свидетельств определял целую череду частных вопросов истории отдельных зданий, разбором которых занимались исследователи, неизбежно погружавшиеся в «тёмные века» московского зодчества при составлении общей истории русской архитектуры.

Вплоть до середины XX в. научные гипотезы носили умозрительный характер и опирались исключительно на анализ письменных данных и памятников иконографии. Проблема определения источника, откуда могла быть заимствована художественная традиция, в Москве, как и в Твери, осложнялась тем, что в городе до нашествия не было собственной школы зодчества, строительство начали здесь в 1326 г., так сказать, с чистого листа, на архитектурно не освоенной территории. Понятно, что в методическом отношении учёным приходилось широко пользоваться методом экстраполяции, обращаясь к знаниям о памятниках хронологически близких периодов: позднего домонгольского во Владимиро-Суздальской земле и раннемосковского (конца XIV—середины XV в.), а также к строительству на землях, исторически связанных с Северо-Восточной Русью, где зодчество во второй

[917] Во второй редакции Жития митрополита Петра, написанной митрополитом Киприаном после 1391 г., о тысяцком Протасии говорилось несколько иначе: митрополит Пётр, чувствуя приближение смерти, «призывает некоего именем Протасия, его же бе князь стареишину града поставилъ. Князю бо тогда не прилучися въ граде. Бе же Протасий онъ мужъ честенъ, и веренъ, и всякими добрыми делы украшенъ. И рече ему: «Чадо, се азъ отхожу жытия сего, оставляю же сыну своему возлюбленому князю Ивану милость, миръ и благословение от Бога, и семени его до века. Елико же сынъ мой и мене упокои, да въздасть ему Господь Богъ сторицею в мире сем, и живот вечный да наследить, да не оскудеет от семени его, обладая местом его, и память его да упространится». Таже елико имяше влагалище, дасть ему, завещавъ на церковное свершение истыжити то» (Киприановская редакция Жития Петра, 2001. С. 44; ср.: С. 31).

[918] В московскую волость Радонеж дядя Сергия, Анисим, пришёл «с Протасием тысяцким» (Житие Сергия Радонежского, 1998. С. 304).

[919] Симеоновская летопись, 1913. С. 91 (под 6837 годом).

[920] Интерпретация остатков на Соборной площади как мощной восьмигранной колокольни с церковью в нижнем этаже, предложенная В. В. Кавельмахером и Т. Д. Пановой (*Кавельмахер*, 1993. С. 15. Примеч. 3; *Кавельмахер, Панова*, 1995), вызывает сомнения многих историков, включая В. А. Кучкина. Анализ материалов см. далее.

[921] Рогожский летописец, 1922. Стб. 46 (под 6839 г.).

[922] Там же. Стб. 56 (под 6852 годом).

[923] Там же. Стб. 51 (под 6847 годом).

[924] Там же. Стб. 55 (под 6851 г.); Стб. 46 (под 6839 г.); стб. 48 (под 6845 г.); НЛ, 1950. С. 346 (под 6843 г.).

[925] *Бойцов*, 1992. С. 89–95.

половине XIII—XIV в. продолжило своё развитие (Вольнь, Галич, Смоленск, Великое княжество Литовское, Псков, Новгород).

При этом обычно исходили из общей для истории русской культуры посылки, что монгольское нашествие оборвало художественную деятельность, и прежде всего монументальное строительство, на полтора столетия; «прервало всякую связь предыдущего с последующим, так что Москве не пришлось продолжать дела Суздаля, а нужно было начинать сначала» [926]. Согласно Н. В. Султанову, раз Киев был разорён, повлиять на формирование облика храмов Ивана Калиты могли только домонгольские традиции Владимира или Новгорода. Приоритет отдавался последнему: считалось, что весь период, который было принято называть «татарским», во Владимиро-Суздальской земле строительства не вели совсем [927].

Противоположный взгляд на проблему также существовал изначально, с XIX в. Ошибочное представление о дате стоявшего ещё собора Спаса на Бору (его считали, за исключением приделов, постройкой 1333 г.) позволяло думать, что мастера пришли именно из Владимиро-Суздальской земли. Доказательством служило единство строительной техники: белокаменную кладку стен считали сохранившейся на высоту человеческого роста. Искать аналоги во Владимиро-суздальских постройках позволял и план четырёхстолпной церкви с тремя апсидами, и перспективные порталы. В результате Г. Павлуцкий назвал строительство Ивана Калиты «последним отголоском домонгольского периода» [928].

Представление о храмах эпохи не только Ивана Калиты, но и Дмитрия Донского как о сооружениях, внешне подражающих постройкам Владимира и Суздаля, стало общим у историков архитектуры начала XX в. При этом полагали, что, повторяя планы и общую композицию фасадов Владимиро-суздальских церквей, строители Москвы не могли сравняться с образцами ни в технике строительства, ни в уровне проработки архитектурного декора. Сформировалось представление о неумении мастеров класть прочные стены и возводить своды, чем объясняли необходимость разборки храмов уже во второй половине XV в. [929]

Однако в 1920-х гг. была предпринята попытка реконструировать план Успенского собора 1326–1327 гг., которая подорвала устоявшийся, казалось, общий взгляд на строительство Ивана Калиты как на отголосок Владимиро-суздальской традиции. Этот важный шаг первым сделал А. И. Некрасов, опираясь на довольно подробное, уникальное летописное описание разборки собора Ивана Калиты перед строительством нового храма в 1470-х гг. [ил. 312]. Интерпретация

летописных известий и сопоставление их с клеймом иконы «Митрополит Пётр», изображающим сцену закладки собора святителем [930], казалось, позволяла представить тип первого каменного храма. Учёный первым указал, что собор имел три притвора, и предположил, что он был шестистолпным, с хорами и внутрисклонной лестницей. Западный («большой») притвор реконструировался как равный по ширине четверику, а боковые—как равные по ширине трансепту. Апсида у собора предполагалась одна, причём сильно выдвинутая на восток. Такой план собора позволял сопоставлять храм с церковью Архангела Михаила (Свирской) в Смоленске и Спасо-Преображенским собором Спасо-Евфросиниевского монастыря в Полоцке [ил. 313]. Это породило версию о связи Успенского собора с западнорусским (в данном случае—полоцко-смоленским) домонгольским зодчеством [931].

Версия А. И. Некрасова развития не получила. Казалось логичнее привлечь аналоги, восходившие к позднему Владимиро-суздальскому зодчеству (собор Рождества Богородицы в Суздале, Георгиевский собор в Юрьеве Польском). Значительное влияние на формирование представлений о Владимиро-суздальском наследстве в московской архитектуре 1320–1330-х гг. оказал доклад К. К. Романова, прочитанный в 1929 г. в ГАИМК, но опубликованный только в 1955 г. К. К. Романов первым предложил условно принять план собора в Юрьеве Польском «за возможный план» московского Успенского собора [932] [ил. 314].

Н. Н. Воронин, впервые введя в научный оборот изображения фрагментов орнаментального декора, обнаруженных при разборке в 1933 г. церкви Спаса на Бору и кратко описанных П. Н. Максимовым [933], казалось, сделал мысль о связи мастеров Ивана Калиты с архитектурной традицией Владимиро-Суздальской земли общепринятой. Важно, что при этом Н. Н. Воронин напомнил о фактах, противоречащих представлениям о полном прекращении строительной деятельности во Владимиро-Суздальской земле после татарского разгрома и о гибели всех строительных мастеров [934]. Он привёл в качестве доказательства грамоту Менгу-Тимура 1267 г., где в числе охраняемых людей названы «церковные мастера». Действительно, для Москвы и Твери, как новообразований на территории Владимиро-Суздальского княжества, почитаемые древние храмы этого княжества могли обрести значение образцов и сформировать канон. В итоге у Н. Н. Воронина история освоения и творческой переработки Владимирского художественного наследия стала красной нитью истории архитектуры Твери и Москвы. Сопоставив летописные известия

[926] *Султанов*, 1881. С. 3.

[927] *Султанов*, 1887. С. 231.

[928] *Павлуцкий*, б. г. С. 324.

[929] *Горюстаев*, б. г. С. 5.

[930] *Некрасов*, 1929. С. 52.

[931] *Некрасов*, 1936. С. 183.

[932] *Романов*, 1955. С. 14–15.

[933] *Максимов*, 1949. С. 210.

[934] *Воронин*, 1962.

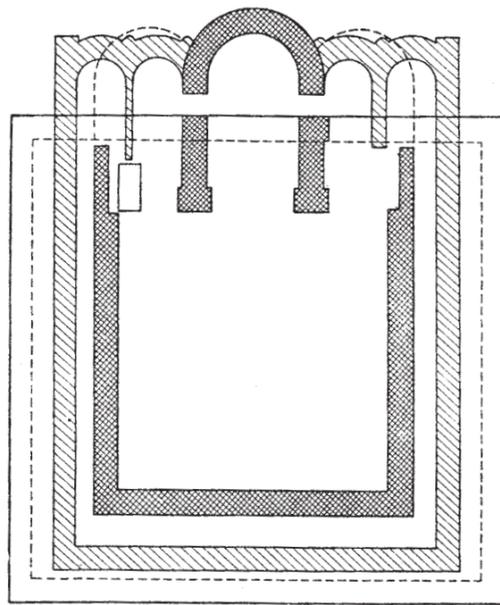
[935] *Бойцов*, 1992. С. 131–132.

о строительстве каменных храмов в этих княжествах, он даже выдвинул гипотезу прямого участия тверских мастеров в сооружении храмов Ивана Калиты [935].

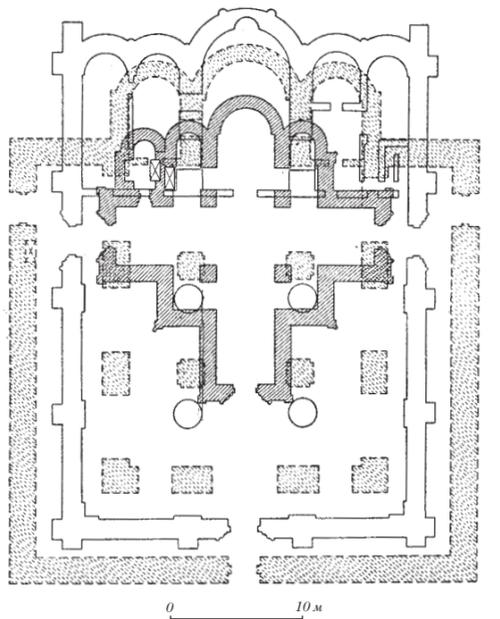
После выхода труда Н.Н. Воронина мысль К.К. Романова о повторении в Успенском соборе композиции Георгиевского собора Юрьева Польского воспринималась как доказанный факт. Тем не менее сам Н.Н. Воронин отчасти вернулся к гипотезе А.И. Некрасова о возможном влиянии полоцко-смоленских построек. Анализ одного из клейм на уже упоминавшейся иконе [ил. 315] привёл Н.Н. Воронина к выводу о существовании у собора высоких притворов, подобных притворам церкви Михаила Архангела в Смоленске и Троицкого собора в Пскове (известного, однако, лишь по рисунку конца XVII в.) [936]. Принял Н.Н. Воронин и предположение А.И. Некрасова о воспроизведении в Большом Сионе (литургическом сосуде) Успенского собора форм завершения собора 1326–1327 гг., что предполагало его введение в круг построек с башнеобразной композицией «верха» (Борисоглебский собор Бельчицкого монастыря, Троицкий собор в Пскове). Предполагалось, что полоцкую традицию принесли в Москву тверские мастера [937].

Отдельную линию исследований образывал анализ найденных фрагментов резного раппорта: на его основе Воронин сделал вывод о том, что фасады храмов Ивана Калиты имели резную орнаментацию. Это обстоятельство повело его не только к владими́ро-суздальским постройкам, но и в Галицкую землю, связи с которой митрополита Петра фиксировались исторически. Считая церковь Иоанна Лествичника «под колоколы» высотной доминантой, Н.Н. Воронин увидел здесь возможное отличие Москвы от Новгорода и Пскова, где в городском ансамбле доминировали соборы, и сравнил общую композицию с Холмом, второй столицей Даниила Галицкого, где «в кремле стояли в XIII веке пышно убранные резным камнем храмы Ивана Златоуста, Козьмы и Демьяна, Богородицы, а в центре города воздымалась высокая деревянная, на каменном основании, «вежа» [938]. Так был намечен и галицкий «протограф» замысла Ивана Калиты.

В дальнейшем поиск источников раннемосковского зодчества через интерпретацию орнаментальных мотивов на блоках из храма Спаса на Бору продолжился. В.П. Выголов считал их близкими мотивам фасадного декора церкви Покрова на Нерли, Дмитриевского собора во Владимире, Рождественского в Суздале и Георгиевского в Юрьеве Польском. Мотив пальметт с разветвлёнными основаниями, переходящими в сердцевидные и овальные обрамления, представлялся заимствованным из Византии и балканских

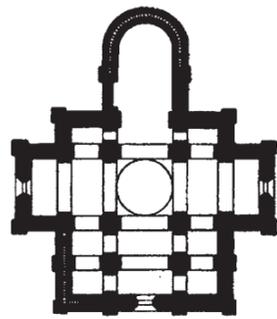
312

314

стран, поскольку был известен в росписях и рукописях домонгольской Руси; кроме того, пальметты, соединённые волнообразными стеблями, были широко (хотя и в самом общем виде) распространены в сербском архитектурном декоре XII–XV вв. В.П. Выголов указал на распространение мотива в средневековом зодчестве многих стран Западной Европы XI–XIV вв., где тот, «возникнув на основе позднеантичных образцов в романской архитектуре, нашёл затем достаточно обширное применение и в готике» [939].

Шаг в сторону от этой линии сделал М.А. Ильин, решительно выступив против идеи прямой преемственности раннемос-

313

312 План Успенского собора в Пскове 1475–1479 гг. с реконструкцией планов 1326–1327 и 1472–1474 гг. По А.И. Некрасову (1929)
313 Успенский собор 1326–1327 гг. Реконструкция плана по А.И. Некрасову (1936)
314 План Успенского собора 1475–1479 гг. с реконструкцией планов 1326–1327 и 1472–1474 гг. По К.К. Романову
315 Закладка Успенского собора и строительство гробницы митрополитом Петром. Клеймо иконы «Пётр митрополит с житием». Конец XV в. Музеи Московского Кремля

ковской резьбы от владими́ро-суздальской. Он указал на предвзятость мнения о преемстве «между московскими произведениями XIV–XV веков и памятниками предшествующего времени» и его зависимости от идеи наследования великокняжеского престола, «словно искусство следовало преемственности политической власти московских князей от князей Владимира–Суздаля», писал учёный [940]. По мнению М.А. Ильина, уже сам фрагмент белокаменной резьбы храма Спаса на Бору должен был зародить сомнения. Отголоски готики в раннемосковской резьбе заставляют, считал он, вернуться к мнению Н.И. Брунова о Сербии как источнике проникновения таких форм на Русь. Как примеры приводились аналогичные мотивы в резьбе фасадов сербских церквей в Студенице (1190), Дечанах (1327–1335) и наиболее близкие по конструкции пальметты церкви в Любостынье [941].

Важно, что М.А. Ильин говорил лишь о близости мотивов и не предполагал участия сербских мастеров в строительстве: мотивы орнаментального искусства могли быть перенесены, например, через басменные оклады привозимых на Русь икон и многими иными путями. Что касается мастеров, то М.А. Ильин развил предположение Н.Н. Воронина об их возможном появлении в Москве вместе с митрополитом Петром из

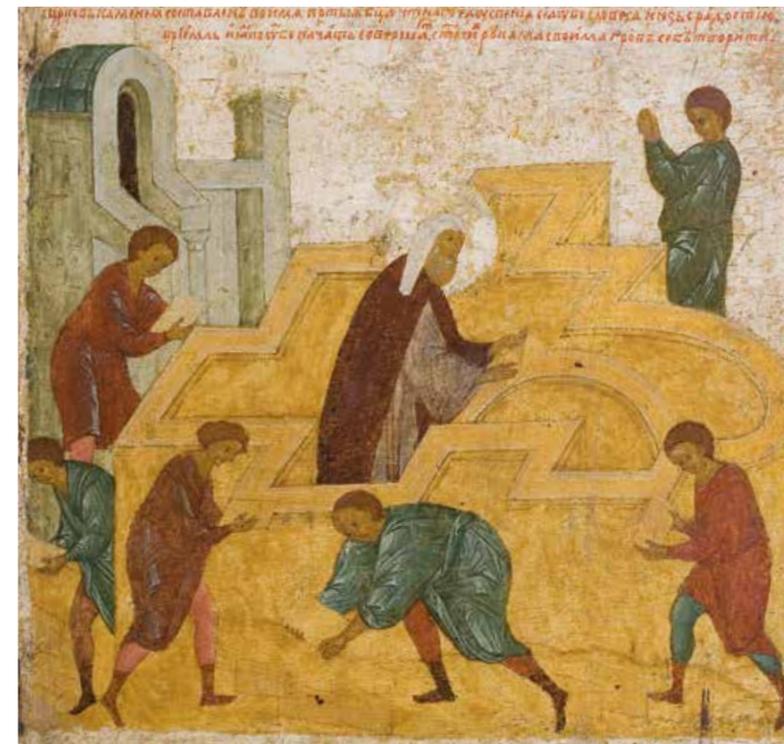
Галицко-Волынской земли, поскольку считал возможным сопоставлять пальметты церкви Спаса на Бору с резьбой портала церкви Св. Пантелеймона в Галиче (1200) [942].

Аргументы М.А. Ильина не оказали никакого воздействия на Г.К. Вагнера, который выстроил самую прямую преемственную линию между постройками Ивана Калиты и храмами Владимиро-Суздальской Руси. К собору 1326 г. он отнёс белокаменные блоки с фрагментами аркатуры и пальметт. Он выразил также уверенность в существовании у собора Ивана Калиты аркатурно-колончатого пояса, подчеркнув особо, что им же реконструированный двухступенчатый профиль арок Успенского собора 1326–1327 гг. ближе к владимирской традиции, чем проработка этой детали в соборе Аристокла Фиораванти [943]. Пальметты, как полагал Г.К. Вагнер по фрагменту резьбы на блоках, были семилиственными и стебли соседних пальметт либо переходили друг в друга, либо перекрещивались, как на водомётах собора Рождественского монастыря и Дмитриевского собора во Владимире. Г.К. Вагнер видел отличия пальметт церкви Спаса на Бору и Успенского собора не только в иконографии. Предполагался иной источник: пальметты Успенского собора ближе к владими́ро-суздальским, так как располагались в одном уровне, а в Спасе на Бору низкие пальметты чередуются с высокими.

В определении происхождения мотивов Г.К. Вагнер охотно следовал предшественникам, считая, что, начиная с церкви Спаса на Бору, использовались уже новые образцы, восходившие к искусству Сербии. Резьба из церкви Спаса на Бору, по Г.К. Вагнеру, трансформирует орнаментальный мотив фриза Успенского собора в сторону сближения владими́ро-суздальских черт с системой балканского (сербского) архитектурного орнамента, причём в развитой форме эта новая система появится в московском архитектурном декоре конца XV в. В отличие от осторожной позиции М.А. Ильина, Г.К. Вагнер выражал уверенность в близком знакомстве резчиков с сербским архитектурным декором [944].

В дальнейшем, однако, были высказаны сомнения в сербском влиянии на резной декор храмов Ивана Калиты и вновь указаны в качестве наиболее прямых аналогий детали резьбы владими́ро-суздальских церквей [945].

Дискуссию об орнаментальных мотивах следует считать очередной источниковедческой ошибкой. Во-первых, было забыто, что ни для одного из камней, которыми оперировали учёные, не доказана прямая принадлежность к тому или иному памятнику, а время их создания нельзя считать строго установленным. Во-вторых, в ходе обсужде-

315

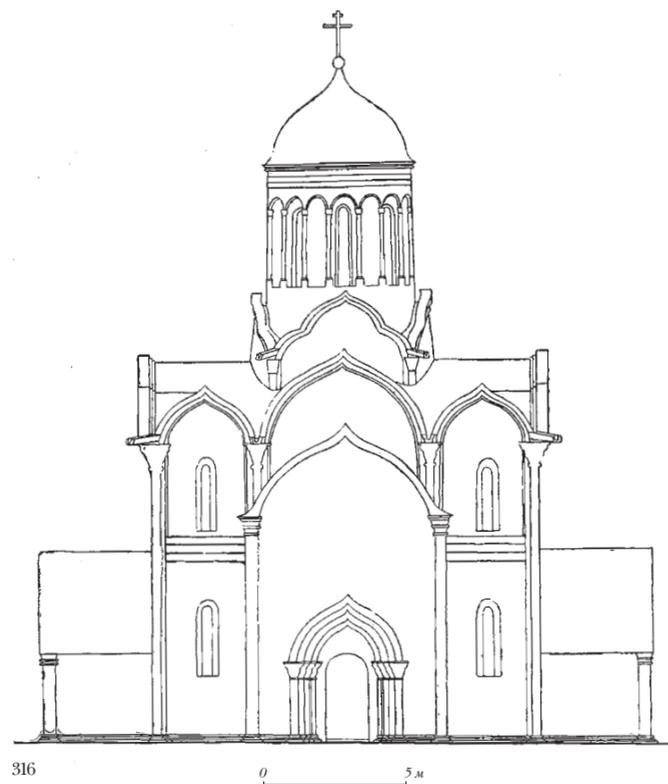
ния орнаментальная резьба частично обособилась от реконструкции пространственных форм. А тем временем работа по этой реконструкции шла своим чередом—ведь определение художественной традиции, которой следовали мастера Ивана Калиты, было невозможно без успешной реконструкции если не объёмов, то хотя бы планов построенных ими храмов.

Воссоздание утраченного облика

Первый опыт реконструкции, связанный, как уже говорилось, с Успенским собором, был почти полностью умозрительным. Гипотеза А.И. Некрасова о связи с полоцко-смоленской традицией определила реконструкцию: не случайно в его версии соборы Спасо-Евфросиниева монастыря [946] и Успенского собора оказались практически идентичными [947] (единственное отличие—появление у последнего низких боковых притворов) [948]. В результате реконструктивный план А.И. Некрасова остался фактом историографии, в то время как его предположение о существовании у собора эпохи Ивана Калиты, как у церкви в Евфросиниевом монастыре, постамент под барабаном получило развитие в послевоенной литературе.

Возможно, наиболее достоверным сегодня остаётся план Успенского собора, восстановленный ещё К.К. Романовым по образцу плана Георгиевского собора в Юрьеве Польском, с приделом Поклонения веригам апостола Петра как подобием Троицкого придела юрьевского собора. Проверив свою реконструкцию собора 1326 г. путём восстановления плана московского Успенского собора 1472 г. на основании летописи и данных о размерах владимирского Успенского собора, К.К. Романов пришёл к выводу о её достоверности [949]. Кроме того, четырёхстолпный храм с тремя притворами и тремя апсидами соответствовал изображению сцены строительства собора на миниатюре Лицевого летописного свода [950], и К.К. Романов счёл это важным аргументом.

Внешний облик Успенского собора реконструировал и Н.Н. Воронин [951], приняв некрасовскую версию о башнеобразном верхе и двухэтажном западном притворе. Однако, в отличие от Некрасова, он сделал притвор более узким: он равен у него по ширине боковым притворам, т.е. центральному пряслу западного фасада [ил. 316]. Н.Н. Воронин, в отличие от предшественников, знал о фрагментах орнаментального пояса, найденных вблизи собора Спаса на Бору, и потому «прибавил» притворы к храму, композиционная схема которого не случайно близка собору Успения на

316

0 5 м

Городке в Звенигороде—ведь нужно было найти место для пояса. Барабан он поставил на высокий постамент с трёхлопастными кокошниками наподобие собора Евфросиниева монастыря и Большого Сиона Успенского собора. Такая композиция и привела, по его мнению, к «быстрой катастрофе», т.е. к обрушению Успенского собора [952].

На последующие реконструкции плана Успенского собора 1326 г. оказали воздействие результаты археологических наблюдений в соборе в 1960–1970-х гг., породив идею придать храмам эпохи Калиты огромные размеры, а также допустить существование у них каменных предшественников конца XIII в. (см. ниже). Это повело к неизбежным ошибкам.

Г.К. Вагнер, например, приняв за доказанное существование на месте Успенского собора каменной церкви XIII в., построенной по образцу Георгиевского собора в Юрьеве Польском, присоединил к гипотезе о соборе 1326 г. как храме с небывалой общей шириной (до 22 м, то есть на 6–7 м больше изначальной ширины Успенского собора во Владимире и собора в Суздале) [953]. Вагнер пытался изменить и сложившееся представление о композиции фасадов 1326 г. На основании дифференциации фрагментов каменных деталей он вернулся к осторожно высказанному А.И. Некрасовым допущению

[946] Некрасов, 1936. С. 85. Рис. 50.

[947] Там же. С. 185. Рис. 118. В книге 1929 г. А.И. Некрасов осторожно высказался по поводу возможного существования у собора 1326 г. аркатурного фриза.

[948] Некрасов, 1929. С. 51.

[949] Романов, 1955. С. 16–17.

[950] Там же. С. 15.

К.К. Романов не разделял убеждения А.И. Некрасова в реалистичности изображения собора на клейме иконы митрополита Петра, поддерживая существовавшее во второй половине XIX—начале XX в. мнение о её датировке началом XVI в. (Там же. С. 11. Примеч. 8).

[951] Воронин, 1962. С. 156. Рис. 82.

[952] Там же. С. 157.

[953] Вагнер, 1980. С. 55–56.

[954] Там же. С. 71.

[955] Романов, 1955. С. 12.

[956] Вагнер, 1980. С. 72. Рис. 35.

[957] Фёдоров, 1985. С. 57. Рис. 15.

[958] Там же. С. 57. Рис. 15.

[959] Выголов, 1988. С. 59–63.

Выголов, 1993. С. 94–109.

[960] Воронин, 1962. С. 157.

[961] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С. 259.

[962] Воронин, 1962. С. 157.

[963] Там же. С. 158.

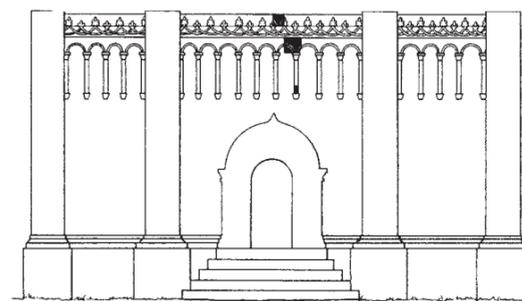
[964] Кавельмахер, Панова, 1995. С. 72.

[965] Там же. С. 71.

316 Успенский собор 1326–1327 гг. Западный фасад. Схематическая реконструкция по Н.Н. Воронину (1962)

317 Успенский собор 1326–1327 гг. Западный фасад. Реконструкция по Г.К. Вагнеру (1980)

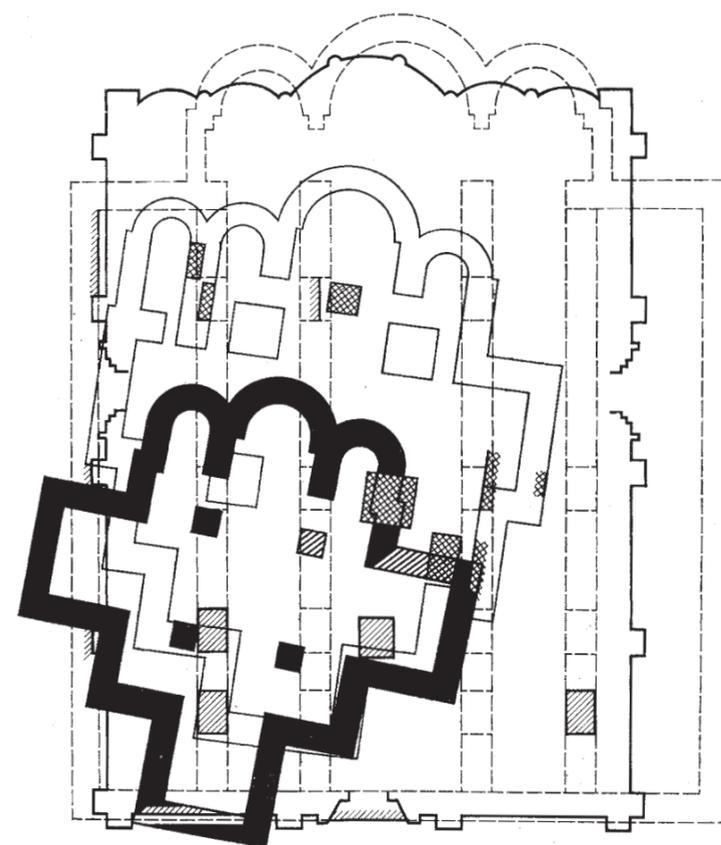
318 Успенский собор. Сводная схема с указанием результатов раскопок и гипотетической реконструкцией планов четырёх храмов. По В.И. Фёдорову (1985)

317

существования у собора 1326 г. аркатурно-колончатого пояса [954]. Несмотря на то, что еще К.К. Романов аргументированно показал, что суждение Некрасова основано на ошибочном прочтении летописи (речь там шла об аркосолиях [955]), Вагнер решительно поместил на фасады 1326 г. аркатурно-колончатый пояс по образцу владимирских, а над ним—раппорт из переплетающихся пальметт на двух рядах каменных блоков [956] [ил. 317].

Однако и попытка «вписать» в архитектурно-археологический и исторический контекст мифический каменный храм Димитрия Солунского конца XIII в. [957], и невозможная реконструкция плана собора 1326 г. в виде огромной церкви с непропорционально короткими и широкими боковыми притворами (и столбами, почти вдвое превышающими по толщине рекон-

318

АРХИТЕКТУРА

струируемые стены) [958], были справедливо отвергнуты В.П. Выголовым [959] и другими исследователями [ил. 318]. Реконструкции же К.К. Романова (план) и Н.Н. Воронина (фасады) сохранили убедительность в глазах профессиональных историков архитектуры.

Менее активно обсуждались реконструкции других храмов Ивана Калиты, так как, по справедливому замечанию Н.Н. Воронина, о них «мы знаем гораздо меньше». Всё же скупые известия летописи позволяли, казалось, судить хотя бы о размерах, а в некоторых случаях и о типологии. Сведения о сооружении храма Иоанна Лествичника примерно за три месяца, по мнению Н.Н. Воронина, указывали на его незначительные размеры [960]. Известие летописи о разборке «Иоанн Святый Лествичник, иже под колокола» [961] позволяло представить её как двухэтажную, в нижнем уровне которой находился храм, а в верхнем—ярус звона [962]. Запись под 6854 (1346) г. о том, что отлит ансамбль колоколов (трёх больших и двух малых), послужила Н.Н. Воронину для уточнения реконструкции храма: наличие «великих колоколов» на сводах храма как будто не позволяло представлять конструкцию их подвески по образцу аркады под барабаном Духовской церкви Троице-Сергиева монастыря. Вероятнее всего, писал Н.Н. Воронин, «это было сооружение типа башнеобразной колокольни» [963]. Более того, Н.Н. Воронин полагал, что столпообразная форма церкви 1505–1508 гг. восходит к предшествующему храму 1329 г., и упомянул в этой связи церковь Рождества Иоанна Предтечи Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, приписав ей посвящение во имя Иоанна Лествичника. Эти предположения получили признание у ряда авторов, писавших о древнейшем периоде каменного строительства в Кремле, а упоминание о суздальском храме имело даже значительные последствия для формирования представлений об облике церкви «иже под колоколы» Ивана Калиты.

Гипотеза Н.Н. Воронина нашла, казалось, подтверждение в конце XX в., когда В.В. Кавельмахер и Т.Д. Панова предложили реинтерпретацию результатов раскопок, проведённых П.П. Покрышкиным в 1913 г. Они пришли к выводу, что П.П. Покрышкин раскрыл фундаменты церкви Иоанна Лествичника 1329 г. [964] Проанализировав сохранившиеся обмеры кладок, авторы реконструировали на этой основе октагон с колонками на углах, у которого «во внутреннем контуре плана читается «вписанный крест с апсидой» [965].

Авторы, вслед за Н.Н. Ворониным, сочли, что все столпообразные церкви «под колоколы» XVI в. восходят к храму Св. Иоанна Лествичника 1329 г. как прооб-

разу и близко аналогичны ему. Они вновь сослались на храм Рождества Иоанна Предтечи в Спасо-Евфимиевом монастыре, присоединив к нему церкви-колокольни в суздальском Покровском и Иосифо-Волоцком монастырях, уникальный храм в Гдове и упомянув самый поздний пример сооружений подобного типа—колокольню Боддина монастыря. Этот ряд был продлён и за границы средневековой Руси, к известным колокольням Армении (в Санаине, Ахпате, Нор-Гетике). В результате возникла вербальная реконструкция: храм 1329 г. «был однопрестольным, без подклета, выше средней высоты башнеобразным призматическим восьмигранником, с комарами, барабаном и главой... Ярус звона отделялся от церковного орнаментальным поясом» [966]. К этой гипотезе мы вернёмся ниже.

Облик первой церкви Спаса на Бору долгое время реконструировали, следуя Ф.Ф. Рихтеру, который думал, что до середины XIX в. дошла постройка Ивана Калиты, хотя и в окружении поздних приделов. М.В. Красовский считал, что первоначальная белокаменная кладка сохранилась на высоту двух с половиной аршин, «благодаря чему мы имеем почти неприкосновенным весь план этого древнего храма» [967]. Впервые собор обследовал в 1932–1933 гг., перед сносом, П.Н. Максимов, но результаты он смог опубликовать только в 1949 г., изложив наблюдения и обосновав вывод: храм полностью перестроен в XVIII в. [968] Так что Н.Н. Воронин оказался последним, кто пытался реконструировать древний собор Спаса на Бору по плану неоднократно перестроенного здания. Он полагал (вероятно, правильно), что храм 1329–1330 гг. был небольшим, четырёхстолпным, «исходившим из тех же владимиро-суздальских «образцов», что и Успенский собор» [969].

Известие 1350 г. [970] дополнило представления о древнейшем монастырском соборе Кремля сведениями о притворе, который примыкал к храму с запада. Н.Н. Воронин обратил внимание на то, что храм, обмеренный Ф.Ф. Рихтером, имел обширный западный притвор с лестницей в верхний придел в северной стене. Исследователь допускал, что эта структура отразила особенности древнего притвора, возможно, также двухэтажного и с внутренней лестницей на хоры. Он предположил существование у храма и второго небольшого придела, подобного Петроверигскому приделу Успенского собора 1326–1327 гг. и Троицкому приделу Георгиевского собора в Юрьеве Польском. Этот придел, по его мнению, упомянут в сообщении летописи о погребении «в застенке в Спасе милостивом» преподобного Стефана Пермского [971]. Строитель-

ные работы 1990-х гг. позволили увидеть остатки фундамента западной стены собора и найти новые резные камни (см. ниже), но для реконструкции плана почти ничего не дали [972].

Похожим образом развивалось изучение Архангельского собора 1333 г. Структуру его плана также пытались прочесть в соборе 1505–1508 гг. А.И. Некрасов допускал даже вопрос, был ли в 1505 г. Архангельский собор Ивана Калиты разобран полностью [973]. Н.Н. Воронин ответил на него, указав, что текст летописи не позволяет сомневаться в полноте разборки, а текст Степенной книги подчёркивает, что новый храм «велик» в сравнении с предыдущим. Собор 1333 г. построен за один сезон, что говорит о его ограниченных размерах, а сообщение о том, что русские иконописцы, начав роспись в 1344 г., не смогли за один сезон расписать и половины «величества ради церкви тоя» [974], относится скорее к их медлительности, чем к объёму работ [975].

В 1960-х гг. первые материалы, полученные В.И. Фёдоровым, были крайне конспективно отражены в самой ранней из статей, где автор сначала указал на открытые остатки храма XIII (!) в. «под солеёй и западной частью существующего собора», а затем дал сведения о якобы огромной постройке 1333 г., называя её самой большой из церквей Калиты (сторона подкупольного столба имеет размер 2,33 м), и сообщил некоторые детали строительной техники [976].

Архитектурно-археологические исследования в соборе в 1990–2000-х гг. вновь выявили фрагменты фундаментных кладок, относящихся к собору 1333 г. Их результаты систематизировал Ю.П. Мосунов [977]. Одним из фактов, важных для реконструкции облика храма, он счёл отпечаток стены собора 1333 г. на кладке «погребца» Казённого двора: от наземного этажа «погребца» 1485 г. сохранились не только фрагменты стен, но и отпечаток его северной стены «на подтёках раствора нелицевой кладки алевизовского храма». На сохранившихся фрагментах стены 1485 г. (в подпольной части палатки 1830-х гг.) прослеживается отпечаток кладки сооружения, к которому была пристроена наземная часть погребца. Это и был, по мнению проводивших натурные изыскания учёных, собор эпохи Ивана Калиты. Обнаружены свидетельства существования вертикальной лопатки и следы цоколя с не очень ясными очертаниями профиля. Фрагмент кладки палаты имеет лицевую поверхность, обращённую в сторону собора, — значит, здание 1485 г. примыкало к более раннему сооружению не целиком [978].

По этим крайне отрывочным наблюдениям Ю.П. Мосунов реконструировал собор как четырёхстолпный храм с тремя апсидами

[966] *Кавельмакер, Панова*, 1995. С. 77.

[967] *Красовский*, 1911. С. 13.

[968] *Максимов*, 1949. С. 210.

[969] *Воронин*, 1962. С. 159.

[970] Рогожский летописец, 1922. Стб. 59–60; Симеоновская летопись, 1913. С. 97; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 221.

[971] *Воронин*, 1962. С. 160.

[972] Осенью 1997 г. при строительных работах во дворе Большого Кремлёвского дворца зафиксированы остатки фундамента западной стены Спасо-Преображенского собора, два захоронения XIV (?) в. и яма (осушарий) для перезахоронения останков двух десятков костяков. См.: *Клюев, Панова*, 2006; *Панова*, 1998.

[973] *Некрасов*, 1929. С. 76–77.

[974] Симеоновская летопись, 1913. С. 94.

[975] *Воронин*, 1962. С. 162.

[976] *Фёдоров*, 1973. С. 46–47.

[977] *Мосунов*, 2009. С. 107–117.

[978] Там же. С. 110–113.

319 Успенский собор. Разрез с указанием кладок, открытых при археологических работах 1960–1970-х гг. По В.И. Фёдорову

[979] Там же. С. 115–117.

[980] *Шеляпина, Фёдоров*, 1969. С. 81–83; *Фёдоров*, 1973. С. 41–51; *Шеляпина*, 1973. С. 54–63; Владимирская, 1985. С. 7–16; *Фёдоров*, 1985. С. 52–68; *Фёдоров*, 1987. С. 459–471 и др.

[981] Да и сам город археологически после первых раскопок сочли более древним, чем полагают сегодня—по крайней мере, X в.

[982] Эту зависимость уловил уже Б.Л. Альтшуллер, см.: *Альтшуллер*, 1982. С. 28.

[983] *Выголов*, 1993. С. 94–109; *Выголов*, 1988. С. 59–63.

[984] *Шеляпина*, 1972. С. 200–214. Сверка с полевым отчётом (хранится в Институте археологии РАН) показала, что он не содержит существенных дополнений к опубликованным данным.

[985] План наиболее крупного раскрытия в Успенском соборе и его профили—северный, южный, часть восточного (шурфы 8 и 16). См.: *Шеляпина*, 1972. Рис. 8, 9 и 10.

[986] *Фёдоров*, 1987. Рис. на с. 469.

[987] *Фёдоров*, 1985. Рис. 18.

[988] *Шеляпина*, 1972. Рис. 1. Более ранняя версия того же плана, до раскопок середины 1970-х гг., представлена в статье: *Шеляпина*, 1971/1. Рис. 11. Была опубликована, хотя и без планов, и первая статья о некрополе, предшествовавшей постройке каменной церкви 1326 г. См.: *Беленькая*, 1971. С. 158–119.

и западным притвором, равным по ширине храму. Гипотезу о притворе определили остатки белокаменного пола, выходящие за границы фундаментной кладки, которую автор считает частью основания западной стены собора. С юга к притвору примыкала прямоугольная пристройка с одной лопаткой, которая читается в отпечатке кладки «погребца» Казённого двора. Эта пристройка могла быть лестничной башней, позволявшей подняться на хоры. Ширина храма внутри составляла 12,3 м, сечение столбов 1,6×1,6, с расстоянием между ними 4,5 м. Автор с достойной уважения осторожностью указывает на возможность идентификации реконструируемой им южной пристройки как одного из двух каменных приделов 1481 г., хотя обычно они устраивались у восточных углов четверика [979]. К сожалению, материалов для реконструкции пока явно недостаточно.

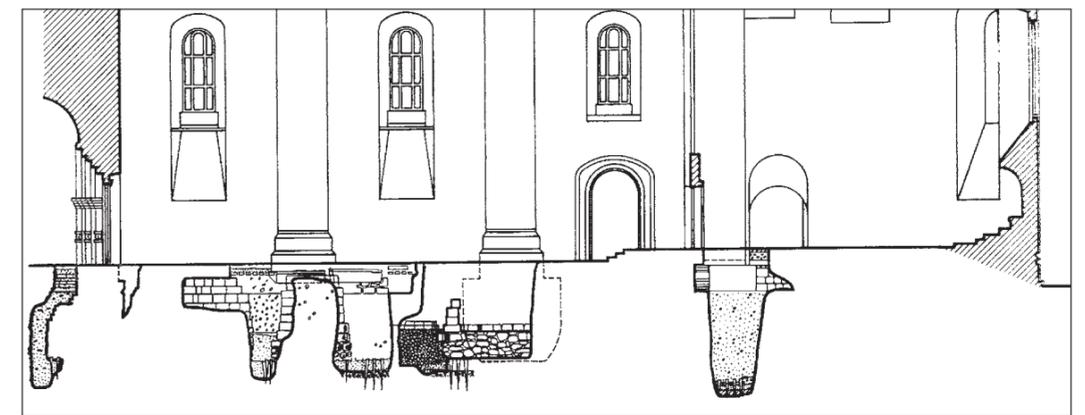
Архитектурная археология Успенского собора эпохи Ивана Калиты

В 1960–1970-х гг., в период очередной активизации реставрационных работ на объектах Кремля, дискуссию о памятниках эпохи Ивана Калиты осложнило появление нового архитектурно-археологического материала. В неё включились Н.С. Шеляпина (Владимирская) и В.И. Фёдоров [980]. Их наблюдения над кладками и слоями, открывшимися в шурфах внутри и подле Архангельского (с м. выше), Благовещенского, и особенно Успенского, соборов, принесли новые сведения, но создали и новые проблемы интерпретации. Полученные данные были крайне фрагментарны, и авторы перемежали их поверхностным анализом письменных памятников и умозрительными построениями. Этот подход вырос из традиции, сложившейся ещё до серьёзных архитектурных и археологических исследований в Москве, когда сведения письменных источников и внешние осмотры позволяли предполагать возведение в городе к середине XIV в. десятка (а то и дюжины) камен-

ных храмов, причём по меньшей мере два из них мыслились как восходящие к XIII в. [981] (См. раздел «Другие храмы Калиты?»).

Поскольку эта историографическая традиция была крайне существовавшая для гипотезы Н.С. Шеляпиной и В.И. Фёдорова [982], её опровержение в 1980–1990-х гг. заставило усомниться в достоверности интерпретации кладок, найденных под кремлёвскими соборами. Ни предложенную хронологию, ни реконструкцию планов истории архитектуры не приняли. Наибольшие возражения вызвала попытка доказать существование в конце XIII в. каменного храма—предшественника Успенского собора [983]. Крайне сомнительно выглядели размеры «реконструированных» храмов эпохи Калиты, которые якобы превосходили крупнейшие из домонгольских. Сама фрагментарность изучения ставила вопрос о точности наблюдений, и особенно о методах фиксации и соединения дискретных фактов в единую картину. К тому же в опубликованных статьях почти не было материалов полевого обмера и археологической критики источника, а полный набор отчётной документации так и не был представлен в печати. Единственная статья, содержащая часть сведений об открытых слоях и памятниках, была опубликована Н.С. Шеляпиной ещё в 1972 г., но в ней сравнительно подробно описаны древнейшие кладки, об остальных же только упоминается [984].

Для анализа оказались доступны несколько чертежей по материалам полевой фиксации [985]. В меньшей степени можно отнести к разряду полевой документации схематический план раскрытий в Успенском соборе [986], а также их разрез по линии запад-восток [987], опубликованные Фёдоровым гораздо позже, как синтез наблюдений и замеров; наконец, сводный план отдельных погребений кладбища в районе Успенского собора, собранный по нескольким отчётам Н.С. Шеляпиной [988] [ил. 319]. План с реконструкцией контуров соборов (1326–1327, первой и второй половины 1470-х гг.), в которую

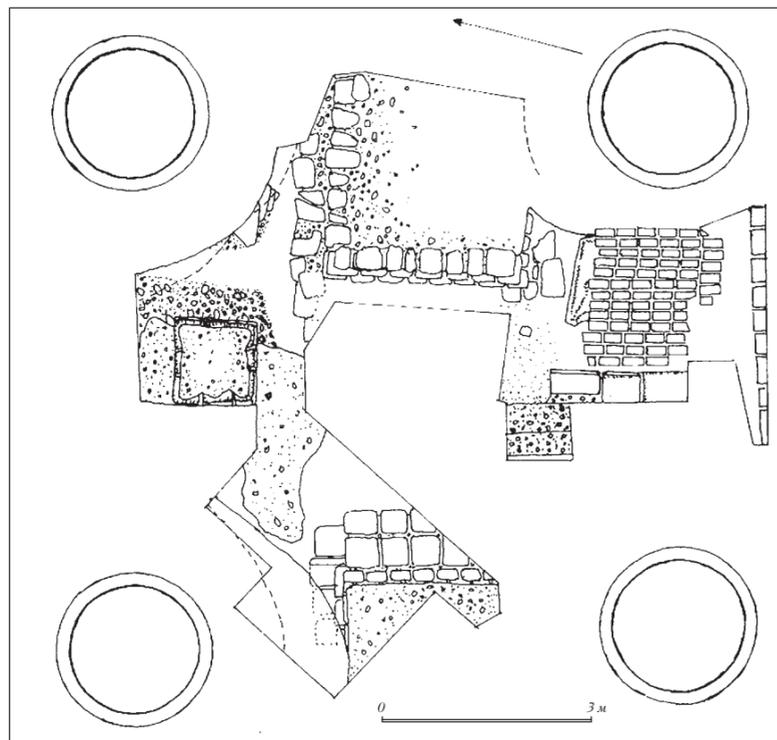
319

включён и гипотетический собор XIII в. (а тем паче тот же план, но доработанный и «расслоённый» по периодам [1989]), не могут служить документами, достоверно отражающими археологическую реальность: многие их элементы даны неточно, оси и края кладок реконструированы; ряд кладок не получает никакой интерпретации, поскольку в выстроенную картину не ложится; нанесены не все вскрытия и т.п. Это крайне затрудняет критический анализ.

Например, в семи шурфах, общей площадью 25 м², пройденных в 1966 г., обнаружены остатки некрополя и кладки, соотнесённые тогда с тремя соборами, известными по источникам. Часть этих и других шурфов попали на план некрополя по материалам исследований 1963–1966 гг. в статье Н.С. Шеляпиной (три шурфа там образуют Г-образную траншею, идущую от северо-западного подкупольного столба к северной стене собора и затем вдоль неё на восток). Но кладки, открытые в этих шурфах, фронтально показаны только на общем разрезе В.И. Фёдорова [1990]. Ещё два шурфа совпадают с центральным подкупольным квадратом (это его северная половина). В итоге разбросанные на значительной площади небольшие шурфы, пройденные в разные годы, изученные в разной степени, не позволяют полностью представить ни стратиграфию, ни планиметрию собора, в основном они дают представление об устройстве тех кладок, при которых заложены, и открывают погребения разных эпох. На сводной реконструкции В.И. Фёдорова нанесены или кратко описаны ещё несколько участков, наблюдавшихся им в 1960–1970-х гг., но отсутствие обмерной документации не позволяет проверить утверждения исследователя [1991] и справедливость его интерпретаций остаётся под вопросом.

Итак, наиболее подробно опубликованы шурфы, охватившие, с некоторыми изъятиями, подкупольный квадрат современного собора [1992]. Открытые в них кладки стали краевым камнем схемы развития Успенского собора В.И. Фёдорова и Н.С. Шеляпиной [ил. 320]. Действительно, наблюдаются конструкции не менее чем трёх монументальных сооружений, и главный вопрос — можно ли эти конструкции интерпретировать как принадлежащие не трём, а четырём памятникам.

Первая конструкция — фундамент современного («аристотелева») собора. Его круглые подкупольные столбы стоят на круглых же основаниях с небольшими уширениями, очень высоких, строгой регулярной кладки. Они выложены, вероятно, в едином большом котловане, ниже дна которого запущены только их конусообразные бутовые «стулья», сужающиеся книзу [1993]; в значи-

320

тельной части «стулья» вкопаны в материковый песок, а их дно укреплено сваями, после чего котлован был засыпан.

Древнейшее из открытых каменных сооружений строили с уровня поверхности раннего кладбища, в которую вкопаны неглубокие (примерно до уровня «стульев» аристотелевского собора) ямы бутового фундамента (засыпной бут камня с проливкой жирным серовато-желтоватым раствором). На поверхности бутовых кладок сохранился слой каменных блоков, в плане образующих квадрат со стороной 1,36 м (в каждую грань укладывается три каменных блока), — вероятно, опора внутреннего столба с протёсаным уровнем для примыкания пола [1994], а также часть внешнего фасада стены (ее ширина тоже 1,36 м), идущей в направлении север-юг: открыто три фасадных блока с протёской (четвертной вал), идущих между южной парой столбов XV в. В подошвах этих кладок свай нет [ил. 321–323].

В том же пространстве отмечены ещё две кладки, хронологически помещающиеся между самой поздней и самой ранней, но друг с другом стратиграфически не соотносимые. Это белокаменные фундаменты и нижние части стен (столбов?), конструктивно не близкие ни столбу «аристотелева» собора, ни древнейшим кладкам. Фёдоров трактует восточную кладку как юго-западный столб храма 1326 г., а западную — как один из столбов 1474 г. Последнее верно. Но вот принять датировку восточной кладки 1326 г. сложно, скорее она также принадлежит 1474 г. У них

[1989] См. многократно публиковавшийся план: Фёдоров, 1985. Рис. 15; Фёдоров, 1987. Рис. на с. 462, 463, 465.

[1990] Ясно, что в разрез шурфы П, 13, 14 включены условно, в зеркальном виде, линия через них не идёт; см. также: Фёдоров, 1987. Рис. на с. 467.

[1991] Фёдоров, 1985. Рис. 15.

[1992] Шурфы № 8 и № 16, 1968 г.

[1993] На чертеже показаны пять уровней заливки «стульев» — вероятно, столько же и слоев бута.

[1994] Столб расположен примерно посередине (ближе к востоку) между северной парой круглых столбов, со сдвигом к югу от их оси.

[1995] Отметим, что на «синтетическом» разрезе В.И. Фёдорова у восточной кладки показан, наоборот, очень высокий засыпной «стул», а у западной гораздо более мелкий. Трудно сказать, чем вызвано это расхождение.

320 Успенский собор. Объединённый план шурфов № 8 и 16. По Н.С. Шеляпиной (работы 1968 г.)

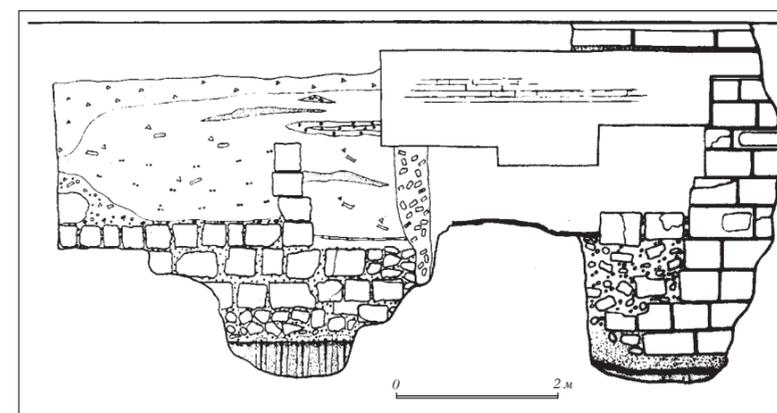
321 Успенский собор. Объединённый южный профиль шурфов № 8 и 16. По Н.С. Шеляпиной (работы 1968 г.)

322 Успенский собор. Северный и развёртка восточного профиля шурфа № 8 и 16. По Н.С. Шеляпиной (работы 1968 г.)

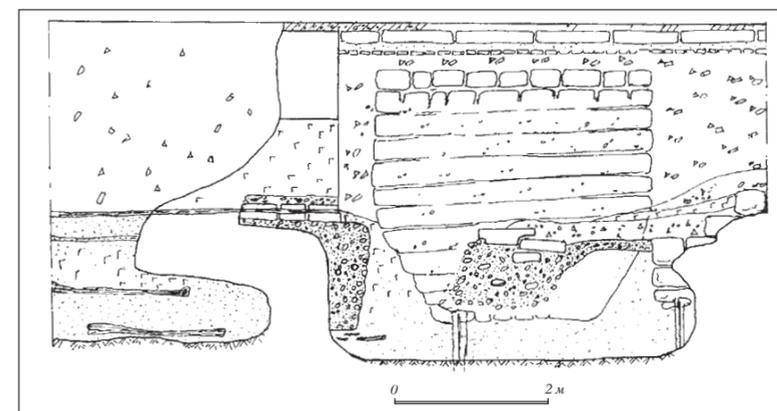
323 Успенский собор. План шурфа № 8 со столбом собора 1326 г. По Н.С. Шеляпиной (работы 1968 г.)

много общего. Отметим монументальность кладок и возведение их в больших котлованах (или даже в едином котловане, как столбы Фиораванти); ступенчатый вывод обеих кладок с самой подошвы; использование в обоих случаях многочисленных уплотняющих свай-коротышей; одинаковую обработку и одинаковый размер каменных блоков; присутствие в обеих кладках камней вторичного использования от разборки какого-то предшествующего сооружения. Правда, у кладок есть различия в устройстве нижней части: у западной кладки фундамента нет заливной подошвы, он ступенчато повышается от нижнего ряда, который выложен регулярной кладкой из хорошо отёсанных блоков [1995], а у восточной просматривается заливная подошва высотой в один блок; несколько отличается и глубина заложения. Но точно судить о них по имеющимся материалам трудно; кроме того, относившиеся к разным частям сооружения кладки могли в нижних частях отличаться, как показывает изучение фундаментов XIV–XV вв. В целом же эти конструкции близки, они могли принадлежать одному зданию.

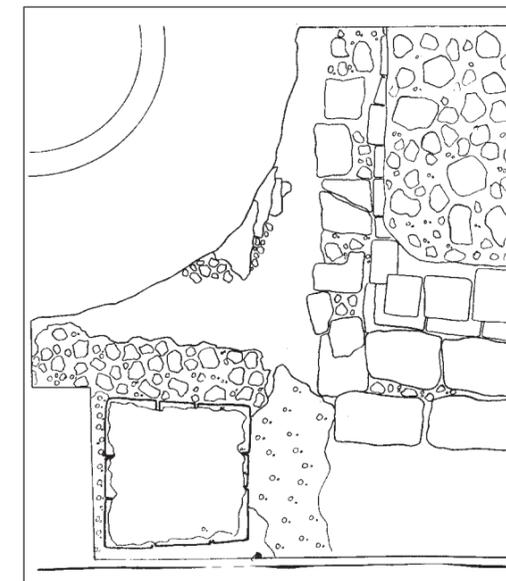
К сожалению, не ясно, с какого уровня впущены котлованы: вскрытый участок недостаточно обширен. Нижние уступы кладок много шире основной части, они рассчитаны на котлованную засыпку и действительно ею

321

322

323

пригружены. Однако сужение постепенно продолжается и выше, так что западная кладка прекращает сужаться только под современным полом (восточная сохранилась хуже). Авторы раскопок увидели в двух рядах белокаменных блоков, примыкающих к западной кладке, уровень пола и тем самым определили его как не очень высоко поднятый над древнейшей поверхностью. Это маловероятно: кладка продолжается вверх как фундаментная и имеет по крайней мере ещё два уступа, причём выше, над выкладкой, начинается грунтовое заполнение, которое переслоено известковыми проливками и просыпками отёсков, примыкающими к кладкам. Вместе всё это, вероятно, является засыпным цоколем. К тому же ряды из мощных блоков (отнодь не лежачи) совершенно не похожи на пол: между ними значительные щели, под ними нет подготовки, а на поверхности — следов выхоженности. Скорее это одно из рабочих подмащиваний котлована или низ прикладки, остальная часть которой не сохранилась (прикладки насухо для нетяжёлых конструкций хорошо известны в XV в.).

Итак, анализ кладок в наиболее ясно читаемом пространстве между подкупольными столбами нынешнего собора оставляет сомнения в том, что в нём открыты фундаменты именно четырёх храмов. Ни в одном из других шурфов также нет и намёка на четвертую каменную церковь. Её появлению мы обязаны общим историографическим представлениям о большом размахе каменного строительства в Москве XIII–XIV вв. Свою роль сыграла и спорность отождествлений отдельных кладок, и, видимо, ошибки фиксации. Об этом можно догадаться, обратив внимание на странное расхождение в фиксационных планах из статьи Н.С. Шеляпи-

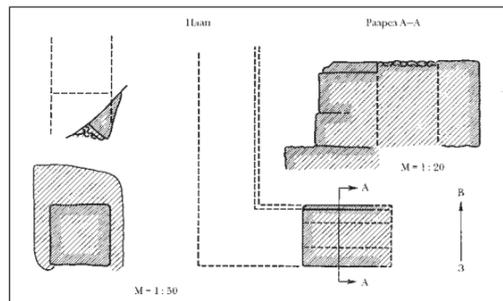
ной с многократно повторённой схемой В.И. Фёдорова [996].

Самая заметная, бросающаяся в глаза и кажущаяся убедительной особенность схемы В.И. Фёдорова—сильное, около 140°, различие в ориентации кладок, относимых автором к концу XIII—первой половине XIV в., и кладок 1470-х гг. Но на чертеже к статье Н.С. Шеляпиной все раскопанные кладки ориентированы без заметных отклонений от оси существующего собора, которая близка 720° (восток-северо-восток). Таким образом, у Фёдорова представлены две резко отличающихся друг от друга оси: два ранних храма направлены к востоку сравнительно точно, их ось 82003'—82014' восток-северо-восток, а оси храмов 1470-х гг. сильнее склонены к северу и дают направление 72033'—76050'.

Точны ли замеры направлений, представленные на схеме В.И. Фёдорова? В его статьях не раз специально подчеркнута, что «произведён точный геодезический замер ориентации продольных осей... храмов по натурным данным» [997]. Но именно это (так же как прецизионное, до одной минуты, указание на ось каждого из «четырёх храмов») заставляет отнестись к схеме с осторожностью. Нужно принять во внимание довольно грубую разбивку столбов и стен; малую протяжённость и неравномерную сохранность открытых кладок по высоте; столь же малые размеры шурфов, их неправильные, произвольные формы. В таких условиях, к тому же в загромождённом столбами и стенами интерьере, добиться замера направления с заявленной точностью крайне трудно [998]. Следует помнить, что замеры не одновременны, это накопленный итог. Немудрено, что даже в самой представленной В.И. Фёдоровым схеме есть непонятное расхождение с его же описанием: продольная ось собора 1472 г. описана как направленная на 4017' южнее относительно современного собора (т.е. 76050'), но на схеме этого поворота нет. Само объяснение Фёдорова, зачем такой поворот мог понадобиться, звучит неоправданным домыслом: «поворот продольной оси... позволил Фиораванти произвести самостоятельную разбивку плана своего здания, не дожидаясь полной разборки собора 1472 г.» [999].

Ориентировку исчезнувших храмов иногда удаётся уточнить по расположению могил соответствующих периодов—но в случае с Успенским собором это сделать довольно трудно [1000].

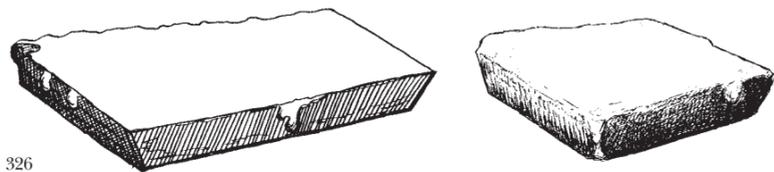
Столь же ненадёжна и датировка кладок по археологической стратиграфии, к которой апеллировала Н.С. Шеляпина: участки вскрытий недостаточно велики, слои сохранились не полностью, находок в них было сделано мало, да и представления о датах артефактов

324

325

326

конца XIII—первой четверти XIV в. до сих пор чересчур расплывчаты [1001].

Немудрено, что с самого начала возникли сомнения в общей интерпретации архитектурных остатков, их датировке, атрибуции и реконструкции. Если принять версию Н.С. Шеляпиной и В.И. Фёдорова, то площадь храма 1326 г. окажется чрезвычайно большой: подкупольный столб получит размер стороны, близкий 2,4 м, а сторона подкупольного квадрата достигнет 7,2 м, что больше, чем у Успенского собора во Владимире; кроме того, ширина столба будет чуть не вдвое превосходить толщину стен. Наконец, включение в реконструкцию Фёдоровым тех участков кладок, которые он считал относящимися к 1326 г., заставило его придать плану нелогичную с конструктивной точки зрения форму, не имеющую аналогов. Вероятность, что фундамент очень большого столба в восточной части центрального шурфа принадлежит именно храму 1326 г., мала, предложенная же В.И. Фёдоровым реконструкция плана—неприемлема.

В то же время материалы, относимые Н.С. Шеляпиной и В.И. Фёдоровым к XIII в.,

324 Успенский собор. Обмерный чертеж столба 1326 г. По В.И. Фёдорову, 1973 г.

325 Успенский собор. Часть кладки столба 1326 г. (фото 1968 г. из отчёта Н.С. Шеляпиной)

326 Успенский собор. Плитки пола XIV в., найденные при раскопках 1968 г. (из отчёта Н.С. Шеляпиной)

[996] Отметим, что В.И. Фёдоров в статьях о реконструкции планов Успенского собора не пользовался отдельной публикацией Н.С. Шеляпиной, а в последней статье (Фёдоров, 1987) на неё не сослался. [997] Фёдоров, 1985. С. 59. Аналогичные утверждения есть в статье: Фёдоров, 1987. [998] Например, расхождение осей кладок, относимых В.И. Фёдоровым к XIII в. и 1326 г.—около 10°. Из опыта обмеров известно, что такая разница для строительства византийского круга—меньше допустимой погрешности, ею невозможно оперировать даже при сравнении двух полностью сохранившихся зданий. [999] Фёдоров, 1985. С. 58.

[1000] Значительная часть погребений внутри и вне его (всего их около 45) следуют оси собора Фиораванти (около 72°); им почти не уступают по количеству могилы с более северной ориентировкой; есть и небольшая группа (четыре могилы) с поворотом к югу. При этом могилы с «северной» ориентировкой заходят так далеко на север от храма, что можно предполагать обычную девиацию по мере удаления от ориентира. На таком ненадёжном материале трудно говорить о зависимости осей могил от смены храмов: отклонения от ориентации пока не выходят за пределы обычных для раннемосковских кладбищ колебаний. Кроме того, северную или южную девиацию могла иметь ось деревянной церкви—предшественницы Успенского собора.

[1001] Строительные материалы из слоя XIII—XIV вв.: кирпич двух типов, поливные плитки полов «с ковчегом», плоская и полцилиндрическая черепица хорошо известны в Северо-Восточной Руси с самого возобновления монументального строительства в XIII в. и до XVI в. [1002] Фёдоров, Шеляпина, 1972. С. 223—235; Фёдоров, 1974. С. 112—129.

[1003] «Некоторые из них сохранили украшавшую их орнаментуку в виде плоской плетёнки, образующей узоры геометрического или стилизованного растительного характера, близкие к таким же украшениям на фасадах позднейших соборов в Звенигороде и Троице-Сергиевой лавре» (Максимов, 1949. С. 210).

[1004] Ворониц, 1962. С. 161. Рис. 84.

[1005] Вагнер, 1980. С. 58—65.

[1006] Там же. С. 66.

[1007] Там же. С. 69.

[1008] Там же. С. 70—72.

[1009] Там же. С. 90.

[1010] Аргументация основывалась на масштабе резного орнамента. Благовещенский собор конца XIV в. отличался небольшими размерами и, соответственно, резьба его орнаментального пояса должна быть более мелкой, чем у церкви Спаса на Бору. Резьба на найденных блоках, напротив «более декоративна, более масштабна, нежели резьба церкви Спаса на Бору» (Вагнер, 1980. С. 91).

[1011] Памятники архитектуры Москвы, 1982. С. 28. Рис. 46.

[1012] Гращенков, 1994. С. 38, 51. Примеч. II.

хорошо сочетаются с современными представлениями о строительной технике как домонгольской поры, так и начала XIV в., позволяя реконструировать собор скромных, но типичных для городов домонгольской Руси размеров: при столбе со стороны 1,36 м можно ожидать сторону квадрата около 4 м, а в качестве аналога видеть трёхпритворные храмы типа собора в Юрьеве Польском или ещё более простые [ил. 324, 325]. Подобным московскому Успенскому оказывается и тверской Спасо-Преображенский собор, план и размеры которого, пусть приблизительные, уже известны благодаря раскопкам 2013—2014 гг.

Вопрос об остатках фундаментов в центральных (а также и в других) шурфах 1960-х гг. в Успенском соборе останется открытым вплоть до повторных и по возможности более широких исследований. Но, как бы ни датировался древнейший храм, 1290-ми или 1320-ми гг., можно предполагать известную связь первой каменной традиции и даже конкретнее—с формами собора Юрьева Польского и Преображенского собора Твери.

Публиковались В.И. Фёдоровым и Н.С. Шеляпиной и данные исследований 1968 г. вблизи и внутри Благовещенского собора [1002]. Но попытка «вписать» на это место ещё один огромный храм конца XIII в., на этот раз «каменно-деревянный», с очень странным планом и техническими характеристиками фундамента (бут из голышей-булыжников в жёлто-сером растворе и более поздние блоки известняка с остатками фресок) вызвала решительные возражения Б.Л. Альтшуллера и сегодня никем из исследователей всерьёз не рассматривается.

Каменные блоки: хронология и атрибуция

В изучении раннемосковского зодчества сложилась отдельная проблематика, связанная с изучением фрагментов белокаменного декора, принадлежавших, как полагают, фасадам храмов Ивана Калиты. Первые камни были обнаружены П.Н. Максимовым в забутовке фундаментов собора Спаса на Бору, но сведения о них появились в печати только в 1949 г., и то в виде краткого описания Н.Н. [1003]. Эти фрагменты были известны Н.Н. Воронину, который, не усомнившись в их принадлежности церкви Спаса на Бору, выполнил реконструкцию раппорта [1004].

Проблему атрибуции фрагментов резных орнаментальных блоков и других архитектурных деталей осознали только после введения в научный оборот более широкого круга деталей. В монографии, посвящённой раннемосковской скульптуре, Г.К. Вагнер связал с историей Успенского

собора группу разнообразных камней, найденных в Кремле, причём основой отождествления послужила «музейная традиция». К тому же учёный исходил из ошибочной гипотезы Н.С. Шеляпиной и В.И. Фёдорова о существовании в 1280—1290-х гг. на месте Успенского собора белокаменной церкви Св.Димитрия Солунского.

Из привлечённых им восьми резных камней (база колонки; блок с фрагментами лепестков пальметт; блок с лапами птицы; консоль с головой льва и фрагмент такой же; перехват колонки; блок с частью арочки) Г.К. Вагнер составил две группы [ил. 327, 328]. Камни с драконом, львиными масками и базой колонки он отнёс к «Дмитриевской церкви» (они не подходили по размеру для «грандиозного Успенского собора» Н.С. Шеляпиной и В.И. Фёдорова). Как аналог фрагмента с драконом Г.К. Вагнер привёл резьбу в тимпане окна храма в Дечанах и, опираясь на сербские аналогии, реконструировал изображение вазисиса в архивольте портала «Дмитриевского храма» [1005]. В львиной маске он увидел консоль колонки аркатурно-колончатого пояса фасада той же церкви [1006], а место для базы нашёл в её темплоне [1007]. В свою очередь к Успенскому собору Г.К. Вагнер отнёс блок с фрагментами аркатуры, блок с пальметтами и перехват колонки [1008].

В той же книге Г.К. Вагнер впервые ввёл в широкий научный оборот камни с растительным орнаментом, обнаруженные во время раскопок под западной частью южной галереи Благовещенского собора. На одном девятилепестковая пальметта переплеталась стеблями с криницей, на других сохранились семилепестковые пальметты. Этот орнамент заметно отличался от криновидных мотивов на камнях, найденных П.Н. Максимовым вблизи церкви Спаса на Бору. Исследователь впервые указал как их ближайший аналог орнаментальный пояс Никольского собора в Можайске [1009] и отнёс блоки к Благовещенскому собору 1416 г. [1010]

Казавшуюся чёткой дифференциацию блоков с криницами и пальметтами неожиданно нарушила публикация одной из деталей, найденной в Благовещенском соборе: её отнесли к белокаменному фризу церкви Спаса на Бору [1011]. Основанием стала публикация сообщения В.Н. Иванова о том, что при разборке церкви Спаса обнаружили блоки как с криницами, так и с пальметтами, что позволяло считать их частями одного орнаментального пояса [1012]. Сообщение ввёл в оборот хранитель Лапидария Московского Кремля А.В. Гращенков, связав с собором Спаса на Бору восемь камней: три имели пальметтовидный орнамент, а пять—криновидный. Пальметты были одинаковы по форме, размеру, высоте рельефа, и даже

327

328

329

330

327 Блок с фрагментом пальметт из раскопок внутри Успенского собора 1475–1479 гг. Музеи Московского Кремля
 328 База колонки из раскопок внутри Успенского собора 1475–1479 гг. Музеи Московского Кремля
 329 Блок с частью арки аркатурно-колончатого пояса из раскопок внутри Успенского собора 1475–1479 гг. Музеи Московского Кремля
 330 Гирька наличника из Теремного дворца, вторая половина XIX в. Музеи Московского Кремля

контуры их совпадали, что доказывало принадлежность одному памятнику и единой орнаментальной ленте.

А.В. Гращенков счёл необходимым развести по времени блоки с пальметтами, найденными у собора Спаса на Бору, и блок из Благовещенского собора, так как пальметта Благовещенского собора—девятилепестковая, чередуется с криновидным растением и отличается по рельефу. Полагая, что фрагменты с семилепестковыми пальметтами и девятилепестковыми принадлежат разным памятникам, и сравнивая их, хранитель построил эволюцию от грубой проработки орнамента к более тонкой в Благовещенском соборе. В итоге он датировал камни с пальметтами из церкви Спаса на Бору раньше, чем девятилепестковую пальметту из Благовещенского собора [1013] и, в отличие от Г.К. Вагнера, отнёс этот блок к первому Благовещенскому собору конца XIV в. [1014] Блоки с криновидным орнаментом Гращенков гипотетически связал со зданием, построенным после соборов Ивана Калиты, но до Благовещенского собора 1380-х гг. [1015]

Свою позицию А.В. Гращенков наиболее полно изложил в каталоге Лапидария Музеев Московского Кремля [1016]. Учёный подверг справедливой критике отнесение Г.К. Вагнером блока с частью арочки к собору 1326 г., указав, что в соборе Кривоцова и Мышкина обязательно был аркатурно-колончатый пояс, поскольку он есть у прототипа—Успенского собора Владимира [ил. 329]. «Консоли аркатурного пояса», т.е. львиные маски, не могли принадлежать собору Ивана Калиты: в одной есть канал для связи, что относит её к категории висячих гирек XVII в., известных в Теремном

дворце; другая консоль оказалась просто копией XIX в. [1017] [ил. 330]

Зато к Успенскому собору 1326–1327 гг. А.В. Гращенков отнёс детали, найденные в 1960-е гг., определив их как полуколонки портала [1018], и блок с фрагментами пальметт. В отличие от Г.К. Вагнера, А.В. Гращенков считал, что обработка этих деталей не была завершена и по ним нельзя судить о плоскостном характере резьбы [1019]. Фрагмент аркатурно-колончатого пояса он также связал с Успенским собором Ивана Калиты [1020], но фрагменты капители лопатки и поребрика вызвали больше сомнений [1021].

В каталоге 2010 г. впервые опубликована и отнесена к архивольту портала церкви Иоанна Лествичника 1329 г. деталь, обнаруженная в 1976 г. в забутовке фундамента церкви-колокольни «Иван Великий» [1022]. Тогда же окончательно разделены блоки с пальметтами и блоки с криновидными растениями: все блоки с семилепестковыми пальметтами отнесены к собору Спаса на Бору [1023], все блоки с кринами—к собору Чудова монастыря 1365 г. [1024], а блок с девятилепестковой пальметтой и криновидным растением, переплетённым стеблями, как и в статье 1994 г.,—к Благовещенскому собору конца XIV в. [1025].

Классификацию деталей А.В. Гращенкова подверг вскоре серьёзной критике Г.С. Евдокимов, проводивший натурные исследования в церкви Рождества Богородицы на Сенях и Благовещенского собора [1026]. Он обосновал возвращение к атрибуции блоков с кринами, которой придерживались Н.Н. Воронин и Г.К. Вагнер. Прежде всего Г.С. Евдокимов обра-

[1013] Гращенков, 1994. С. 42–43.
 [1014] Там же. С. 43.
 [1015] Там же. С. 44.
 [1016] Гращенков, 2010.
 [1017] Там же. С. 45–46.
 [1018] Там же. С. 49. №1, 2.
 [1019] Там же. С. 49–50. №3.
 [1020] Там же. С. 50. №6.
 [1021] Там же. С. 50. №5; С. 51. №7.
 [1022] Там же. С. 52. №10.
 [1023] Там же. С. 53. №11, 12; С. 54. №13, 14.
 [1024] Там же. С. 55. №17; С. 55–56. №18; С. 56–57. №19–23.
 [1025] Там же. С. 58. №25.
 [1026] Евдокимов, 2009. С. 128–145.

[1027] Там же. С. 138.
 [1028] Там же. С. 139.
 [1029] Там же. С. 140.
 [1030] Там же. С. 140–141.
 [1031] Гамлицкий, 1998. С. 96–116; Неволин, 1996. С. 71–84.
 [1032] Кобрин, 1985; Альшиц, 1988. С. 207–226, и др.

тил внимание на находки, которые были сделаны во время реставрационных работ в Большом Кремлёвском дворце в 1960-х и 1997–1998 гг., затронувших паперть собора Спаса на Бору. Тогда были обнаружены новые части блоков с криновидными побегам и пучками. При этом новых фрагментов с пальметтами среди них ни в 1960-е, ни в 1990-е гг. найдено не было [1027]. Не менее, если не более существенным, по мнению Г.С. Евдокимова, стало обнаружение фрагмента блока с верхней частью пальметты крупного размера при натурных исследованиях 2003–2005 гг. в церкви Рождества на Сенях. Размер и характер резьбы, а также высота рельефа полностью совпали с блоками с пальметтами, которые А.В. Гращенков отнёс к храму Спаса на Бору [1028]. Таким образом, блок с семилепестковой пальметтой получил другую, более точную атрибуцию и дату: церковь Рождества Богородицы на Сенях, 1393/1394 г.

Это поставило под сомнение датировку началом XIV в. всех известных блоков с пальметтами. Г.С. Евдокимов справедливо напомнил о том, что достоверных сведений о происхождении этих деталей просто нет. Известно только, что они принадлежат к довоенным поступлениям. Но в те же годы в Лапидарий поступали и другие детали: блок с поребриком и полкой, капитель фасадной лопатки. Они также, видимо, принадлежат церкви Рождества на Сенях и могли попасть в Лапидарий при работах на ней в 1920-е гг. (тем более что они полностью соответствуют деталям, найденным при работах 2003 г.). Таким образом, вся группа блоков с семилепестковыми пальметтами соотносена с церковью Рождества Богородицы на

Сенях [1029], а детали с кринами и пучками—«возвращены» церкви Спаса на Бору [1030]. Таково состояние критики источников на этом направлении до настоящего времени—2010-х гг.

Архитектура и иконография

Давно стало историографической традицией привлечение для реконструкции соборов 1330–1340-х гг. иконографии XV–XVI вв. Первые изображения Успенского собора Ивана Калиты дают клейма иконы «Митрополит Пётр с житием» [ил. 315]. Однако икона датируется концом XV в., она написана после разборки не только первого, но и второго (недостроенного) Успенского собора, и полагаться на неё как на источник, особенно учитывая «нереалистический» характер иконописи, трудно.

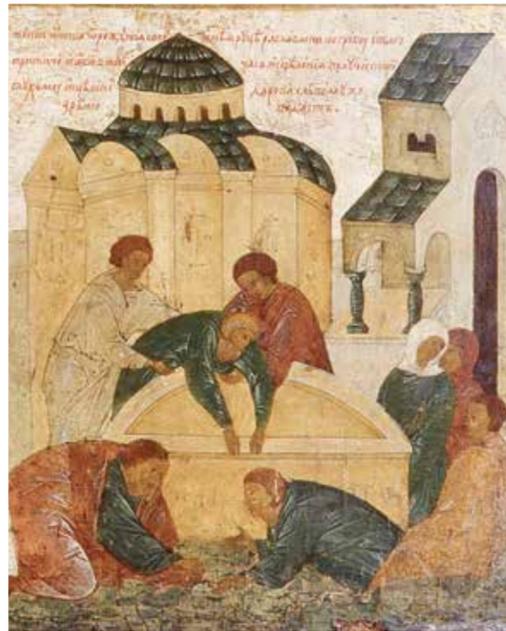
То же можно сказать о следующем по времени иконографическом источнике, Остермановском томе Лицевого летописного свода. Он создан примерно через столетие после разборки обоих соборов, в 1568–1576 гг., но его миниатюры отличаются более жанровым характером, изображением исторического нарратива. Именно в них К.К. Романов искал наиболее достоверное изображение собора 1326–1327 гг. Но к ним нужно относиться осторожно. Они отражают не реальность, а представления людей второй половины XVI в. о том, каким должен был быть собор Ивана Калиты. Иконограф стремится подчеркнуть отличия от современного собора, его цель—не изобразить реальный храм, видеть который он не мог, а акцентировать детали повествования, иллюстрировать летопись. Доказано, что иллюстраторы и иконописцы, владея приёмом пастиччо [1031], включали в свои произведения целые группы из гравюр Михаэля Вольгемута, Альбрехта Дюрера, Георга Пенца и других европейских мастеров; что они использовали одни и те же стандартные изображения для разных городов и храмов; что Лицевой летописный свод имел отчасти полемическую пропагандистскую направленность [1032]. В результате собор Ивана Калиты в разных миниатюрах Остермановского тома изображён по-разному: на листе, иллюстрирующем известие об устройении гробницы митрополитом Петром, он представлен пятиглавым, а на миниатюре, соответствующей описанию подпёртого брёвнами ветхого храма,—одноглавым. Столь же условно очерчен «абрис» основания собора в сцене его закладки. Все это, конечно, не доказывает, что собор не был одноглавым или не имел трёх апсид. Просто такие изображения не могут служить основанием для реконструкции.

Облик первого Успенского собора можно лишь отчасти представить на основе достоверных свидетельств летописи (прежде всего о строительстве собора 1472–1474 гг.), иконографии, пересмотренных археологических данных, находок реставраторов. Описание хода разборки Успенского собора 1326–1327 гг. говорит о существовании у собора «меньших» притворов (они были разобраны после откопки фундаментных рвов, забивки свай и заполнения рвов бутом [1033], т.е., вероятно, входили в границы нового собора), а внутри собора—о существовании придельной церкви Димитрия Солунского с аркосолием для погребения князя Юрия Даниловича [1034] и о пространстве жертвенника, подле которого, также в стене, митрополит Пётр приготовил себе гробницу.

Допустим, со множеством оговорок, что изображения собора в иконописи и миниатюрах, в том числе в клеймах иконы «Митрополит Пётр с житием» (1480–1490-е гг.), отразили детали здания. Собор в клеймах изображён одноглавым, а его четверик составлен из выступов, завершённых закомарами и покрытых пластинами металла или черепицы (другие церкви в клеймах иконы изображены схематичнее, без подробностей) [ил. 331]. Аналогичным образом Успенский собор изображён в клейме «Святой Алексей молебная у гроба святого Петра», в иконе «Митрополит Алексей с житием», в то время как собор Чудова монастыря с приделом Благовещения показан там иначе (его четверик разделён на три прясла лопатками, и каждое прясло завершено закомарой).

Иконописец явно придал Успенскому собору и, видимо, собору Чудова монастыря индивидуальные черты, позволяющие выделить эти постройки среди храмов, изображённых на иконах. К.К. Романов считал, что разделение фасада на «ризалиты» может разделять притворы, но даже в этом случае судить по изображению об их высоте невозможно.

План собора на клейме, изображающем закладку собора митрополитом Петром и устройство им для себя аркосолия, представлен так, что митрополит закладывает гроб у южной стены, а не у северной, что соответствовало бы указанию летописи. Показанные у четверика собора выступы можно в принципе трактовать как притворы с запада, юга и севера, сопоставив при этом с известием о разборке «меньших» притворов. Но К.К. Романов сомневался в документальном характере именно этого изображения из-за того, что на нём показана одна апсида.

331

Мог ли быть первый Успенский собор одноапсидным, как считал А.И. Некрасов? Летописный текст о кивории для гроба святого Петра «близ святого жртовника во стене» позволяет предполагать аркосолийный вблизи северо-восточного угла четверика; в северной стене боковой северной апсиды (жертвенника) [1035]; наконец, даже в стене центральной апсиды, если под жертвенником летописец понимал престол. Возможно, речь идёт именно о такой гробнице в центральной (или единственной) апсиде.

Можно быть уверенным, что мощи митрополита Петра в первом и втором соборах размещались по северной стороне. Известно также, что в самом начале строительства 1472 г. разобрали не только «меньшие» притворы, но и алтарь: собор стоял без алтаря и притворов до того времени, когда новая церковь была возведена «с человека в высоту». Всё это время сохранялась северная стена, в которой находились мощи святого Петра, но это необязательно стена апсиды. Рассказ о погребении митрополита Феогноста позволяет понять, что с северной стороны от соборного алтаря был и придел Поклонения веригам св. апостола Петра [1036].

Набор вариантов для размещения церкви Св. Димитрия ещё шире, но, если план собора был традиционным, вероятнее искать её в диаконнике или подле него. Церковь Св. Димитрия Солунского находилась с юга, поскольку её местоположение во втором и третьем (нынешнем) соборе по отношению к главному алтарю именно таково.

331 Успенский собор 1326–1327 гг. на клейме иконы «Пётр Митрополит с житием». Конец XV в. Музеи Московского Кремля
332 План Успенского собора 1326–1327 гг. по состоянию на 1459 г. (археологически изученные части даны тёмными заливками). Реконструкция Д.Е. Яковлева, 2016 г.

[1033] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 293–294.

[1034] Там же. С. 294; Симеоновская летопись, 1913. С. 238.

[1035] Как, например, гробница XIII—начала XIV в. в северном простенке алтаря Успенского собора в Ростове Великом, крышка которой несёт композицию из трёх кругов с узором «волчий зуб». Открыта при раскопках под руководством А.Е. Леонтьева и О.М. Иоаннисяна в соборе в 1990-х гг. (наблюдения Л.А. Беляева).

[1036] «...и положиша и в церкви святых Богородица на Москве в храме поклоненья честных вериг апостола Петра, близ гроба чудотворца Петра об едину стену» (Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 179).

[1037] Там же. С. 276.

[1038] Там же. С. 179.

[1039] «И егда разбираша церковь, и тогда выняша ис стены церкви святого Дмитрея мощи княжи Юрьевы Даниловича... и вложше в раку древяну поставиша их на гробе Феогноста митрополита, иде же была церковь Поклонение вериг» (Там же. С. 294).

[1040] Новейший опыт реконструкции Успенского собора на основании критики источников и пересмотра данных археологии предпринят также Д.Е. Яковлевым (см.: Яковлев, 2016. С. 18–34).

[1041] Так, А.В. Гращенков отнёс камень с фрагментом арочки к аркатурно-колончатому поясу собора 1472–1474 гг., но в каталоге «вернул» его в 1326–1327 гг. Главным аргументом стали выявленные на блоке следы покрасок и обгорелого слоя; такие же следы заставили его отнести к 1326–1327 гг. полуколонки портала. Но хотя эти детали найдены в фундаментах собора 1475–1479 гг., это ещё не основание связывать их с двумя первыми Успенскими соборами (обгорелый слой и покраски, скорее, свидетельствуют против связи со вторым собором). Можно усомниться в том, что детали Успенского собора 1326–1327 гг. вообще попадали в кладку фундаментов 1472–1474 гг.: летопись указывает, что притворы и алтарь собора Ивана Калиты разобрали, только завершив кладку фундаментов во рвах, а остальную церковь демонтировали, лишь выведя новые стены на уровень человеческого роста, когда новые аркосолии в них были готовы принять гробы святителей. Тем паче трудно понять, как блоки из первого собора могли попасть в третий храм, который строил Фюранванти. См.: Гращенков, 2010. С. 50. №6.

[1042] Рогожский летописец, 1922. Стб. 45.

[1043] Там же. Стб. 57.

[1044] «В лето 6983... То же месяца [апреля—А.Б., Л.Б.] 16 принесение мощи чудотворца Петра из церкви Пречистые в Иван Святые под колоколы...» (Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 303).

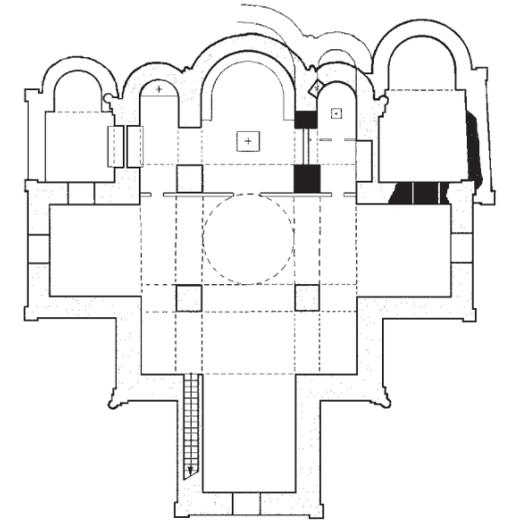
[1045] Там же. С. 324.

С южной же стороны собора в 1459 г. поставлена придельная церковь Похвалы Божией Матери («приделал к Пречистые оltарю възле южныи двери» [1037]), что уточняет привязку церкви Св. Димитрия, заставляя искать её в диаконнике собора или где-то ещё по южной стороне, но не на месте будущего Похвальского придела.

Место придела Поклонения веригам определяется достоверно благодаря чёткому указанию соотношения гробниц митрополита Петра и митрополита Феогноста, который был погребён в 1353 г. «в храме поклоненья честных вериг апостола Петра, близ гроба чудотворца Петра об едину стену» [1038]. Можно согласиться с его реконструкцией К.К. Романовым в виде бесстолпного объёма: представить четырёхстолпный храм невозможно. О миниатюрных размерах церкви говорит быстрота возведения (её полностью отстроили и даже благоуказили изнутри всего за два месяца, с 13 августа до 14 октября 1329 г.) и ход разборки собора (30 апреля 1472 г.) и началом возведения его стен «меньшие» притворы и алтарь разобрали, но церковь Поклонения веригам оставили, так как она, видимо, не мешала строительству нового собора (была выдвинута к югу значительно меньше, чем южный притвор?). Придел стоял даже при разборке стен: когда началась полная разборка собора, сюда перенесли деревянную раку с мощами князя Юрия Даниловича, поместив её на гроб митрополита Феогноста [1039].

Итак, Успенский собор 1326–1327 г. был одноглавым, имел притворы (сколько, где, какого размера—не известно), одну или три апсиды и стенные аркосолии, а с 1329 г.—пристроенный снаружи с севера бесстолпный придел [ил. 332]. О хорах, внутрестенной лестнице, других частях данных нет [1040]. Мы лишены даже белокаменных деталей, которые можно достоверно связать с собором Ивана Калиты—их атрибуция излишне подвижна и ненадёжна (см. выше) [1041].

Несколько иначе выглядит ситуация с церковью Св. Иоанна Лествичника. Благодаря пересмотру материалов раскопок П.П. Покрышкина на Соборной площади, она, кажется, обрела реальные черты. Но насколько достоверна новая интерпретация этих фундаментов? Они, конечно, могут представлять остатки октагона, но, судя по обмеру и фотографиям 1913 г., боковые стены сохранились фрагментарно [ил. 333, 334]. Установлена длина только полностью сохранившихся граней, рёбра которых декорированы чётко читающимися полуколонками. Однако бросается в глаза различная длина граней: восточная—1,61, северо-восточная—1,51 и юго-восточная—1,458 сажени. При этом северная боковая линия (грань?)

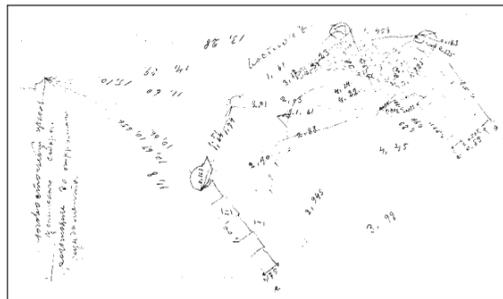

332

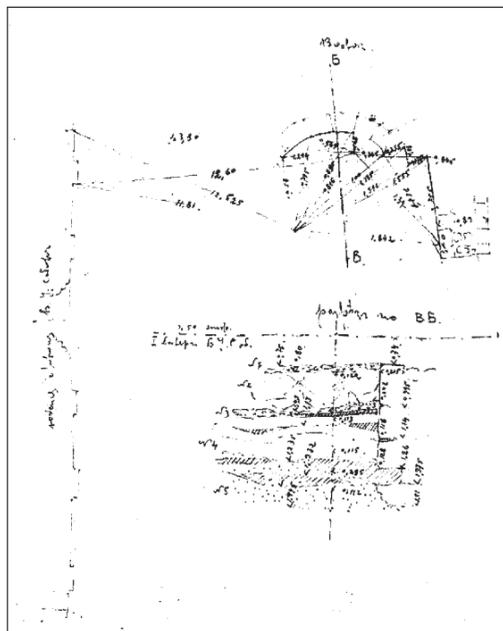
сохранилась в длину на 1 сажень, а южная—на 1,53, и это не полная длина: ограничивающая южную кладку полуколонка отсутствует. Таким образом, длина южной линии превосходит северо-восточную и юго-восточную грани. Скорее всего, она не укладывается в предполагаемый размер стороны октагона.

Фундамент раскрыт недостаточно для того, чтобы безоговорочно считать его остатками октагона [ил. 335, 336]. Только применив к постройке 1329 г. типологическую схему XVI в., авторы статьи смогли представить храм восьмигранным, столпообразным, с ярусом звона. Они опирались на два изображения. Первое: на сводах был нужен ярус звона, способный вместить пять колоколов, отлитых мастером Борисом в 1346 г. Второе: в новой постройке 1500-х гг. Бон Фрязин интерпретировал форму старого сооружения. Но второе предположение возможно только при незнакомстве с типами итальянских кампанилл, которые строили задолго до сооружения Ивана Великого. Более того, в сообщениях о строительстве церкви Иоанна Лествичника вообще ничего не сказано о её функции как звонницы [1042]. Правда, под тем же годом, что и сообщение о росписи церкви Иоанна Лествичника, помещено известие о литье колоколов мастером Борисом [1043]—но о том, что эти события связаны, нет ни слова. Роспись московских храмов и литьё ансамбля колоколов объединяет общая программа великого князя Симеона Гордого, продолжившего ктиторскую деятельность отца, великого князя Ивана Калиты, но где висели колокола 1346 г., не известно.

О том, что церковь Иоанна Лествичника связана с функцией церковного звона, с устройством для развески колоколов, впервые говорит сообщение летописи о переносе сюда мощей святителей из Успенского собора [1044] и последующем возвращении их в новый собор [1045]. Определение «под

333

334

колоколы» в отношении построек XVI в. действительно означает размещение колоколов над храмом, в его втором ярусе. Но облик сооружений, к которым его применяли, известен—все они построены после Ивана Великого. До 1505 г. ни одной столпообразной постройки «под колоколы» не известно. До начала XVI в. мы вообще знаем только одну постройку, соединяющую функции храма и колокольной звонницы—церковь Св. Духа в Троице-Сергиевом монастыре. Вряд ли верно думать, что наименование храма Иоанна Лествичника «под колоколы» в конце XV в. подразумевает определённый архитектурный тип сооружения—скорее, речь идёт о функции. Так что остаётся неизвестным, где размещали колокола в 1329 г.

Тем менее упоминание о них способно помочь реконструировать ярус звона: ведь церковь построили за 17 лет до литья колоколов. Новые колокола вполне могли повесить на отдельную выстроенную для них колокольню (скорее всего деревянную, подобную той, на которую водрузили колокол, отлитый Николаем Немчином в 1533 г. [1046]). Подобные сооружения следует ожидать на Соборной площади уже в XV в.—в этом

отношении интересно известие о привозе новгородского вечего колокола в 1479 г.: «и привезен бысть, и вознесли его на колокольню на площади и с прочими колоколами звонити» [1047]. Текст, видимо, говорит именно об отдельном сооружении для колоколов, а не о церкви.

Можно ли экстраполировать формы храмов XVI в. «под колоколы» на сооружение первой трети XIV столетия—отдельный вопрос. Формы Ивана Великого 1505–1508 гг. укоренены не в московской, а в итальянской архитектурной традиции [1048]. В Италии почти повсеместно распространена традиция строительства высоких сооружений для колоколов, поднимающих ярусы звона на значительную высоту. Столетиями, с XII по XV в., их строили именно как восьмигранные столпообразные здания. Во многих итальянских колокольнях использован приём уменьшения диаметра частей столпа по мере перехода на следующий ярус, причём в основном это происходит на уровне верхнего яруса звона. Образовавшаяся площадку часто превращали в обходную арочную галерею на столбах или колоннах, окружающую верхний восьмерик или цилиндр (восьмигранная колокольня при церкви Сан Никола в Пизе).

Оснований связывать замысел Бона Фрязина с влиянием старого сооружения, формы которого нам не известны, нет. Уточ-

335

336

333 План Соборной площади. Кроки П.П. Покрышкина. 1913 г. Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 246. Л. 106

334 План Соборной площади. Кроки П.П. Покрышкина. 1913 г. Архив ИИМК. Ф. Р-1. Д. 246. Л. 102

335, 336 Фрагменты белокаменного сооружения, открытого на соборной площади в 1913 г. Музей Московского Кремля

[1049] Ратомская, 2011/1. С. 292–299.

[1050] Ратомская, 2011/2. С. 282–291.

[1051] См.: Коркутова, 2009. С. 341–347.

[1052] «Того же лета кончан бысть притвор придел камен у церкви святого Спаса на Москве» (6858/1350 г.). См.: Рогожский летописец, 1922. Стб. 59–60.

[1053] Воронин, 1962. С. 159–160.

[1054] Археологические наблюдения при строительных работах осенью 1997 г. во дворе Большого Кремлёвского дворца показали, что у западной стены Преображенского собора существовало кладбище: зафиксированы остатки фундамента западной стены Спасо-Преображенского собора, открыты два захоронения XIV (?) в. и яма (осуарий) для перезахоронения останков (примерно 20 человек). См.: Клоев, Панова, 2006.; Панова, 1998.

[1055] Рогожский летописец, 1922. Стб. 78.

[1056] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 221.

[1057] Снегирев, 1842–1845. С. 128.

[1058] Там же. С. 129.

[1059] «Того же лета, апреля 26, преставися епископ Пермский Стефан; и положен бысть на Москве, в монастыре у святого Спаса, в застенке в Спасе милостивом» (Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 69).

[1060] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 226.

[1061] Ермолинская летопись, 1910. С. 135.

[1062] Житие Стефана Пермского, 1995. С. 212.

[1063] «...положиша его в пресловутом граде Москве, в монастыри св (ята) го Сп(а)са, в ц(еркви) каменной, входящим в ц(ерк)к(о)вь на левой стране» —

Великие Минеи Чети, 1915. Стб. 1081.

[1046] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1904. С. 72.

[1047] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 323.

[1048] Подьяльский, 1995. С. 98–109.

нённые даты столпообразных сооружений свидетельствуют, что все они появились после строительства Ивана Великого [1049], причём многие такие постройки в первой трети XVI в. связаны с деятельностью итальянских архитекторов. Столь же очевидно непосредственное влияние Ивана Великого на храмы «под колоколы» времени Ивана Грозного [1050].

Строгий анализ источников и в данном случае приводит к заключению о недостаточности данных для достоверной реконструкции притвор 1329 г. Ясен небольшой размер храма—его построили и приготовили к освящению менее чем за три месяца, с конца мая до 1 сентября (причём в августе строительные работы должны были завершить, так как церковь Поклонения веригам апостола Петра уже была заложена).

Гранёный план, читающийся на обмере и фотографиях П.П. Покрышкина, сам по себе не требует реконструировать церковь «под колоколы» как столпообразную постройку. Византийская традиция (например, на Балканах в XI–XIV вв. [1051]) знает достаточно примеров гранёного алтаря у прямоугольной в плане церкви или у храма со сложным планом. Так что искать прообразы в древней Армении, как делали В.В. Кавельмахер и Т.Д. Панова, нет нужды. Вполне вероятно, что, продлив раскоп к западу вдоль северной и южной стен, П.П. Покрышкин обнаружил бы их продолжение с возможным расширением в полукруглые боковые конхи («певницы», как у церкви Св. Троицы в Разлоге, Болгария) или иного плана.

Не менее туманны представления о типе церкви Спаса на Бору. Известий о пристройках или о существовании у неё приделных храмов мало для реконструкции облика собора. Даже по поводу пристройки, которую добавили при великом князе Симеоне Гордом, существуют разногласия. Н.Н. Воронин полагал, что летопись [1052] говорит о притворе с запада, служащем усыпальницей, и не исключал, что он задуман изначально [1053]. Но убеждение, что притвор/придел находился с запада и служил усыпальницей, основано на открытии в 1836 г. в западном притворе собора княжеских белокаменных гробниц, опубликованных И.М. Снегирёвым. Н.Н. Воронин полагал, что, если при перестройке собора погребения не потревожили, они указывают на местоположение притвора/придела [1054]. Действительно, погребение членов великокняжеской семьи в одном из приделов-пристроек собора отражено в источниках. Рогожский летописец сообщает о помещении, где в 6872 (1364) г. была погребена великая княгиня Александра, вдова великого князя Ивана Ивановича, в иночестве Мария:

«у святого Спаса на Москве в притворе в приделе» [1055]. Важно, что летописец в сообщениях как 6872 г., так и 6858 г. использовал одно и то же выражение, «притвор придел». Это позволяет не сомневаться, что пристроенный в 1350 г. объём служил усыпальницей, где похоронили Марию-Александру, а в 1393 г. рядом с нею—её внука, князя Иоанна (в иночестве Иоасафа), сына Дмитрия Донского [1056].

Однако при этом не указано, где притвор/придел находится. И.М. Снегирев, подробно рассказав о монашеском погребении, где были обнаружены слезница и параманд, остальных захоронений не описал, предположив лишь, что это могилы известных лиц, и назвав имена князя Иоанна Дмитриевича (ум. в 1393), жён великого князя Симеона Гордого, великих княгинь Анастасии (ум. 1345) и Марии, в иночестве Фетинии (ум. 1399) [1057], и, с большей уверенностью, других великих княгинь, включая жену великого князя Ивана Даниловича, Елену (ум. 1332) [1058]. Нельзя не заметить, что некоторые из этих княгинь умерли ранее окончания строительства притвора/придела. Так что, хотя в западном притворе храма 1527 г. в 1836 г. открыто монашеское погребение знатного человека (возможно, из великокняжеской семьи)—нет оснований видеть местом пристройки 1350 г. именно западную часть церкви Спаса на Бору: кладбище вокруг собора и внутри него было, вероятно, как и в других монастырях, обширным.

Н.Н. Воронин полагал, что собор Спасского монастыря, как и Успенский, имел ещё небольшой придел, пристроенный к северо-восточному углу (в качестве аналога, разумеется, приведён Георгиевский собор Юрьева Польского). Основанием послужило толкование сообщения Воскресенской летописи о погребении в 1396 г. преподобного Стефана Пермского [1059], которое дано Московским летописным сводом конца XV в. в той же редакции («у святого Спаса в застенке в Спасе милостивом» [1060]), однако в Ермолинской звучит по-иному: «положен в Спасе милостивом на Москве» [1061]. Житие преподобного Стефана уточняет локализацию погребения. В древнейшем списке, составленном Епифанием Премудрым, сказано: «Положиша его в пресловутом граде Москве в монастыри Святого Спаса, в церкви каменной, входящим в церковь на левой стране» [1062]. Список собрания П.П. Вяземского (РНБ) датирован Г.М. Прохоровым 1490-ми гг. и отражает топографию погребения до перестройки собора в 1527 г., но та же локализация сохраняется в списках Жития, составленных после 1527 г.; в Великих Минеях Четых дан тот же текст [1063].

Противоречат ли друг другу две модели описания места погребения Стефана Перм-

ского, летописная и агиографическая? Н.Н. Воронин отвечал положительно, считая, что слово «застенок» означает «особый наружный придел к главному храму» [1064]. На самом деле оно не подразумевает чёткого пространственного определения: «застенок» может обозначать придельный храм и в церкви, и за её стенами, как в описании приделов Архангельского собора («да два застенка Архангелских деревянных размещаша») [1065]. Доказать, что застенок был приделом, пристроенным снаружи к северо-восточному углу Спасского собора, невозможно. Остаётся неизвестным и время его устройства. Место же погребения в Житии соответствует расположению надгробницы святого в соборе 1527 г. [1066] Поскольку сборник П.П. Вяземского датируется по филиграням второй половиной 1490-х гг., его текст отражает реальность своего времени. Возможно, ту же картину фиксирует и летопись.

Московский летописный свод конца XV в. не случайно уточнил: «в застенке в Спасе милостивом», а более поздний источник, Степенная книга, дал ту же информацию более развернуто: «Святое же и честное священное его и трудолюбное тело положено бысть в церкви всемилостиваго Спаса иже есть придел у Преображения Господня...» [1067]. Обозначение праздника «Всемилоостивого Спаса» подразумевает посвящение престола празднику Происхождения честных древ Креста Господня и Всемилоостивого Спаса. Ладанные книги начала XVII в. действительно фиксируют в соборе придельный храм «Происхождения честных древ» [1068]. Степенная книга отражает реальность второй половины столетия, поэтому остаётся вопрос: является ли текст более ранних летописей указанием на положение гроба в приделе и на посвящение этого придела Всемилоостивому Спасу?

Текст ранней летописи подтверждает посвящение единственного известного нам в этот период престола Преображения Господня. Об этом прямо говорит редакция известия о погребении, изложенная в Ермолинской летописи. Выражение «в застенке» может указывать и на положение в особой церкви (пристройке, палатке), и на положение внутри монастырского храма. Н.Д. Извеков, чьё мнение Н.Н. Воронин отверг, возможно, был недалёк от истины, полагая, что Стефан Пермский погребён в западном притворе, слева от входа—в этом случае летописная и агиографическая традиции входят в согласие друг с другом.

Таким образом, нет серьёзных оснований вслед за Н.Н. Ворониным допускать существование придела, пристроенного к северо-восточному углу храма, подтверждаая тем самым старый постулат о включении церкви Преображения Господня в «круг

последних памятников владими́ро-суздальского зодчества» [1069].

Единственный из храмов Ивана Калиты, размер которого комментирует летопись,— Архангельский собор. Не раз обсуждалось известие о росписи в 1344 г. Успенского и Архангельского соборов при митрополите Феогносте и великом князе Симеоне Гордом. Успенский собор расписали греческие мастера митрополита Феогноста, Архангельский собор—«русские писци» князя Симеона Гордого. Греки начали и закончили роспись в один сезон, а местные мастера за то же время «ни половины церкви не могли подписатьи величества ради церкви тоя» [1070]. Дополнительное объяснение содержит Никоновская летопись, где причинами замедления работы названы не только размеры храма, но и масштаб самой росписи: «и не дописаша ее того лета величества ради и мелкаго писма» [1071].

Скепсис Н.Н. Воронина и других исследователей в отношении достоверности объяснений летописи справедлив. Не стоит возвращаться к бесосновательным суждениям о том, что Архангельский собор 1505–1508 гг. повторял план собора 1333 г. и был шестистолпным [1072]. До разборки в 1505 г., по подсчётам Т.Д. Пановой, здесь оказались погребёнными 23 потомка Ивана Калиты, но это ещё не свидетельство значительности размеров, всё зависит от устройства гробниц и истории захоронения.

Возможно, сказалось то, что великокняжеские зодчие, почти непрерывно работая в Москве с 1326 по 1333 г. (Архангельский собор—последний в ряду этих работ), приобрели значительный опыт, наладили производство материалов, обучили помощников. Это позволило за один сезон выстроить храм, сохранявший статус единственной усыпальницы великокняжеского рода на протяжении почти двухсот лет.

Летопись упоминает некоторые элементы конструкций. Говоря о погребении в соборе великого князя Ивана Ивановича, старшего сына Ивана III, Тверская летопись под 1490 г. сообщает: «и положен бысть в соборе архистратига Михаила на десной стране, у столпа» [1073]. Летопись отметила и повреждения: при грозе 5 августа 1450 г. «бысть туча велика... и гром страшен, и прорази церковь камену соборную Архангела Михаила»; через восемь дней, 13 августа «бысть буря велика и сломи крест с тоя же церкви архангела Михаила») [1074]. Последнее могло бы свидетельствовать, что глава у храма была одна, поскольку упоминается один крест, а не кресты, но запись лишена необходимой конкретности.

Не больше сведений даёт археология собора (см. выше). При реконструкции собора существенной оказывается проблема

[[]1064] Воронин, 1962. С.160.

[[]1065] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С.158.

[[]1066] Благоразумов, 1899. С. 31–32.

[[]1067] Степенная книга, 2008. С. 80.

[[]1068] Павлович, 1998. С.153.

[[]1069] Воронин, 1962. С.161.

[[]1070] Рогожский летописец, 1922. Стб. 56.

[[]1071] Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 216.

[[]1072] Некрасов, 1929. С. 76–77. Гипотезу А.И. Некрасова повторил В.В. Кавельмахер (Кавельмахер, 2002/2. С.153).

[[]1073] Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью, 1863. Стб. 500.
[[]1074] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С. 75.

[[]1075] Симеоновская летопись, 1913. С. 88.

[[]1076] Владимирский летописец, 1965. С.104.

[[]1077] Симеоновская летопись, 1913. С. 89–90.

[[]1078] Ф.Ф. Горностаев указывал на его возведение во второй половине XIII в.

[[]Горностаев, б.г. С.5, примеч. 1); М.В. Красовский начинал с него историю московского зодчества (Красовский, 1911. С.10).
[[]1079] Беллев, 1994, 1995, 2010/1.

[[]1080] Там же.

[[]1081] Сообщение Г.С. Евдокимова.

[[]1082] Векслер, 2008. С. 346–355. Этот материал автор затем неоднократно публиковал повторно. Кроме того, в 2015 г. камень с плетёной от портала Золотой палаты Кремля найден Л.А. Беляевым при раскопках юго-восточной части Зарядья.
[[]1083] Дзвонковский, 1995. С. 73–76.

размещения в нём приделов, которые могли существовать уже в XIV столетии. Среди посвящений, известных в XVI–XVII вв. в алевизовском соборе, два, во имя Симеона Столпника и Андрея Стратилата, привлекли особое внимание исследователей, поскольку этим святым соимённые сыновья Ивана Калиты, Симеон и Андрей. Симеон родился 7 сентября [1075] и мог быть назван во имя Симеона Столпника «Летопроводца» (память 1 сентября); младший сын Ивана Калиты Андрей родился 4 июля, на память святителя Андрея Критского [1076]. Средний сын, Иоанн, родился 30 марта на память св. Иоанна Лествичника [1077]. Необходимости устраивать этому святому придел в ново-построенном соборе не было, так как его освятили в построенной в 1329 г. отдельной церкви. В Архангельском соборе XVI в. известен придел во имя Иоанна Лествичника, но это обычно объясняют необходимостью поминовения убиенного Грозным царевича Ивана Ивановича. Устройство этого придела в южных предалтариях явно связано с местом для погребения царевича, определённым его отцом. Всё же, учитывая неясность истории престолов собора, нельзя исключать возможности более древнего происхождения этого придела, вновь обретшего актуальность в связи с событиями в семье Ивана Грозного.

Летописные известия о каменном строительстве в Москве не только указывают даты закладки каменных храмов первой трети XIV столетия—в них специально подчёркнута нижняя граница истории монументального московского зодчества: 1326 г. Но состояние изучения источников в XIX—первой половине XX в. не мешало «застроить» ранний город каменными зданиями довольно густо (полагали даже, что некоторые восходят ко времени ранее 1326 г.).

Так, малоизученные подвалы «старого» собора Данилова монастыря, храма Святых отцов семи Вселенских соборов (сложного монументального сооружения XVII–XIX вв.) заставляли думать, что часть кладок уходит к эпохе Даниила, рубежу XIII–XIV вв. Допускали, что упомянутая в 1319 г. церковь Спаса в Московском Кремле уже тогда была каменной. Одним из последних зданий эпохи Ивана Калиты уверенно считали собор Богоявленского «за Торгом» монастыря, который источник XVII в. (Кормовая книга) связывал с именем тысяцкого Протасия: историческое вступление к книге заставляло датировать «Богоявление каменное» около 1339–1340 гг. Менее уверенно ранние каменные храмы предполагали в Высоко-Петровском монастыре, на Крутицах и, совсем уже без оснований, в других местах.

Однако в 1980-е гг. эти гипотезы были отведены одна за другой. Анализ источни-

ков заставил отказаться от представлений о каменном Спасо-Преображенском соборе. Домыслы о каменном храме XIII в. в Даниловом монастыре рассеялись, не оказав существенного влияния на историографию [1078], а открытые в Даниловом монастыре каменные фундаменты оказались принадлежащими эпохе Ивана Грозного [1079]. Раскопки в Высоко-Петровском монастыре и на Крутицах выявили только остатки кладбищ XV в. Обнаруженные остатки «Богоявления каменного» с большой долей вероятности передвинули его во вторую половину XIV—первую половину XV в. [1080]

Орнаментальная резьба в эпоху Ивана Калиты

Трудности атрибуции. Определение круга достоверных деталей, происходящих из построек Ивана Калиты, связано с трудностями. Все детали взяты из кладок более поздних зданий. Поскольку хорошо известно, что *spolia* использовали для возведении новых построек, одним из важных признаков атрибуции долго считали обстоятельство и место обнаружения камней. Однако это ненадёжный путь. Даже если детали найдены в кладке храмов, построенных непосредственно после разрушения церковей эпохи Ивана Калиты и на их месте, соотнесение с исчезнувшими сооружениями может оказаться недостоверным. В Кремле довольно много каменных храмов, которые перестраивали в XV и в начале XVI в. Например, обследование фундаментов Грановитой палаты показало использование в их кладке блоков со следами фресковой росписи из неизвестного храма, разобранного к 1487 г. [1081] Есть сведения и об использовании камней разобранных кремлёвских построек уже за пределами Кремля, например, при строительстве стены Белого города в конце XVI в. [1082] и в кладках подклетов городских зданий [1083]. Эта подтверждаемая натурными исследованиями свобода перемещения блоков по Кремлю и остальной Москве, несомненно, настораживает.

Успенский собор? Сложность соотнесения вторично использованных деталей усугубляется тем, что в забутовке собирали блоки от разных сооружений, демонтированных к моменту новых работ. Хороший пример— Успенский собор 1326–1327 гг. Строительный материал от его разборки могли использовать для второго собора в 1472–1474 г., но при этом блоки XIV в. не должны были попасть в фундаменты строящегося храма—забутовка велась тогда, когда собор митрополита Петра и Ивана Калиты ещё стоял. Для забутовки стен могли использовать сначала камни от «притворов меньших» и алтарной

апсиды. Затем, когда стены нового храма достигли человеческого роста и старый храм разобрали окончательно, камни из его четверика могли пустить уже только в забутовку верха новых стен.

Камни из фундаментов третьего Успенского собора в основном принадлежат храму 1472–1474 г. Даже если допустить, что в 1475 г. в фундамент с кладочными блоками его стен попали и детали собора 1326–1327 гг.—доказательно отделить их будет невозможно. Следует осторожнее пока датировать обнаруживаемые камни 1472–1474 гг.

Иоанн Лествичник или Архангельский собор? Более вероятно принадлежность строительству Калиты блока архивольты из забутовки фундамента церкви Иоанна Лествичника (Ивана Великого). В 1505 г., когда происходила закладка Ивана Великого, наиболее вероятным источником его бута могли стать кладочные материалы Архангельского собора. Но А.В. Гращенков счёл названную деталь частью портала церкви «под колоколы» 1329 г. В какой мере это обоснованно? Обстоятельства строительства церкви-колокольни в начале XVI в. уникальны для истории строительства и перестройки храмов в Кремле. Если обычно новый храм строили на месте разобранного, то новую церковь «под колоколы» построили на другом участке, что нашло соответствующее отражение в летописи и подтверждено археологически. Следовательно, церковь 1329 г. могла стоять до завершения строительства новой.

Правда, летопись контекстуально связала разборку и закладку: «Тогда же и другую церковь разобрал Иоанн Святой Лествичник, иже под колоколы, созданную от великого же князя Ивана Даниловича в лето 6836, заложил новую церковь Иоанн Святой не на старом месте» [1084], что можно понять как традиционную временную последовательность: разборка старого храма—закладка нового. Но церковь Иоанна Лествичника—не единственная постройка Ивана Калиты, разобранная в начале строительного сезона 1505 г. Запись о ней следует непосредственно за известием о закладке нового Архангельского собора, которая датирована с точностью до дня: «Тоя же весны, Маия 21, повелением великого князя Ивана Василиевича всеа Руси во граде Москве на площади разобрал старую церковь святого и великаго Архангела Михаила ветхости ради... на том же месте заложил новую церковь святого Архангела Михаила и тогда выныла мощи великих князей и уделных» [1085].

Таким образом, весной 1505 г. были разобраны и церковь Иоанна Лествичника 1329 г., и Архангельский собор 1333 г. При этом Архангельский собор находился рядом с местом закладки храма Иоанна Лествич-

ника, так что детали разобранной усыпальницы великих князей могли использовать и для забутовки фундамента церкви-колокольни. Приходится, правда, учесть, что вместе с Архангельским собором разобрали его приделы Воскресения Христова и Апостола Акилы, относящиеся к 1482 г., но резные порталы в храмах 1480–1490-х гг. не известны.

Итак, хотя абсолютно точно определить происхождение фрагмента, взятого из фундамента Ивана Великого, невозможно, его принадлежность эпохе Ивана Калиты очень вероятна [ил. 337]. Более того, в настоящее время это единственный фрагмент, который можно связывать с его эпохой достоверно. Он невелик, но общий характер резьбы понять можно. Это довольно плотная резь (фон практически отсутствует) лапидарного укрупнённого рисунка, в котором есть определённое сходство с домонгольскими приёмами резьбы. Если сравнить её с резьбой части архивольты и полуколонки [1086], обнаруженных в Благовещенском соборе и датированных 1416 г., то значительные различия в рисунке орнамента и характере резьбы станут очевидны [ил. 338, 339].

Спас на Бору или храмы конца XIV—начала XV века? Для верной атрибуции деталей раннемосковских построек важнейшее значение имели натурные исследования,

337

337 Фрагмент архивольты, найденный в фундаментной кладке Ивана Великого. Музеи Московского Кремля
338 Фрагмент колонки из Благовещенского собора 1416 г. Музеи Московского Кремля
339 Фрагмент архивольты из Благовещенского собора 1416 г. Музеи Московского Кремля

338

339

[1087] П.Н. Максимов пишет о находке неопределённо, как о сделанной в земле, а не в кладке 1527 года: «...в земле при изучении фундаментов собора несколько больших кусков белого камня» (Максимов, 1949. С. 210. Н.Н. Воронин, опубликовавший реконструкцию раппорта с криновидным растением, видимо, не знал, что при разборке церкви Спаса на Бору были обнаружены и блоки с пальметтами. [1088] См. реконструкцию Г.С. Евдокимова верхней части резного пояса четверика Благовещенского собора 1416 г. (Евдокимов, 2009. С. 138. Рис. 22).

проведенные в 2000-е гг. в Благовещенском соборе и церкви Рождества Богородицы на Сенях в Московском Кремле. Было установлено, что Благовещенский собор 1416 г. имел трёхчастный орнаментальный пояс, который включал раппорт, состоящий из девятилепестковых пальметт, а церковь Рождества Богородицы на Сенях—орнаментальный пояс из семилепестковых пальметт. В связи с этим было пересмотрено происхождение блоков с семилепестковыми пальметтами, хранившихся в Лапидарии Московского Кремля. Существовало устное сообщение В.Н. Иванова о том, что эти блоки якобы относятся к собору Спаса на Бору 1330 г. [ил. 340, 341]. Именно такую атрибуцию повторил А.В. Гращенков, следуя В.Н. Иванову. Однако Г.С. Евдокимов доказал идентичность этих блоков с блоком, найденным в церкви Рождества Богородицы, где хорошо сохранилось основание пальметты. Кроме аргументов Г.С. Евдокимова, апеллирующих к сравнительному анализу резьбы блоков с семилепестковыми пальметтами и блока из церкви Рождества Богородицы, важно и отсутствие надёжных сведений об их находке в церкви Спаса на Бору [1087]. Вплоть до 1994 г. об их связи с этим храмом вообще не писали, хотя публикация Н.Н. Воронина состоялась при жизни

П.Н. Максимова, с которым он находился в профессиональном общении.

Но и в отнесении к 1330 г. блоков с криновидным орнаментом, обнаруженных в храме Спаса на Бору, возникают определённые сомнения [ил. 342–344]. Раппорт, который складывался из блоков, обнаруженных П.Н. Максимовым, образован переплетённой лозой с чередованием перехваченных петлёй крупных побегов и более мелких плодов или листьев. Связанные петлёй побегов обычно описываются как «пучки», они состоят из двух крупных боковых побегов с завернутыми внутрь концами. Между ними помещена заострённая наподобие наконечника копья пластина. Чередующиеся с «пучками» или связанными побегам трилистники имеют остроконечные пластины, из которых средняя более крупная, чем боковые; пластины боковых листьев изгибаются к основанию. Лоза в основании связанных побегов и листьев имеет геометрически стилизованный характер с заострёнными изломами стебля.

Важно, что тот же рисунок, с небольшими индивидуальными особенностями, имеют криновидные орнаменты в постройках эпохи великого князя Василия Дмитриевича. Две из них твёрдо датированы—Благовещенский собор 1416 г. и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря 1422–1425 гг., причём наиболее близки к резьбе из церкви Спаса на Бору орнаменты Благовещенского собора. Их рисунок практически идентичен, но в Благовещенском соборе мы видим несколько иную трактовку трилистника—чётко прорезанный изгиб пластин, завернутых к основанию листа, заменяет здесь отчётливо очерченный геометризированный рисунок [ил. 345, 346]. В то же время проработка поверхностей листьев и побегов в Благовещенском соборе более обобщённая, переплетённая лоза имеет округлые очертания без изломов. Тем не менее рисунок стилизованной лозы с изломами присутствует в Благовещенском соборе, но в той ленте пояса, где крупные пальметты чередуются с более мелкими пятилистниками [1088].

Близкий рисунок имеет «криновидный» орнамент на перемещённых блоках в Никольском соборе Можайска [ил. 347]. Характер трилистников и стянутых петлёй побегов лозы здесь более обобщённый и схематический, чем на блоках, найденных в церкви Спаса на Бору и Благовещенском соборе 1416 г. Побегов лозы с завитками и листья трилистника более узкие и имеют более простой рисунок. При этом лоза, как и в Благовещенском соборе, очерчена округло. Напомним, что можайский собор не имеет твёрдой даты, но исследователи в основном склонны сближать его по времени с церковью Рождества Богородицы на Сенях и Успенским собором

340

341

342

343

344

345

346

340 Блок из орнаментального пояса с семилепестковой пальметтой. Музеи Московского Кремля

341 Блок из орнаментального пояса с семилепестковыми пальметтами. Музеи Московского Кремля

342 Блок из орнаментального пояса с кринами. Музеи Московского Кремля

343 Блок из орнаментального пояса с кринами. Музеи Московского Кремля

344 Блок из орнаментального пояса с кринами. Музеи Московского Кремля

345 Блок из орнаментального пояса с кринами Благовещенского собора 1416 г. Музеи Московского Кремля

346 Блок из орнаментального пояса с кринами Благовещенского собора 1416 г. ГИМ

347 Орнаментальный пояс с кринами. Фрагмент. Никольский собор Можайска. Конiec XIV в. (?) Фото Г. С. Евдокимова

[1089] Его допускал и А. В. Гращенков, полагая, что блоки вторично использовались при строительстве в 1527 г. храма, который он относил ко второй половине XIV в. и отождествлял с собором Чудова монастыря 1365 г. Не принимая его аргументов, заметим, что подобная ситуация в целом не исключена. Но, поскольку собор разобрали в 1501 г., строительный материал от него должны были сохранить более четверти века. Более того, если отнести блоки к строительству 1330 г. ещё возможно, исходя из места их обнаружения, то для связи их с храмом Чудова монастыря 1365 г. решительно никаких оснований нет. Аргумент для изменения датировки можно пока предложить только стилиевой—это близость к белокаменной резьбе конца XIV—начала XV в. [1090] В то же время собор Чудова монастыря был выстроен полностью заново и при этом с двухэтажными белокаменными подвалами, и вероятнее всего, весь кладочный материал из собора 1365 г. был использован для забутовки фундаментов и стен подвалов.

[1091] Г. К. Вагнер отнёс найденный в 1964 г. блок с необработанными лепестками

на Городке в Звенигороде. Типологически рисунки на блоках из храма Спаса на Бору, Можайского Никольского и московского Благовещенского соборов образуют единую группу, более того, заострённые изломы лозы на блоках из Благовещенского собора и церкви Спаса на Бору говорят не только о типологической, но и стилистической общности орнамента.

Заметим, что позднее, в 1420-е гг., этот тип орнамента уже изменится. Его усложнение заметно в поясе Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря, где рисунок раппорта уплотняется, а «трилистник» касается связанных побегов [ил. 348]. Между побегов с закрученными концами заострённый лист заменяется раздвоенным лепестком с округлыми пластинами, что превращает трилистник в четырёхлистник. Добавляются и крохотные розетки из лозы в основании его боковых листьев. Такой же усложнённый рисунок имеет орнамент на камнях из собора Богоявленского монастыря.

В результате можно зафиксировать эволюцию мотива в сторону его усложнения за довольно короткое время: если принять, что Никольский собор построен в конце XIV в., то на эволюцию уйдёт примерно четверть века. И напротив, если датировать блоки из церкви Спаса на Бору 1330-ми гг., придётся признать, что мотив остался неизменным с 1330 по 1416 г. (первый датированный пример), т. е. на протяжении трёх четвертей века.

Возникает вопрос: не является ли столь ясно наблюдаемое сходство основанием для отнесения блоков из церкви Спаса на Бору не к эпохе Ивана Калиты, а к периоду правления его правнука, великого князя Василия Дмитриевича? Перемещение строительного материала от разобранных храмов, безусловно, практиковалось [1089]. При этом у нас нет ни единого свидетельства существования орнаментированных поясов в эпоху Димитрия Донского. Г. С. Евдокимов, исследовав храм Рождества Богородицы на Сениях, обратил внимание на фрагменты из третьей ленты орнаментального пояса: были найдены и блоки из ленты с поребриком, и блоки с пальметтами; он допустил и возможность происхождения блоков с кривидным орнаментом, обнаруженных при исследовании остатков церкви Спаса на Бору, из храма Рождества Богородицы на Сениях. Церковь Рождества Богородицы на Сениях была последним раннемосковским

к поясам с пальметтами. А. В. Гращенков предположил, что это заготовка для пояса с кривидным орнаментом, но верно указал: «Отсутствие необходимых углублений и врезок орнамента указывает на то, что обработка этой части

ленты была не завершена» (Гращенков, 2010. С. 50). Фрагментарность и схематический характер резьбы не позволяют определить тип орнамента; нет также объективных данных для его датировки или атрибуции.

347

храмом, разобранным в XVI в. Это произошло в 1514 г., т. е. незадолго до сооружения храма Спаса на Бору в 1527 г. При этом, в отличие от других сооружений, церковь Рождества на Сениях была разобрана только наполовину. Её четверик был разобран примерно до уровня хор и превращён в подклет нового кирпичного храма, который выстроил Алевиз Фрязин. Поэтому большая часть строительного материала 1394 г. в дело не пошла и могла быть использована для другого строительства [1090]. Это лишь гипотеза, но кривидный орнамент из церкви Спаса на Бору органично вписывается в ряд образцов резьбы времени Василия Дмитриевича.

Итак, мы приходим к необходимости полностью отказаться от соотношения раппортов не только с пальметтами, но и с кринами с постройками Ивана Калиты [1091]. Напротив, близость этих резных камней к резьбе, характерной для довольно длительного периода конца XIV—первой трети XVI в., просто очевидна. Камни с такой резьбой, найденные при обследовании фундаментов церкви Спаса на Бору, и камни, относящиеся к зданиям, которые были построены при княжениях от Василия I до Ивана III, практически идентичны.

Надгробия, саркофаги и аркосолии XIII—XIV веков

Если мы до сих пор не знаем ничего или почти ничего о планах, объёмах, наружном декоре и росписях церковей Северо-Восточной Руси второй половины XIII—первой половины XIV в., то часть малых форм архитектуры, особенно интерьера, археология уже позволяет представить. Речь идёт о зримых элементах церковного некрополя: каменных надгробиях, саркофагах, аркосолиях, раках для мощей, которые воспринимались не только как статусные захоронения, но и как объекты религиозного почитания. Их роль в семантике, а значит, и в эстетическом восприятии церковного здания была одной из главных.

Для общей истории церковного искусства ранней Москвы важно, что в этой сфере наблюдается довольно быстрая трансформация, знаменующая уход от домонгольского наследия, его коренную переработку или просто начало новой традиции «с чистого листа». В области строительства это выражено прежде всего в отказе от сооружения ственных аркосолий, широко распространённых в XII—начале XIII в. И параллельно в выработке нового типа надгробия—белокаменной намогильной плиты, укладываемой в уровне пола или поверх могильного холмика [1092]. Погребения «в стене» (т.е. аркосолии) и каменные гробы (т.е. саркофаги) упоминаются в летописях и в поздних (XVI—XVII вв.) описаниях соборных некрополей [1093]. Форма саркофага вплоть до второй половины XIV в. следует традиции XII—XIII вв., т.е. остаётся прямоугольной. Крышки выпуклые и плоские начали украшаться простейшей трёхгранно-выемчатой резьбой, но иногда они имеют продольное ребро и скаты. Надгробных плит и крестов тексты почти не отмечают, но этот пробел постепенно восполняют раскопки: в нашем распоряжении целый ряд надгробий Москвы и других владими́ро-суздальских городов. Их даты не особенно точны, поскольку надписных памятников в раннемосковский период ещё не было, но они надёжно устанавливаются в пределах полувека благодаря стратиграфии, письменным свидетельствам и аналогам [1094].

Плиты. Простейший тип—плоская надгробная плита, по размеру близкая к пропорциям человеческого тела, лежащая над погребением на поверхности некрополя, представляет интерес с точки зрения самостоятельного развития на Руси форм, созданных общехристианской традицией, и сам её генезис заслуживает внимания [1095]. Для характеристики же сравнительно недолго развивавшейся Московии, культура которой не успела полностью самовыразиться и была в первую очередь духовной, книжной, эти памятники исключительно ценны. Они позволяют выделить черты, присущие ей как конкретно-исторической общности, уловить её «московскость», её типичные, но трудно поддающиеся фиксации элементы. Само возникновение надгробных плит сопряжено с обстоятельностью становления Москвы: они появляются в эпоху выделения её как удела; в пределах княжества находились основные центры их производства; дальнейшее продвижение плит в другие земли Руси, при быстром подавлении местных традиций, довольно точно совпадёт с расширением зоны политического влияния Московского государства.

Первые некрополи Московского княжества отличают, во-первых, грубые извест-

348

няковые плиты без всякого орнамента и просто валуны (к сожалению, хронологически они совершенно неопределимы); во-вторых, более тонко обработанные плоские «доски», которые впоследствии так и будут называть—«цки». Эти «доски» имеют прямоугольную (иногда неправильную) форму и несут орнамент в виде углублённых треугольников (трёхгранно-выемчатая резьба, «волчий зуб»).

Композиция такого орнамента в ранний период всегда симметричная, изголовье и изножье не выделены и никак не маркируются. Эта форма, сколько можно установить, определена происхождением плит от крышек каменных саркофагов, которые в домонгольскую эпоху были исключительно ящичной формы почти по всей территории Древней Руси [1096], независимо от метода изготовления (долблённые или сборные из плит) и вида камня (мрамор, известняк, пиррофилитовый сланец) [1097].

Орнаментальные композиции также очень просты и зеркально или центрально симметричны: рамка по краю плиты; осевая линия по длине плиты; один круг в центре или три круга вдоль оси симметрии (всегда без заполнения); две серии из трёх кругов каждая по сторонам от оси симметрии. Возможно, это имитация надгробных покровов из текстиля и/или проекция на плоскость традиционной двускатной крышки саркофага.

В Московском Кремле надгробия такого типа дал некрополь на Соборной площади, открытый на месте Успенского собора и северо-восточнее него (до десятка образцов) [1098], и кладбище у церкви Козьмы и Дамиана (две плиты) [1099]. Объекты вне Кремля тоже дают памятники, которые

[1092] Возможно, эти плиты укладывали сначала как крышки кирпичных или каменных пристенных надгробий и саркофагов, стоявших внутри храма. Такие сооружения в домонгольской Руси не были многочисленны, но в дальнейшем они разовьются в классический тип надгробных памятников Московского царства. См.: *Беляев*, 2013 (особенно гл. 4).

[1093] См.: *Суренов*, 2010. С. 60–66.

[1094] История открытия этих памятников в основных сводках: *Беляев*, 1996; Русское средневековье надгробие, 2006, особенно: *Беляев*, 2006. С. 7–30.

[1095] Плита как памятник отдельной личности родилась в ходе становления христианской культуры, вместе с такими явлениями позднеантичной и раннесредневековой погребальной традиции, как полная победа обряда труположения и переход к строго индивидуальным погребениям. Отказ во II–IV вв. н.э. от кремации, распространённой на рубеже эр в западных областях Римской империи, связан с развитием философских и религиозных систем, утверждавших индивидуальное бессмертие души и возможность личного возрождения в телесной оболочке. Христиане отказались считать покойных единоразово «кончательно мёртвыми», предпочитая видеть в них «усопших», отказались забывать мертвецов и считали сохранение памяти о них одной из важнейших функ-

348 Орнаментальный пояс с кринами в карнизе собора Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. 1422–1425 гг.

ций Церкви. Это вызвало повышенную потребность в ограждении мест погребений, в обозначении их надписями и благочестивой символикой.

[1096] Форма саркофага, близкая к антропоморфной с невыраженным изголовьем, была известна в Новгородской земле, но в пределах Волго-Окского междуречья пока не встречена.

[1097] Доказать существование в домонгольское время и XIII—первой половине XIV в. антропоморфных саркофагов до сих пор не удалось: они появляются только в последней четверти XIV в. Среди десятков каменных домонгольских гробов, введённых в оборот за последнюю четверть века, во Владимиро-Суздальской земле—только ящичные. Нет и ни одной крышки или плиты с чертами асимметрии, свойственной форме человеческого тела. В Западной Украине, откуда, возможно, в Ростово-Суздальскую землю пришли мастера тёски белого камня, та же ситуация. См.: *Беляев*, 2015. С. 365–374.

[1098] Таблица в статье: *Шелягина*, 1971/2. С. 264–289.

[1099] *Панова*, 2006. Ил. 1, 2. [1000] *Беляев*, 1994. Табл. 23; 25; 30–5; 31; *Беляев*, 1996. Табл. LXIII–LXV, LXVI–2, LXVI–4; фото 22 и 23.

[101] Следы деревянного храма и его погребения не датируются строго, но в слое, отложившемся до строительства первого храма, есть 1–2 крупных фрагмента венчика горшка XII–XIII вв. В слое кладбища керамика до XV в. отсут-

можно возвести к XIII—первой половине XIV в. Заслуживает упоминания участок собора Богоявленского монастыря с группой грубых плит без орнамента (*in situ*), осколками ранних надгробий (не имеющих аналогов по типу оформления), плитами и частью крышки саркофага симметричной композиции [100]. Самое дальнее от Кремля кладбище Москвы с ранними плитами—при храме церкви Троицы «у Старых Полей» (престол упомянут в конце XV в.). На уровне необжитой поверхности и раннего кладбища [101] здесь обнаружены остатки белокаменных плит *in situ*, включая надгробие с осевой линией, удвоенной трёхчленной схемой кругового орнамента и «ростками» по углам [102] и части с симметричной композицией.

Современные, вероятно, московским и более ранние плиты и крышки саркофагов XII (?) / XIII—первой половины XIV в. найдены в старых соборах древнейших княжеских городов Северо-Востока, во Владимире на Клязьме (собор Рождества Богородицы Рождественского монастыря), Ростове (Успенский собор) [103], Переславле Залеском—в Спасском соборе [104] и соборе Никитского монастыря [105]. Их, напротив, нет в крупных монастырях с некрополями знати, возникшими позднее,—они дают примеры плит не ранее конца XV в. (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский и другие).

Находки прямоугольных камней с выраженным продольным гребнем и их уплощённые варианты, где гребень заменяется

стует. Нет и ящичных саркофагов, хотя антропоморфные каменные гробы и надгробия с ранней антропоморфной композицией орнамента встречаются.

[102] Полная аналогия орнамента надгробия из собора Рождественского монастыря во Владимире. [103] В северо-восточной части Успенского собора, в простенке диаконника, работами 1994 г. (О.М. Иоаннисян, А.Е. Леонтьев) обнаружен стоявший в нише аркосолия ящичный саркофаг, на крышке которого сохранился бордюр треугольной резьбы и раздельная ось. Возможная дата—в пределах XIII в.

[104] Крышка саркофага из юго-западного угла собора, видимо, верно идентифицированного Н.Н. Ворониным как погребение князя Ивана Дмитриевича Переяславского (ум. 1302), но им же датированная гораздо позднее, XVI–XVII вв. См.: *Воронин*, 1949/1. С. 199–200. Рис. 7; *Беляев*, 1996. С. 65–70. Табл. XI.

[105] Крышка саркофага и плита над могилой, условно идентифицированной как погребение Никиты Переяславского с датой 1185 г. См.: *Станюкович*, 2001.

[106] Оригинальные композиционные решения укладываются в общую схему развития «осевых» и «круговых» композиций: удвоенная трёхчленная схема кругового орнамента с осевой линией и «ростками» по углам, как у плиты с юго-восточного наружного угла галереи; фрагмент плиты с осью, на которую «нанизано» большое циркульное клеймо, и другие.

[107] В юго-западном углу собора—два соседних погребения, одно из которых (южное), в каменном гробу, крышка которого имеет ярковыраженное ребро и слабо повышенную к нему верхнюю грань. Севернее—чуть вышуклая плита с треугольным орнаментом (рамка и осевая линия). Оба погребения совершены между концом XII в. и началом XIV столетия внутри уже стоящего собора.

линией графы или лентой орнамента, уже довольно многочисленны (причём известны, в том числе, в Тверской земле). Это позволяет говорить даже об их господстве на этапе формирования плиты как типа памятника в XIII–XIV вв. [106]

Прямых аналогов такие композиции не имеют ни в Византии, ни в Западной Европе, но область художественных ассоциаций, их культурно-конфессиональный генезис явно связаны с романским искусством. Именно оттуда (в том числе с Нижнего Рейна) подбираются аналогии, почти всегда, однако, связанные с эпиграфикой, чего в древнерусских образцах до конца XV в. наблюдаться не будет. Другое пространство, в котором присутствуют такие простые (прежде всего осевые) композиции,—это надгробные камни Боснии и Герцеговины, «стечцы», однако они датируются позднее XIII—второй половины XIV в. и, следовательно, вряд ли могли послужить образцом для Руси (скорее уж примером конвергенции или указанием на общий источник).

Пути, которыми романизованная система оформления плит достигла русского Северо-Востока, те же, что и для архитектуры. Горизонтально лежащие надгробия могли изготавливать уже при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо пришедшие мастера. Хотя плиты, точно датированные второй половиной XII—первой половиной XIII в., не известны, древнейшие крышки саркофагов, видимо, недаром связаны с собором Переславля Залеского, ростовским Успенским и владимирским Рождественским соборами, где погребения, совершённые в саркофагах и деревянных гробах внутри четверика или галереи, имели схожие каменные плиты [107].

Крайне скупые, но изысканные, даже элегантные в своей графической лаконичности решения надгробных плит и крышек саркофагов Северо-Восточной Руси указывают на хорошее чувство пропорций у мастеров, на их способность ценить абстрагированную и от текста, и от изобразительных мотивов орнаменту.

Аркосолии. Для истории архитектуры особенно важны те формы погребальных сооружений, которые являются неотъемлемыми частями конструкции здания: ведь они должны быть «спроектированы» и построены изначально, на этапе закладки фундамента и выведения нижних частей стен. В древнерусском зодчестве их представляли аркосолии—глухие (в редких случаях, возможно, сквозные) арки в стенах, под которыми в толще фундамента выкладывали небольшую камеру-склеп. Склеп перекрывался в нижней части ещё одним арочным

сводом или просто поперечными камнями и плитой. Плита (или иное плоское перекрытие) могла лежать в уровне пола или приподниматься над ним кладкой (обычно на высоту до метра). В этих случаях арку обычно оставляли открытой в пространство наоса, а плиту использовали как люк при новых захоронениях [108], хотя чаще арочную нишу «замазывали» навсегда и сам аркосолий могли заложить полностью, так что погребение скрывалось в стене. Иногда в ниши ставили каменные ящики-саркофаги, которые были видны молящимся, и украшали орнаментом открытую в наос сторону саркофага и его крышку (см. выше), совсем как в раннехристианских соборных некрополях.

Аркосолии располагали вдоль всех доступных для этого плоскостей южной, западной и северной стен, устраивая их в наосе, галереях и особенно часто—в специальных притворах. Для интерьера они играли важную роль, поскольку были семантически значимы, архитектурно артикулированы и, как правило, расписаны (иногда могли включать род эпитафии).

Обычай устраивать аркосолии в стене храма—характерная черта средиземноморской церковной традиции, равно свойственной и Востоку, и Западу [109], причём последнему—вплоть до эпохи Возрождения и позже, когда аркосолий трансформировался в богато оформленную гробницу, часто стоящую отдельно в пространстве храма или придела.

В сводке типов погребальных сооружений, составленной в 1980-х гг. Т.Д. Пановой [110], отмечены две особенности захоронений в стенных нишах на Руси. Они широко распространены в XII–XIII вв., а с середины XIII в. почти исчезают, появляясь до начала XV в. лишь в единичных случаях [111]. Традиция строить их, кажется, связана с западными городами Руси, прежде всего со Смоленском, где сосредоточено не менее тринадцати храмов с такими устройствами (около трети всех известных в домонгольское время с аркосолиями), причём аркосолии в других городах часто построены, видимо, смоленскими же зодчими (Борисоглебский собор в Старой Рязани). Однако полной уверенности в такой связи нет—нужно учитывать многочисленность каменных храмов XII–XIII вв. в Смоленске в целом. Довольно часто (что объяснимо) устраивались аркосолии и в белокаменных храмах Северо-Восточной Руси (Ростов, Владимир, Суздаль и Кидекша, Юрьев Польской).

Аркосолий в храме может быть единичным: видимо, в этих случаях он рассчитан на погребение только ктитора и его ближайших родственников. Но есть соборы с большим количеством аркосолиев, приго-

товленных либо для погребения нескольких ветвей одной семьи (или группы ктиторов), либо для переноса останков ранее умерших родичей. Интересны случаи, когда аркосолий архитектурно выражен снаружи, как в остатках южной галереи собора Рождественского монастыря во Владимире. Это уникальный для древнерусской архитектуры вариант: полукруглая боковая апсидиола, в которую встроен каменный ящичный саркофаг (изнутри он мог быть перекрыт аркосолием). Такое решение особенно живо напоминает о погребальных капеллах Западной Европы [112].

Устройство родовых усыпальниц-аркосолиев в стенах храма, в особых приделах и притворах—типичная черта домонгольских храмов. В XIII—XIV вв. они постепенно сходят на нет, и в более поздних сооружениях раннемосковского периода мы их не видим. Но ранее построенные аркосолии не исчезли из пространства древних соборов Северо-Востока и должны были вызывать мастеров и ктиторов на подражание этой форме. Чего мы, однако, не наблюдаем.

Возможное исключение—гробница, подготовленная для себя митрополитом Петром в Успенском соборе Московского Кремля в 1326 г. Во всяком случае, её традиционно считают именно аркосолием. Вслед за этим памятником мы уже не видим аркосолиев ни в кремлёвских соборах, ни в других храмах Москвы. Тем самым архитектурное оформление нижних частей интерьера существенно упрощается. Зато надгробницы, специальные возвышения для укладки на них плоской плиты, ранее довольно редкие, начинают играть всё большую роль и в конце концов заполняют значительную часть внутреннего пространства погребальных храмов.

Таким образом, уже в самый ранний период развития церковной архитектуры Московской Руси наблюдается быстрый отход от такого важного для домонгольской эпохи элемента оформления интерьера, как аркосолий. И, напротив, столь же быстрое развитие новых форм погребальных сооружений—плоско лежащей надгробной цки и надгробницы для неё. В будущем именно эти элементы, наряду с возникающим во второй половине или конце XV в. антропоморфным саркофагом, станут основой развития малых форм для внутреннего пространства погребальных храмов Московского великого княжества и царства.

Сакральная топография ранней Москвы

Итак, мы знаем слишком мало об облике и стилистических особенностях храмового строительства эпохи князей Ивана Калиты и Симеона Гордого. Фрагменты фундаментов и блок с резной орнаментацией из архи-

тектурного ансамбля в районе Золотых ворот (рис. 10) свидетельствуют о существовании в XII в. на территории, которую в настоящее время занимает комплекс зданий Государственного архива Российской Федерации, каменного сооружения, которое, судя по плану, представляло собой нечто вроде часовни или часового дозора. Вполне вероятно, что это сооружение было связано с деятельностью в этом районе в XII в. некоего монастыря, о котором упоминает в своем труде И. С. Смирнов [113].

[1108] Используя аркосолий более одного раза, надгробную доску каждый раз открывали и вновь «замазывали», но если в аркосолий сразу ставили каменный саркофаг, это ограничивало возможность вторичного использования ниши.

[1109] Простейшие примеры—«храм в портовом районе Херсонеса» X в.; галерея Кахрие Джами в Константинополе XIV в.; храм XIV–XV вв. в Старом Крыму). Из западных памятников достаточно указать многочисленные саркофаги под «готическими» арками на фасаде и в ограде базилики Санта Мария Новелла во Флоренции (XIII–XV вв.), открытые в том числе наружу, в пространство площади.

[1110] *Панова*, 2004 (книга опубликована существенно позже, чем была написана).

[1111] Для второй половины XIV в. Панова указывает три храма с аркосолиями (церковь Михаила в Нижнем Новгороде, церковь Лазаря в Новгороде и Богоявленский собор Голутвина монастыря в Коломне, а для XV в.—только один (Архангельский собор в Рязани).

[1112] Галерея имела придел в восточной части, освящённый в память князя Александра Невского, в южной стене которого размещался ещё один аркосолий, где в XVII в. был оставлен каменный ящичный саркофаг князя—возможно, изначальный (уцелела нижняя часть).

[1113] Интересную попытку собрать сведения о ранних храмах сделала в своё время М.В. Фехнер, но с тех пор картина, конечно, существенно изменилась. См.: *Фехнер*, 1949. С. 106–124.

[1114] Икону, написанную на гробной доске (лежавшей какое-то время на его гробнице) и «сорочку», т.е. драгоценную частицу одежды святого Димитрия, пропитанного его мученической кровью. См.: *Смирнова*, 1997. С. 242–243.

[1115] *Яганов, Рузаева*, 2003. С. 62.

[1116] Её впервые отстроит в камне в 1460–1461 гг. См. о нем: *Выголов*, 1988. С. 21–26.

[1117] Московский летописный свод конца XV века, С. 277; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1901. С. 114; и др. летописи. См. об этом также: *Успенский*, 1901. С. 5; *Забелин*, 1905. С. 606–608; *Скворцов*, 1913. С. 421–422.

[1118] Летописный свод 1497 г., 1963. С. 67; Рогожский летописец, 1922. Стб. 40.

[1119] Софийская первая летопись старшего извода, 2000. Стб. 394; Никаноровская летопись, 1962. С. 61; Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 166.

[1120] Рогожский летописец, 1922. Стб. 45–46; Симеоновская летопись, 1913. С. 91; Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 169.

[1121] *Панова*, 2006. С. 31–32.

[1122] Престол храма в Богоявленском монастыре можно соотносить с этим праздником предположительно, первое посвящение стоявшей вне Кремля церкви «за Торгом» могло быть иным.

[1123] На участке здания Манежа, недалеко от Кутафьей башни. В этой части Занеглименья известна с конца XV в. деревянная церковь, построенная в 1470 г. во имя Св. Симеона, а позже известная как храм Св. Николая в Сапожке, но он стоял с другой стороны от дороги (улицы Воздвиженки) из Кремля. Материалы раскопок не опубликованы, предварительные сведения см. в брошюре, популярный характер которой оправдывает не критическое отношение к открытому источнику: *Вексель*, 2012. С. 82–83.

вольта одного здания, построенного предположительно до конца XIV в., письменные источники—вот, пожалуй, и всё.

Сведения о формировании сакральной топографии Москвы немного обильнее и достовернее. Правда, на основании существующих документальных источников определить исходную точку её формирования вряд ли будет возможно. Но многие узлы в церковном пространстве раннего города удаётся восстановить, используя археологически выявленные участки церковных кладбищ и письменные источники [113].

Считается, что древнейшее из кладбищ открыто в зоне будущего Успенского собора и сложилось вокруг предшествующей деревянной церкви (Св. Димитрия?). Оно представлено погребениями XII–XIV вв., в том числе с белокаменными надгробными плитами древнейших типов XIII–XIV вв. с неустойчивым орнаментом и без надписей (одна из таких плит вторично использована в кладке собора эпохи митрополита Петра). Кладбище было довольно обширным и занимало не только место нынешнего собора, но распространялось к северу и северо-востоку от него. Освящение храма в память Димитрия Солунского для домонгольской Москвы как пограничной крепости владими́ро-суздальских князей закономерно: имя Димитрий получил в святом крещении великий князь Всеволод Большое Гнездо. Он посвятил своему небесному покровителю новопостроенный княжеский собор во Владимире и перенёс в него из Солуни реликвии святого [114]. С этого момента великомученика почитали во Владимиро-Суздальской земле, в том числе в семье великого князя Всеволода. Впрочем, святой воин и ранее был прославлен как покровитель всего русского княжеского рода и, конечно, соимённых ему князей. Посвящённая ему церковь была городским храмом соседней с Москвой крепости, города Дмитрова [115]. После постройки каменного Успенского собора престол его деревянной предшественницы был, видимо, перенесён в диаконник.

Другой древний деревянный храм московское предание, отражённое московской книжностью (Московский летописный свод XV в. и другие) помещало на место церкви Рождества Иоанна Предтечи на Боровицком холме [116], связывая его с ранним двором митрополита: «Глаголють же, яко то пръваа церковь на Москве, на том месте боръ быть и церковь та в томъ лесу срублена была тогды, та же и соборнаа церковь была при Петре митрополите и дворъ митрополич туто же быть, иде же ныне дворъ князь Иванов Юрьевича» [117]. Насколько это предание достоверно, не ясно.

Деревянный храм Спаса на Бору мог существовать по крайней мере в 1310-х гг.:

вероятно, к нему относится известие группы летописей XV в. о привозе в Москву в 1318/1319 г. убитого в Орде тверского князя Михаила Ярославича, тело которого положили «во церкви Преображения» [118]. Ряд летописей упоминают не только церковь Преображения, но и существующий уже в то время монастырь («в церкви святого Спаса в монастыри» [119]), но это входит в противоречие с известным упоминанием летописи о создании монастыря при строительстве каменного храма на Бору [120].

На другом краю Кремля, у юго-западного угла здания Сената, довольно рано появился храм Св. Козьмы и Дамиана—о дате говорит находка на его некрополе частей трёх белокаменных надгробий [121], которые можно отнести к XIV в. Этим святым часто посвящали ранние храмы городов, так было, например, в Новгороде и Твери.

Три церковных кладбища известны и вокруг Кремля, в пределах ближних посадов или сёл: одно в Занеглименье и по крайней мере два с напольной стороны Кремля, в будущем Китай-городе. На месте собора Богоявленского монастыря «за Торгом» можно уверенно предположить кладбище XIII—начала XIV в. с церковью (оно заняло место уже существовавшего поселения) [122]. Исследования на месте церкви Старой Троицы «у Старых Поль» в Китай-городе открыли кладбище, восходящее к XIV в., и остатки засыпки цоколя деревянного сооружения—возможно, первой церкви, которую поставили на свободном, необжитом ещё месте. Раннее кладбище при церкви неизвестного посвящения, восходящее к XIII (?) в., открыто в Занеглименье справа от начала древней Воздвиженки [123]. Была ли уже при нём церковь—не ясно.

Историки Москвы, работавшие в XIX–XX вв., обычно приписывали исключительную древность всем храмам, к которым летописи применяли эпитет «старый» (Никольский Старый монастырь, впервые упомянутый в 1390 г., и другие), но реальная толща этой «старинны» нам не известна, вряд ли их появление нужно предполагать ранее середины XIV в. В то же время церкви, конечно, были во всех пригородных сёлах вблизи или поодаль от города, упоминаемых в духовных Ивана Калиты и Симеона Гордого,—Сущёвском, Напрудном, Городище, Коломенском, Нагатинском и других. Из храмов в дальних пригородах, тесно связанных с Москвой и входивших в её судебную округу, можно уверенно говорить только о церкви и кладбище очень древнего (по крайней мере с конца X в.) поселения, где некоторое время, с рубежа XIII–XIV вв. до начала 1330-х гг., существовал основанный князем Даниилом Александровичем монастырь, от которого позже осталась церковь с кладбищем.

Для некоторых храмов Кремля есть данные для более подробного анализа: сведения о ктиторах и гробницах, приделах и росписях. Это касается в основном каменных построек 1320–1340-х гг.: Успенского собора с Петроверигским приделом, собора Архангела Михаила, церкви Иоанна Лествичника.

Появление каменного Успенского собора внесло существенные изменения в сакральную топографию города. Если посвящение главного престола деревянной церкви св. Димитрию отвечало положению княжеской крепости XIII в., то посвящение Успению Богородицы включало Москву в общерусскую традицию посвящения соборных храмов в городах и монастырях, окончательно превращало её из пограничной крепости в стольный великокняжеский центр.

В 1333 г. в церковной топографии Москвы отмечена важнейшая перемена. На свободном от застройки участке, «на площади» [1124], заложили новый каменный Архангельский собор. Его история—ключевая для церковной топографии раннего Кремля. На месте собора следов более раннего деревянного храма пока не выявлено. Однако в источниках он дважды упомянут до начала каменного строительства Ивана Калиты.

Согласно утраченной пергаменной Троицкой летописи, первый московский удельный князь Даниил Александрович (ум. 1303) положен «в церкви святого Михаила архатгела на Москве, в его отчине» [1125]. Но в начале XVI в., когда летописи впервые перечислили погребения великих и удельных князей в Архангельском соборе Ивана Калиты, князя Даниила не упомянули. Степенная книга, составленная в 1560–1563 гг. и близкая по стилю к агиографии, описала погребение благоверного князя Даниила в созданном им Даниловом монастыре. Это вероятно.

Более убедительным казалось сообщение о погребении сына Даниила, великого князя Юрия. Он был убит в Орде осенью 1325 г. тверским князем Дмитрием Михайловичем Грозные Очи, отомстившим за смерть своего отца, великого князя Владимирского Михаила Ярославича. Тело Юрия привезли в Москву только весной 1326 г., и в первую субботу великого поста он был похоронен, согласно многим летописям, в Архангельском соборе, «на десной стране» [1126].

Однако это сообщение входит в противоречие с последующей историей гробниц Юрия в Кремле. В 1472 г. летопись, рассказывая о выносе саркофагов из Успенского собора Ивана Калиты, упомянет, что строители вынули мощи великого князя Юрия из стены придела Святого великомученика Димитрия Солунского и переложили их в деревянный гроб [1127]. В новом Успенском соборе гроб

с мощами Юрия Даниловича положили в новом же приделе Св. Димитрия Солунского, на той же (южной) стороне [1128]. Наконец, после крушения второго собора и возведения третьего Аристоктемом Фиоранти, мощи князя опять положили в новом, уже третьем и тоже южном, приделе Св. Димитрия, располагавшемся справа от алтаря, на месте диаконника [1139].

Ясно, что гробницей князю до 1472 г. служил аркосолий южной стены придела Св. Димитрия в диаконнике Успенского собора 1326 г. Правда, в Москву останки князя Юрия привезли из Орды ранней весной 1326 г., почти за полгода до начала каменного строительства собора (его заложили 4 августа), так что его вряд ли сразу положили в соборном приделе, а перезахоронили там по окончании строительства [130] (такие случаи хорошо известны). Ни Иван Калита, ни его дети, включая князя Юрия, не были соименниками святого Дмитрия, но церковная традиция предполагала перенос престола ранее существовавшей церкви во вновь построенный храм в качестве придельного.

Итак, летописцы, сообщая о захоронении князей Даниила Александровича и его сына Юрия в Архангельском соборе, опирались на сложившуюся к их времени традицию погребать московских князей в великокняжеской усыпальнице. При этом древние события искажались.

Но была и другая причина предполагать существование церкви Михаила Архангела с середины XIII в.: в городе на некоторое время укрепился князь Михаил Хоробрит, названный в Новгородской IV летописи «московским». Это позволило И. Е. Забелину утверждать, что князь Михаил стал основателем первого Архангельского собора [131]. Но сами сведения о существовании в середине XIII в. московского княжества и особое отношение к Москве великого князя Михаила Ярославича Хоробрита, запись о нём как о московском—результат домысливания летописцев, составлявших в XV в. Новгородскую IV летопись [132].

Итак, достоверная история Архангельского собора начинается с сообщения летописи о закладке (весной?) 1333 г. каменного храма великим князем Иваном Даниловичем. Как и ныне существующий, княжеский храм был выстроен на бровке холма, в его южной части. С чем же был связан выбор места? Наши представления о топографии древнейшего великокняжеского двора вполне условны. Но, учитывая характерную для Кремля преемственность местоположения построек, можно думать, что двор Ивана Калиты находился на том же участке Боровицкого холма. Летопись, сообщая о росписи Архангельского собора при Симеоне Гордом, отчётливо привязывает его к княжескому

[1124] Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью, 1885. С. 206.

[1125] Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою летописью, 1885. С. 174.

[1126] Софийская первая летопись старшего извода, 2000. Стб. 399; Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 199; Летописный свод конца XV века, 1949. С. 294; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью, 1901. С. 145.

[1127] Московский летописный свод конца XV века, 1949. С. 294.

[1128] Там же. С. 325. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, 1859. С. 203.

[1129] Логический вывод о существовании на месте Успенского собора церкви Св. Димитрия Солунского, в которой первоначально и могло быть положено тело Юрия Даниловича, сделан давно.

[1130] *Забелин*, 1905. С. 79.

[1131] *Забелин*, 1905. С. 79.

[1132] История Москвы, 1997. С. 30–31.

[1133] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 94.

[1134] Там же. С. 59.

[1135] Там же. С. 174–175.

[1136] Там же. С. 208.

[1137] Путь к граду Китежу, 2003. С. 71–87.

[1138] *Ворониц*, 1961. С. 442. Степенная книга так описывает некрополь великих княгинь в церкви Успенского Княгинина монастыря, сохранившийся при её перестройке в середине XVI в.: «положена быть в церкви ... Успенна... в приделе Благовещения на правой стране. У нея же последи положена быть и вторая супружница Всеволожа, дщи витебьскаго князя... В монастыри же ея в приделе Христова Рожества от юга на правой стране положены быша великая княгини Александра да великаа княжна Евдокия. А на левой стране великаа княгини Василиса. А в приделе Благовещения от севера на правой стране великаа княгини инока Марфа Шварновна да велика [княгини Анна]. А на левой стране мученик Авраамии» (Степенная книга, 2007. С. 458–459). См. новые яркие сведения об этих и других захоронениях: *Сифенов*, 2010. С. 60–66).

двору. Перенесение к нему княжеского храма, видимо, определяло разделение «площади» на митрополичью и княжескую зоны.

Освящение новой княжеской церкви во имя Архангела Михаила—событие не менее важное, чем постройка Успенского собора. Оно означало перенесение в Москву традиционного для русских князей почитания архангела Михаила, особенно как архистратига бесплотных небесных сил, покровителя праведного земного войска и его вождей—земных христианских правителей. Среди самых известных княжеских и владычных построек, посвящённых архангелу Михаилу,—собор Михайловского Златоверхого монастыря (1108 г.), основанный князем Святополком Изяславичем, и храм Выдубицкого монастыря (1070–1088 гг.) в Киеве; собор Архангела Михаила в Переяславле Южном, созданный митрополитом Ефремом (1089 г.). Во Владимире, на дворе князя Константина Всеволодовича, стояла церковь Архангела Михаила, сгоревшая во время пожара 1226/27 года [1133]; церковь Архангела Михаила он создал и на своём дворе в Ростове (1207 г.) [1134]. Сын Всеволода III, князь Святослав, основал в своём городе Юрьеве Польском монастырь Архангела Михаила, а другой его сын, Георгий, в 1227 г., собор Архангела Михаила в Нижнем Новгороде. Позже в соборной церкви Архангела Михаила в Городце в 1304 г. похоронят городского князя Андрея Александровича [1135]. В этот ряд встал в 1333 г. и княжеский храм Москвы—кремлёвский Архангельский собор.

Структурирование сакрального пространства Кремля читается прежде всего через топографию некрополей, которая (как ни мало она нам известна) показывает постепенное, растянутое во времени изменение статуса кремлёвских храмов.

Исток главных некрополей, княжеского и святительского,—в городском соборе. Первый каменный собор Ивана Калиты изначально стал усыпальницей как великих князей (Юрий Данилович), так и митрополитов (митрополит Пётр). Но первое документально известное женское княжеское погребение (1332 г.) совершается не в Успенском соборе, а в Спасском монастыре. Включал ли замысел Ивана Калиты, строившего новый храм во имя Архангела Михаила, устройство в нём будущей усыпальницы или предполагал развитие княжеского некрополя в Успенском соборе? К сожалению, мы не знаем, где был погребён умерший в 1337 г. внук Ивана Калиты, сын Симеона Гордого—князь Василий [1136]. Первое известное захоронение в Архангельском соборе принадлежит его создателю—великому князю Ивану Даниловичу (1340 г.). Это показывает, что Успенский собор уже не считался единственным и обязательным местом погребения великих князей.

Практика захоронений в кремлёвских храмах первой половины XIV в. вполне соотносима с древнерусской традицией. В Успенском соборе стольного города великих князей владимирских, как и во многих соборных храмах Киевской Руси, погребения святителей соседствовали с княжескими могилами. Основатель владимирского Успенского собора, великий князь Андрей Боголюбский, хоронит в нём детей (Изяслава, Мстислава, Глеба), затем в нём погребают самого князя, а позже его братьев (Михалка и Всеволода). Под сводами собора были положены убиенный татарами благоверный князь Георгий Всеволодович и его семья, погибшая при взятии Владимира войском хана Батые (жена, дочь, сыновья). Но в Успенском соборе находился и некрополь владимирских епископов—Луки, Симеона, Митрофана (погиб в соборе вместе с женой и детьми великого князя Георгия Всеволодовича), Серапиона, Феодора [1137]. Здесь похоронили и митрополита Максима, первого предстоятеля Русской церкви, избравшего местом своего пребывания владения владимирских великих князей.

В то же время владимирский Успенский собор—не единственное место захоронения великих князей и их потомков. Потомков князя Всеволода Большое Гнездо, как и всюду на Руси, часто погребали в их ктиторских монастырях и соборах. Во Владимире уже при великом князе Всеволоде III складывается отдельный некрополь великих княгинь—Успенский Княгинин монастырь. Его основательницу, Марию Шварновну, первую жену Всеволода Юрьевича, хоронят, в соответствии с традицией, в основном ею монастыре. Здесь же погребены её дочь Елена и её сестра; вторая жена великого князя Всеволода, дочь витебского князя; жена Александра Невского Александра и его дочь Евдокия, а также Василиса, жена его сына Андрея [1138].

Аналогичная в общем картина характерна с конца XIII в. для Твери, многолетней соперницы Москвы в борьбе за великое владимирское княжение. Её Спасский собор становится местом упокоения великих князей, их жён, а также тверских епископов. После строительства в него переносят останки великого князя Ярослава Ярославича, погребённого в предшествовавшей собору церкви Космы и Дамиана. В соборе похоронили первого тверского епископа Симеона, при котором был возведён собор, и его строителя—великого князя Михаила Ярославича, погубленного в Орде великим князем Юрием Даниловичем. Впоследствии здесь положат преемников владыки Симеона, тверских епископов Андрея, Варсонофия, Феодора и Феодора Доброго. В соборе похоронены потомки великого князя Михаила

Ярославича—его сын Александр Михайлович и внук Фёдор Александрович, убитые в Орде, а также правнук—великий князь Михаил Александрович и его дети и внуки, вплоть до последнего великого князя Тверского Бориса Александровича. В том же Спасском соборе хоронят и жён великих тверских князей—Ксению Юрьевну, жену Ярослава Ярославича; Евдокию Константиновну, жену великого князя Михаила Александровича; Марию Кейстутовну и Евдокию Дмитриевну Дорогобужскую, жён великого князя Ивана Михайловича [139].

В Москве наблюдаем на первых порах ту же традицию. Захоронение князя Даниила Александровича не в городской церкви Димитрия Солунского, а в созданном и опекаемом им Даниловском монастыре вполне закономерно. Ведь и его отец, великий князь Александр Невский, погребён в великокняжеском Рождественском монастыре, а не в городском соборе. То, что сына Даниила, Юрия, кладут не рядом с отцом в Даниловом монастыре, а в княжеской церкви в городе, не менее привычно. Размещение гробниц митрополита Петра и князя Юрия под сводами Успенского собора вполне в русле старой традиции соединения в городском соборе святительского и великокняжеского некрополей. Следы формирования отдельных монастырских княжеских некрополей, прежде всего женских, столь же естественно продолжают владимирскую традицию хоронить жён великих князей в отдельном «княгинином» монастыре, роль которого в первой половине XIV в. в Москве, видимо, принадлежала монастырю Спаса на Бору (что не мешало хоронить здесь и мужчин).

Погребение Ивана Калиты не в Успенском, а в Архангельском соборе также не означает принципиального изменения топографии княжеского мужского некрополя. Примеры смены места захоронения князей в очень короткое время хорошо известны. Десятинная церковь как великокняжеский храм стала местом погребения киевских князей, начиная с Владимира Святого. Но после строительства князем Ярославом Софийского собора, кафедры Русской митрополии, некоторые князья, и прежде всего князь-основатель, находят упокоение именно в нём. Здесь хоронят его сына великого князя Всеволода; его внуков—великого князя Владимира Мономаха и князя Ростислава Всеволодовича; его правнука Вячеслава Владимировича. В этой связи закономерно и захоронение Ивана Калиты в Архангельском храме, им самим созданном. Ведь Успенский собор считался созданием митрополита Петра, о чем ясно пишут летописи: «Августа 4, пресвещенный Петр митрополит заложи на Москве первую церковь камenu Успение Богородицы, при князе Иване Дани-

ловиче; и заложи гроб себе своими руками близ святого жертвенника» [140].

Итак, выделение в сакральном пространстве Кремля двух центров, его разделение на две зоны не было изначальным. Оно произошло в середине XIV в., когда в Архангельском соборе было положено тело Ивана Даниловича Калиты. Разделение святительского и княжеского храмов не только как объёмов, но и как некрополей продолжилось и окончательно определилось в начале лета 1353 г., когда от лёгочной чумы умирает сначала митрополит Феогност, затем великий князь Симеон Гордый [141] и его брат Андрей Иванович. Митрополита Феогноста хоронят в приделе Поклонения веригам святого апостола Петра при Успенском соборе, а сыновей Ивана Калиты—в Архангельском соборе. Погребение в Архангельском соборе в 1359 г. третьего сына Калиты, великого князя Ивана Ивановича Красного, собирает под сводами этой церкви всех его сыновей.

Такое разделение оказалось не только устойчивым, но имело глубокие последствия для развития сакрального пространства города. К середине XIV в. в Кремле намечаются три отдельных некрополя—святительский, княжеский и княгинин. Окончательно локализуется в этот момент только некрополь Ивана Калиты и его сыновей—Архангельский собор (вопрос о месте погребения умерших тогда же внуков Калиты остаётся открытым). Успенский собор не является ещё единственным местом погребения московских святителей, поскольку преемник святителя Феогноста, митрополит Алексей, как известно, погребён в «своём» монастыре Чуда Архангела Михаила в Хонех. Но Успенский собор окончательно утвердится как место упокоения митрополитов Киевских и всея Руси в начале XV в. после того, как в нём похоронят митрополита Киприана, повелевшего положить себя в Успенском соборе «на правой стороне, у стены» [142].

Единого места погребения женщин дома Ивана Калиты в XIV—начале XV в. нет, и оно до конца не сложится в дальнейшем. Всё же, согласно владимирской традиции, княгинь будут хоронить в их патрональных монастырях. Одним из них, возможно, стал Спасо-Преображенский: в его новопостроенном (1329/1330 г.) соборе в 1330/1331 г. похоронят жену Ивана Калиты, Елену [143], а затем жену великого князя Симеона Гордого, Анастасию. (1344/1345 г.), которая велела расписать собор «и всеми потребами удовлетворяла тамо живущая иноки, и многу честь им воздавала» [144]. В приделе собора в 1364/1365 г. похоронят Александру (в иночестве Марию), вдову другого сына Калиты, великого князя Ивана Ивановича [145], а в 1398/1399 г.—третью жену Симеона Гордого Марию, в иночестве Фетинию [146].

[139] *Забелин*, 1994. Прилож. 9. С. 279–284.

[140] Львовская летопись. Ч. 1., 1910. С. 177.

[141] О месте погребения умерших на одной неделе с митрополитом сыновей великого князя Симеона Гордого, Ивана и Семёна, ничего не известно.

[142] Софийская первая летопись старшего извода, 2000. Стб. 526; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1889. Стб. 152.; Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 194.

[143] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1885. С. 204.

[144] Там же. С. 216.

[145] Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 4.

[146] Там же. С. 172.

[147] Там же. С. 121.

[148] Великая княгиня Евдокия Дмитриевна (в монашестве Евфросиния), вдова Димитрия Донского, изберёт местом погребения «свой» для неё Вознесенский монастырь. Сюда из Звенигорода привезут в 1422 г. и умершую невестку покойной великой княгини Евдокии, княгиню Анастасию, супругу князя Юрия Дмитриевича. (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, 1897. С. 238).

[149] В 1393/1394 г. великая княгиня Евдокия заложит каменную церковь Рождества Богородицы и вскоре, в 1399 г., похоронит в этом храме свою дочь Марию, выданную замуж за князя Семёна Лугвеня Ольгердовича, умершую в Мстиславле и привезённую в Москву (Там же. С. 172).

[150] Елена Ольгердовна завещает себя похоронить в монастыре Рождества Богородицы на рву, ктиторской обители своей свекрови, перешедшей к ней. В духовной грамоте 1433 г. она завещает эту обитель своим снохам и внуку Василию Ярославичу (ДДГ, 1950. С. 72. №28) Однако уже её правнучка, великая княгиня Мария, дочь Василия Ярославича и жена внука великой княгини Евдокии—Василия Васильевича Тёмного, будет положена не в Рождественском монастыре, завещанном её отцу, а в Вознесенском, который станет её ктиторской обителью.

[151] ДДГ, 1950. С. 45–46. №17.

[152] ДДГ, 1950. С. 11. №2. Докончание великого князя Семёна Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем [около 1350–1351 гг.].

[153] ДДГ, 1950. С. 33. №12. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича [апреля 13—мая 16 1389 г.].

[154] *Малиновский*, 1992. С. 42–43.

[155] *Снегирёв*, 1842–1845. С. 6.

[156] *Истомин*, 1893.

[157] *Забелин*, 1905. С. 75–76.

[158] *Бусева-Давыдова*, 1997. С. 171–172.

Но монастырь Спаса на Бору так и не стал основным местом погребения женщин великокняжеского дома—этому препятствовала традиция погребения княгинь в монастырях, основанных ими самими. Так, Мария, в инокинях Марфа, жена третьего сына Ивана Калиты, Андрея, была положена в 1389 г. в монастыре Рождества Богородицы «на рве», ею основанном [147]. Жён великокняжеского дома будут и позже хоронить в их ктиторских монастырях и храмах: Вознесенский монастырь станет местом упокоения жён сыновей, внуков великой княгини Евфросинии и их дочерей [148], параллельно ему будет развиваться некрополь в монастыре Рождества Богородицы «на рву» [149], ктиторском для княгини Марии, вдовы Андрея Ивановича и матери князя Владимира Храброго [150]. Некрополь Вознесенского монастыря развивается именно как место погребения жён и дочерей мужских потомков великой княгини Евдокии, в иночестве Евфросинии.

У некрополя Архангельского собора судьба принципиально иная. Князей—потомков Ивана Калиты хоронят в нём, независимо от места погребения жён и дочерей, и он с самого начала получает особое значение, собирая под свои своды всех мужских потомков сыновей Ивана Калиты, а позже—всех вообще мужчин «царского достоинства». Это, конечно, можно считать развитием старой традиции родового принципа погребения, но скорее здесь читается разрыв с нею, так как принадлежность к «земным правителям» ставится гораздо выше общих семейных уз.

Начало этой традиции было положено в завещании Ивана Калиты. Он оставил своим сыновьям Москву как «отчину». Эта отчина должна была сохраниться в роду каждого из братьев, независимо от того, какой удел им достался от их родителя. Так, сын умершего князя Андрея Ивановича серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич Храбрый сохранил его долю в Москве, которая была и его «отчиной», переданной им его сыновьям: «А приказываю отчину свою Москву, свою треть, чем мя благословил отец мои, детям своим, сыну князю Ивану, князю Семену, князю Ярославу, князю Андрею, князю Василью, ведают по гоDOM» [151]. У гробницы Ивана Калиты совершается крестоцелование, закрепляющее обещание сыновей Калиты «бытии ... заодни» [152]. Принцип «одиначества», означающий общее владение Московской землей, будет развит в духовной грамоте внука Калиты, Дмитрия Донского, сохраняющей, в том числе, общее владение отчиной—Москвой его сыновьями («А приказываю отчину свою Москву детям своим, князю Василью, князю Юрию, князю Андрею, князю Петру» [153]), в которой сохраняется и отцовская доля боровского

князя. Москва была отчиной двух уцелевших ветвей потомков Калиты, идущих от его младших сыновей Ивана Ивановича Красного и Андрея Ивановича.

Под сенью Архангельского собора находились гробы самого Калиты и троих его сыновей—прародителей всех князей московского дома, владевших своими жребиями по духовным грамотам своих прародителей. Эти гробы стали важным обоснованием легитимности политических прав и владений московских князей. Вероятно, именно в этом—один из корней сложения особого «некрополя правителей» в Кремле, исключительные качества которого будут осознаны, визуальнo структурированы и символически развиты гораздо позже, в начале XVI в.

Предположение о появлении ещё в XIV в. у Архангельского собора приделов во имя Андрея Критского, Симеона Столпника и Иоанна Лествичника позволяет поставить вопрос о сложении в эпоху Ивана Калиты системы патрональных посвящений. Патрональный характер могло иметь посвящение Иоанну Лествичнику престола церкви 1329 г. Попытки объяснить выбор посвящения предпринимались уже с начала XIX в. А.Ф. Малиновский считал, что престол устроен во имя патронального святого среднего сына Ивана Калиты—Иоанна [154], а И.М. Снегирёв полагал, что великий князь учредил его в честь своего ангела [155]. Г.Истомин пытался объединить оба мнения, предполагая, что храм освящён во имя святого, патронального и для великого князя, и для его сына [156].

Однако, согласно наблюдениям известного нумизмата и сфрагиста А.В. Орешникова, ни Иван Калита, ни его сын Иван Иванович не были крещены во имя Иоанна Лествичника, поскольку на печатях, привешенных к духовным грамотам этих князей, изображены иные святые—святой Иоанн Предтеча (на печати Ивана Калиты) и святой Иоанн Иерусалимский (на печати великого князя Ивана Ивановича) [157]. Поэтому И.Е. Забелин увидел в выборе посвящения и замысле строительства политической мотивацию: храм был сооружён по обету после удачного бескровного похода на Псков, где скрывался тверской князь Александр Михайлович. В этом случае храм становится первым известным примером обетного строительства, связанного с военными победами московских князей.

Мнение И.Е. Забелина сохраняет актуальность до наших дней [158], но остаётся гипотезой. Несмотря на изображение св. Иоанна, патриарха Иерусалимского, на печати великого князя Ивана Ивановича, вероятность почитания им св. Иоанна Лествичника как своего ангела сохраняется: согласно сообщениям летописей, он родился

в день, когда Церковь совершает память этого святого («В лето 6834 родися великому князю Ивану сын Иоанн марта в 30 на память Иоанна Лествичника» [1159]).

Более точно патрональный характер посвящения можно определить для придельного храма Успенского собора во имя Поклонения веригам апостола Петра: строительство придела при митрополите Феогносте связано с посмертным почитанием митрополита Петра, на что указывает и расположение нового придела у внешней стены аркосолия митрополита Петра. Это наиболее ранний пример традиции почитания не канонизированного ещё подвижника через посвящение храма его патрональному святому.

Заключение

Сравнивая сегодняшние знания об архитектуре Руси середины XIII—середины XIV в. с теми, которые имелись в распоряжении наших предшественников 50–100 лет назад, мы, на первый взгляд, не найдём большой разницы. Сведения письменных источников не слишком расширились, а натурное изучение, несмотря на все усилия реставраторов и археологов, не прибавило по-настоящему ярких памятников, доступных искусствоведческому анализу. Попытки связать с известными из летописей храмами отдельные случайные находки 1950–1980-х гг. оказались не особенно удачными и потребовали значительных усилий для их дополнительного разбора. Но именно благодаря этой критике источников достигнуто главное: наши сведения о памятниках первого послемонгольского столетия стали гораздо надёжнее.

Благодаря исследованиям Спасо-Преображенского собора в Твери удалось наконец подтвердить на археологическом материале полную преемственность послемонгольской тверской архитектуры от белокаменного зодчества Владимиро-Суздальской Руси—преемственность как в отношении планировки (и, вероятно, объёмно-пространственного решения), так и в отношении резного фасадного декора. Механизм передачи этой традиции через полувековой хронологический разрыв становится теперь отдельной проблемой, но в будущем можно надеяться решить и её.

Центральный памятник тверского зодчества оказался значительным по размерам сооружением. Правда, он уступал в этом отношении городским соборам XI—начала XIII в. во Владимире на Клязьме, Суздале, Ростове, но его структура воспроизводила наиболее распространённый домонгольский тип церковного сооружения—трёхпритворный храм. Очевидно, что облик Спасского собора был им близок и по художественному

уровню, хотя незначительная сохранность памятника не позволяет оценить его в полной мере.

Облик московской архитектуры эпохи Ивана Калиты и его сыновей, казалось, понемногу проявлявшийся в работах Н.Н. Воронина, Г.К. Вагнера, В.И. Фёдорова, Н.В. Шеляпиной и других, снова рисуется очень смутно. Но лучше отдать себе в этом отчёт, чем выстроить иллюзорную историю и фантастические реконструкции. Мы знаем немного, но знаем твёрдо. Это позволяет представить древнейшее зодчество Москвы в его главных чертах. Дальнейшее развитие исследований, надеемся, наполнит эту схему жизнью. Сегодня же она выглядит следующим образом.

1. Известие о закладке Успенского собора 4 августа 1326 (6834) г. остаётся первым сообщением не только о строительстве каменного храма, но и вообще о храмостроительстве в Москве. Представления о монастырском соборе в Даниловом монастыре, о ранней церкви Дмитрия Солунского и церкви Архангела Михаила (в которой похоронили князя Даниила Александровича) в Кремле, о церкви «Спаса в монастыри» (где лежало тело убиенного в Орде тверского князя Михаила Ярославича) и о «Богоявлении каменном», так же како и о ряде других, якобы существовавших до 1326 г. каменных храмах, не подтвердились. Однако к концу первой четверти XIV в. в Кремле и его окрестностях существовали многие из перечисленных и ещё несколько деревянных церквей, места которых обозначены некрополями.

2. Строительство Успенского собора было закончено летом 1327 г., 14 августа его освятил ростовский епископ Прохор, после чего в строительстве последовал перерыв. Лишь спустя два года, 21 мая 1329 г. произошла закладка церкви Иоанна Лествичника. В августе того же года, когда новый храм был уже построен, началось строительство придела Успенского собора во имя Поклонения веригам апостола Петра. Освящение церкви Иоанна Лествичника пришлось на 1 сентября 1329 г., а через полтора месяца, 14 октября, освятили придел Успенского собора. В следующий строительный сезон, весной 1330 г. началось строительство каменной церкви Преображения Господня. Время её завершения летопись не отмечает, но работы заняли один или два строительных сезона, так что храм Спасского монастыря был завершён и освящён не позднее осени 1332 г. Началом строительства последнего из каменных храмов Ивана Калиты, собора Архангела Михаила, следует считать апрель 1333 г., поскольку возвели его «в одно лето», а освятил митрополит Феогност 20 сентября 1333 г.

[1159] Московский летописный свод конца XV века. 1949. С.167.

3. Архитектурный облик этих сооружений остается неизвестным; нет реальных сведений и о традиции, к которой принадлежали мастера, работавшие в Москве в первой трети XIV в. Обращает на себя внимание тот факт, что строительство в Москве 1320–1340-х гг. велось последовательно, а не синхронно: вероятно, количество работавших для Ивана Калиты мастеров-строителей было ограничено, а следовательно, можно предполагать определённое стилевое единство возведённых храмов.

4. Все храмы Ивана Калиты были белокаменными, но в строительстве мог применяться в ограниченных количествах (прежде всего для настилки полов) кирпич и керамическая плитка, возможно, глазурованная (она хорошо известна в домонгольском строительстве и широко использовалась в строительстве Твери, по крайней мере с XIV в.). Видимо, резьбу использовали экономно: она могла сводиться к оформлению порталов. Во всяком случае, такой портал имел один из соборов (скорее всего, Архангельский).

5. Приходится отказаться от считавшегося незыблемым предположения об украшении храмов Ивана Калиты лентами орнаментированных резных камней и/или аркатурно-колончатými поясами. Все найденные в Кремле камни этих типов следует отнести к строительству не ранее конца XIV в. Нет пока свидетельств их применения даже в строительной практике эпохи Димитрия Донского, хотя постройки его времени, пусть предположительно, известны.

6. В период правления князя Даниила Александровича, его сыновей и внуков в Москве уже существовала развитая сеть церковной топографии, включавшая несколько десятков храмов и охватившая Кремль, ближайшие посады и сёла на восточном плато, в Занеглименье и Заяузье, а также часть отдалённой округи к северу и юго-востоку. Каменное строительство за пределами Кремля до конца XIV в. не велось, но в самом Кремле при Иване Калите сложилась группа из двух основных государственных соборов (общегородского кафедрала и храма-некрополя правителей княжества), дополненная каменным храмом-звонницей.

7. Незаурядным в строительстве Москвы эпохи Ивана Калиты представляется прежде всего его размах и хронологическая плотность, последовательный характер. Группа из двух главных кремлёвских соборов и церкви-колокольни, задуманная Иваном Калитой, и в дальнейшем останется внутренне связанной. Она станет предметом неизменных забот всех Даниловичей и наследующих им Романовых, сохраняя значение церковного символа и (наряду с кремлёвской крепостью) архитектурного палла-

диума Москвы, а позже — централизованного Русского государства.

8. Ничего хотя бы отдалённо сравнимого с программой каменного строительства Ивана Калиты ни в количественном отношении, ни с точки зрения целенаправленности осуществления мы не увидим в других землях и городах Северо-Востока Руси вплоть до конца XVII столетия.

А.Л. БАТАЛОВ, Л.А. БЕЛЯЕВ